
ОГОНЁК
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 9 (2122)

Основан
1 апреля 1923 года

24 ФЕВРАЛЯ 1968

ВПЕРЕДИ — САППОРО!

В. ВИКТОРОВ,

специальный корреспондент «Огонька»

Фото Л. БОРОДУЛИНА и ЮПИ.

Решающий матч гренобльской олимпиады: СССР — Канада. Атакуют А. Фирсов, В. Викулов и В. Полупанов.

Три красные розы французские девушки торжественно вручили на закрытии X Олимпийских игр трем японским красавицам. На другом краю земного шара, в японском городе Саппоро, соберутся через четыре года на XI Белую олимпиаду лучшие спортсмены мира. Но долго еще будут обсуждаться итоги Гренобля, осмысливаться его победы и поражения, и, как знать, не поднимутся ли в Саппоро сегодняшние неудачники на высшую ступеньку пьедестала почета.

В этой эстафете мастерства и заключается высший смысл международных спортивных форумов. Да, каждые крупные соревнования — это не только непреклонная борьба, но и тесное сотрудничество, и советские спортсмены внесли немалую лепту в расцвет зимних видов спорта во многих странах мира. У нас учились трудолюбию, организованности, сплоченности, волевой целеустремленности. И вот многие ученики в Гренобле превзошли своих учителей.

Неудачи терпели не только советские спортсмены. Итальянский гонщик побеждает прославленных скандинавских лыжных асов. Финские хоккеисты заставляют склонить головы канадцев. А под занавес олимпиады советский прыгун победил норвежских, финских и прочих других хозяев больших трамплинов.

Ни на одной Белой олимпиаде не наблюдали мы такого положения, чтобы спортсмены 15 стран увозили с собой призовые медали. Ни на одних играх сюжетное напряжение не было столь острым. Организаторы VIII Белой олимпиады в Скво-Вэлли пригласили известного режиссера Уолта Диснея в качестве постановщика. В Гренобле сам ход спортивной борьбы создал такие ситуации, которые не смог бы придумать не только какой-нибудь знаменитый режиссер приключенческих фильмов, но даже сам Стендаль, великий французский романист, уроженец Гренобля. И в качестве главного действующего лица по-

Продолжение на стр. 6.

Рене АНДРИЕ,
член Центрального Комитета Французской коммунистической партии,
главный редактор газеты «Юманите»

ЕДИНСТВО

За полвека после победы Октябрьской революции в России коммунистическое движение широко распространилось во всем мире. Во многих странах родились и выросли коммунистические партии. Естественно, что каждая национальная партия отражает те условия, в которых она развивалась. Но чтобы не скатиться к национализму, нельзя забывать об интернациональном долге каждой партии. Несмотря на отличия в положении разных народов, их главные интересы совпадают. У них одна и та же цель — социализм, один и тот же враг — империализм.

Международная солидарность проявилась в свое время в создании Коммунистического Интернационала, основанного Лениным в 1919 году и сыгравшего важную роль в образовании компартий. Эта организация восстановила между пролетариатом всех стран связи, нарушившиеся в 1914 году вследствие краха II Интернационала, помогла молодым партиям вырваться из болота оппортунизма и встать на путь борьбы за социализм.

В 1943 году Коммунистический Интернационал принял решение о прекращении своей деятельности. Братские партии, став зрелыми, сочли, что существование центра, руководящего международным коммунистическим движением, могло бы стать препятствием в творческой деятельности каждой из них. Сегодня не идет речь о том, чтобы вернуться на четверть века назад, и никто не думает возродить Коммунистический Интернационал. Однако это ничуть не умаляет значения принципов пролетарского интернационализма. Разумеется, в наши дни каждая партия сама решает свои проблемы и проводит независимую политику в соответствии с условиями своей страны и интересами ее народа. Но борьба за мир и социализм развертывается в международном масштабе. Определяя свой курс, цели и методы проведения своей политики, каждая коммунистическая партия, если она не хочет выродиться в бессильную группу националистов, обязана помнить, что пролетарии и народы всего мира должны вместе защищать свои главные интересы и что они смогут добиться победы только в результате совместной борьбы.

В единстве сила, говорит народная мудрость. Чтобы выиграть битву, нам нужно выступать единым строем. Империализм в борьбе против нас не только опирается на свое могущество, но и старается использовать малейшие наши разногласия.

Французская коммунистическая партия давно высказалась за созыв нового международного совещания коммунистических партий. Год назад, на 18-м съезде, ФКП так сформулировала предложение, выдвинутое еще на 17-м съезде в 1964 году: «Считая, что нельзя до бесконечности откладывать проведение международного Совещания коммунистических и рабочих партий для защиты и укрепления единства международного движения, съезд высказывается за проведение такого совещания в наиболее подходящие сроки; Французская коммунистическая партия будет добиваться того, чтобы условия этого созыва, назревшие в последний период, как можно скорее привели к реальным результатам».

Это означает, что Консультативная встреча, которая состоится в Будапеште и которая должна подготовить созыв Совещания коммунистических и рабочих партий, отвечает желанию французских коммунистов.

Последнее Совещание коммунистических и рабочих партий проходило, как известно, более семи лет назад, в ноябре 1960 года. 81 партия, в числе которых была и Коммунистическая партия Китая, единодушно приняли Заявление и Обращение к народам всего мира.

Положения этих документов подтверждены жизнью и сохраняют и поныне свое значение и актуальность, хотя за истекшие семь лет в мире произошли существенные изменения и появились новые факторы.

Марксистско-ленинские партии, как правящие в социалистических странах, так и те, которые руководят борьбой народных масс с государственно-монополистическим капитализмом, добились за этот период значительных успехов. В той части мира, которая освободилась от колониального ига, многие страны, ставшие независимыми, избрали некапиталистический путь развития.

В то же время империализм использует свои силы для контрнаступления и его агрессивность возрастает. Американские империалисты продолжают чудовищную войну против вьетнамского народа. Острый кризис на Ближнем Востоке, военный переворот в Греции, происки империализма на Кипре осложнили обстановку в Средиземноморье. Соединенные Штаты угрожают Кубе и все больше вмешиваются в дела Латинской Америки. Массовые кровавые репрессии имели место в Индонезии. Были организованы реакционные государственные перевороты во многих странах Африки. В сердце Европы активизация неофашистов свидетельствует о возрастающей угрозе, тем более опасной, что западногерманское государство, руководимое бывшими нацистами, проводит политику, пагубную для мира.

По этим причинам необходимо, чтобы коммунистические партии подготовили новое международное совещание. Его задача — дать марксистско-ленинский анализ основных явлений и тенденций, которые возникли в международной обстановке после 1960 года. Совещание позволит обобщить и изучить богатый опыт, накопленный различными партиями за этот период. Нужно приложить все усилия, чтобы максимально сплотить международное коммунистическое движение. Это необходимо для единства всех прогрессивных сил мира, для укрепления солидарности рабочего и национально-освободительного движения и в конечном счете для срыва опасных планов империалистов.

Не следует наивно думать, что трудности, которые существуют в международном коммунистическом движении, можно ликвидировать по мановению волшебной палочки. После 1960 года руководители Компартии Китая резко отошли от генеральной линии коммунистического движения. Они проводят авантюристическую и шовинистическую политику, вмешиваются в дела других партий и везде, где только могут, пытаются расколоть их. Созыв международного совещания позволил бы рассмотреть ряд важных и сложных проблем.

Поддержка совещания большинством братских партий и инициатива 18-ти партий свидетельствуют о желании решить эти проблемы. Едва ли нужно говорить, что слухи, будто совещание имеет целью «отлучить» ту или иную партию, совершенно несостоятельны. Характер современного международного коммунистического движения исключает вмешательство в дела какой бы то ни было партии.

Французская коммунистическая партия считает, что совещание должно уделить основное внимание главному вопросу коммунистического движения — сплочению его рядов в борьбе против империализма, единству всех сил, принимающих участие в этой борьбе.

Наша партия сделает все зависящее от нее, чтобы совещание было успешным в этом отношении, чтобы оно сыграло важную роль в укреплении международного коммунистического движения, явилось новым важным шагом на пути к победе того справедливого дела, за которое борются коммунисты всех стран мира.

В ночь на 18 февраля взрыв огромной силы потряс Сайгон. Затем на улицах стали рваться снаряды, мины и ракеты. Первый удар был нанесен по западной окраине Сайгона, где находится самая крупная авиабаза и штаб американского командования. Несколько солдат из охраны были ранены, сам генерал Уэстморленд, находившийся в штабе, едва унес ноги. В эту же ночь патриоты атаковали более сорока других военных баз, городов и опорных пунктов. Мощные удары были нанесены по девяти военным аэродромам.

Некоторые американские газеты назвали новое наступление патриотов Южного Вьетнама «второй волной». Эта «вторая волна» всеобщего народного наступления вызвала в американской прессе вторую волну паники, лжи и военного психоза. Газеты «ястребов» пытаются заверить своих читателей, что «Вьетконг опять не достиг поставленных целей» и «никаких существенных изменений в Южном Вьетнаме не происходит».

Целый ряд мер, предпринятых правительством США, находится в полном противоречии с этими бодрыми заверениями. Как известно, вскоре после «первой волны» было принято решение о срочной переброске в Южный Вьетнам подкрепления из десяти с половиной тысяч десантников, однако генерал Уэстморленд, по-видимому, считает это подкрепление недостаточным, чтобы сдержать натиск противника. На пресс-конференции, состоявшейся 16 февраля, президент Джонсон сообщил, что «заявки Уэстморленда» рассматриваются каждый день. Газета «Нью-Йорк таймс» пишет, что военщина США намерена требовать наращивания численности американских

Кровь, грязь, бесславный конец...

войск в Южном Вьетнаме даже сверх установленного властями предела в 525 тысяч человек.

Начальник управления по призыву на военную службу генерал-лейтенант Льюис Херши на днях отдал приказ об отмене отсрочек от службы в армии для большой категории молодых американцев, общее число которых составляет 350 тысяч. Это решение коснулось в первую очередь студентов и молодых рабочих, имеющих «важные

специальности». Педагоги и работники просвещения с возмущением говорят о «потере целого поколения специалистов и ученых», а печать «ястребов» пытается урезонить их ссылкой на «истощение стратегических резервов страны».

Отвечая на вопросы журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», десять американских генералов и адмиралов выдвинули такую «программу»: «Мобилизовать резервистов; начать массовое производство новых типов самолетов и другой военной техники; официально объявить войну Северному Вьетнаму... расширить бомбардировки, включая правительственные здания в Ханое; заминировать порт Хайфон и вторгнуться на территорию Северного Вьетнама...»

Взбесившаяся от постоянных неудач американская военщина готова, как видно, идти ва-банк.

В явном противоречии с заявлениями прессы о том, что «во Вьетнаме ничего существенного не произошло», оказался и упорный слух о смещении генерала Уэстморленда. Правда, президент Джонсон на упомянутой пресс-конференции официально опроверг это, но даже он не смог отрицать, что появление подобных слухов в США связано с целым рядом стратегических и тактических провалов в Южном Вьетнаме, которые требуют объяснения. Не случайно президент призывал своих соперников на предстоящих выборах в Белый дом исключить из предвыборной кампании вьетнамскую проблему.

На упомянутой пресс-конференции президент Джонсон утверждал, будто большинство американцев «согласны с его политикой во Вьетнаме». Трудно сказать, на чем основывал президент свое утверждение, но даже последний опрос населения, проведенный Институ-

Так выглядело недавно американское посольство в Сайгоне.

ПАНИКА, ЛОЖЬ, ВОЕННЫЙ ПСИХОЗ

том общественного мнения Гэллапа, показал, что эту политику НЕ одобряет 50 процентов американцев. А 15 процентов американцев отказалось сообщить институту свое мнение, что вполне объяснимо, если вспомнить, как поступили с доктором Споком и его товарищами, выразившими открыто свое отношение к «грязной войне».

Судя по некоторым высказываниям американских газет, настроение в самих правящих кругах США в связи с последними событиями в Южном Вьетнаме также не отличается большим оптимизмом. Даже «Нью-Йорк таймс» писала о «смятении и унынии в конгрессе и Вашингтоне».

Что же говорить о тех молодых солдатах, которым предстоит перелететь океан и приземлиться на пылающей ненавистью, грозящей из каждого куста гибелью земле Южного Вьетнама? Вряд ли способен поднять их унылое настроение президент Джонсон, который в последние дни лично напутствует солдат перед отправкой к Уэстморленду. Уже теперь, когда ударила «вторая волна», число материальных и людских потерь США угрожающе возросло, а что будет, когда на американских завоевателей обрушится «девятый вал» народного гнева?

Этот день не за горами. Нет иной перспективы для кровавых агрессоров — только разгром и позор!

Л. СТЕПАНОВ

Чтобы подобрать своих раненых, американский вертолет сделал посадку посреди сайгонской улицы.

Гуэ. Несмотря на численное превосходство, американские вояки не смогли поднять головы.

УЧЕНЫЙ, ПИСАТЕЛЬ, БОРЕЦ

Этот человек совершил научный и общественный подвиг в стране, где негров преследуют только за цвет их кожи.

В 1950 году он был избран членом Всемирного Совета Мира, а в 1959 году получил международную Ленинскую премию за укрепление мира между народами.

Уильям Дюбуа родился в США, в Грейт-Баррингтоне, Массачусетс, 23 (11) февраля 1868 года, когда еще были свежи отзвуки знаменитой войны Севера и Юга за «освобождение негров». Получив образование в Фисковском, Гарвардском и Берлинском университетах, он целиком посвятил себя продолжению этой борьбы.

В 1895 году Дюбуа получил ученую степень доктора философии. Он составил большую программу изучения негритянского народа в США. Одновременно он стремится проанализировать роль африканцев в общечеловеческой истории, чтобы доказать их равноправие и равноценность. В течение многих десятилетий он был одним из виднейших знатоков истории народов Африки, ныне освобождающихся от колониализма. Разумеется, на пути Дюбуа было много трудностей и препятствий. Реакционные круги доходили до того, что уничтожали его рукописи, а самого ученого лишали свободы.

Достойным памятником этому великому ученому служит созданная им и его сподвижниками «Африканская энциклопедия», свидетельствующая о высоте духовных, умственных, творческих способностей африканцев.

Дюбуа был не только ученым, но и талантливым писателем. Его исторические и публицистические произведения занимают важное место в развитии негритянской литературы в США. Напомним о его трилогии «Черное пламя», первый том которой — «Испытания Мансарта» — вышел на русском языке в 1960 году. На русском языке изданы также «Африка. Очерк по истории африканского континента и его обитателей», «Джон Браун», «Воспоминания», «Мансарт строит школу», «Цветные миры».

Уильям Дюбуа предстает перед нами как ревностный борец против расизма во всех его формах. В этой борьбе его оружием были разработанные им теории, публицистические статьи и памфлеты, книги исторического характера. Советские антропологи с большим интересом относились к работам Дюбуа и, когда он в начале 1959 года приехал в Москву, пригласили его на заседание расширенного Ученого совета университета. Советские ученые и студенты тепло встретили Уильяма Дюбуа. С глубоким вниманием был заслушан его доклад о взаимоотношениях обществоведения и естествознания. Вскоре Ученый совет МГУ избрал Дюбуа почетным доктором исторических наук.

В лице Уильяма Дюбуа мы всегда видели большого ученого, гуманиста, который привлекал общие симпатии. Его помыслы были направлены на лучшее будущее всех людей без различия цвета кожи. Неугасимой была его ненависть к расизму и фашизму.

Решив посвятить себя Африке и освобождению ее народа от ига колониализма, Дюбуа в конце жизни поселился в Аккре. В 1961 году он был принят в ряды Коммунистической партии США.

Уильям Дюбуа навсегда останется прекрасным примером ученого-коммуниста, посвятившего себя своему народу. Его заветы призывают нас еще смелее вести битву против колониализма и всякой эксплуатации человека.

Доктор биологических наук,
профессор М. Ф. НЕСТУРХ

Алексей ГОЛИКОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Взлетаем точно по расписанию, в 23.00. Я иду в пилотскую кабину. Наш самолет «ИЛ-18» ведут опытные авиаторы: командир корабля Василий Георгиевич Лапиков на международных линиях почти пятнадцать лет, второй пилот, Александр Иванович Ефанов, окончил авиационную школу еще до войны. Вместе с ними облетали чуть не весь свет штурман Георгий Семенович Доронин, бортмеханик Владимир Сергеевич Орехов и бортрадист Алексей Алексеевич Соловьев.

— Мы пересечем с вами только два моря,— говорит Василий Георгиевич,— Черное и Средиземное... Только два!

Штурман развертывает передо мной карту, на которой красной чертой нанесен маршрут новой воздушной линии, открытой Аэрофлотом,— Москва — Дар-эс-Салам. Миновав Турцию, мы пролетим над Средиземным морем, обогнем Кипр и приземлимся в Каире. А дальше путь лежит долиной Нила, потом где-то вблизи Асуана мы развернемся и выйдем в Красное море, через Баб-эль-Мандебский пролив в столицу Сомали — Могадишо. Здесь часок отдохнем — и прямо в Дар-эс-Салам.

...В Каир прибываем задолго до рассвета. Здесь многие мои попутчики покидают самолет.

„ОГОНЬКУ" СООБЩАЮТ О

...встрече героев Малой земли
...ЛЭП-500 в Грузии
...новом облике села

ЛЮДИ ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Это было 25 лет назад. Темной штормовой ночью с 3 на 4 февраля 1943 года над легендарной Малой землей взметнулся вихрь огня и стали. Отряд храбрецов под командованием майора Цезаря Куникова стремительным броском высадился в осажденном Новороссийске и укрепился на прибрежной полосе земли в 24 квадратных километра. Семь месяцев воздух тут содрогался от артиллерийской канонады и воя авиационных бомб. Насмерть стояли советские воины, защищая эту израненную землю-страдалицу, названную ими Малой землей.

И вот четверть века спустя куниковцы, те, кто остался в живых, собрались в Новороссийске. Волнующие встречи с местными жителями... Минуты горестного молчания у братской могилы... Митинг на площади Героев, у огня вечной славы,— здесь похоронены Герои Советского Союза Ц. Л. Куников и Н. И. Сипягин, который обеспечивал высадку десанта дивизионом «морских охотников». Говорили коротко. Да и трудно сказать больше, чем несколько слов: комок подступает к горлу, слезы застилают глаза...

В эти минуты на площадь Героев пришла большая группа вьетнамских юношей и девушек, приехавших в Советский Союз учиться в наших вузах. И тогда участник битвы на Малой земле Степан Иванович Демиденко подошел к юноше из Ханоя То Ба Туиню и вручил ему памятный значок «Огонь вечной славы г. Новороссийска». Вручил и сказал: «Наши сердца всегда с вами. А мы хорошо знаем, что значит иметь в трудную минуту рядом с собой настоящего друга».

Владимир КОПАНЕВ,
сотрудник районной газеты
«Прибой»

На снимке: участница боев на Малой земле Нина Федоровна Марухно, юноша из Ханоя То Ба Туинь и Степан Иванович Демиденко.

Фото Бориса Вондры.

ЧЕРЕЗ ПЕРЕВАЛЫ И УЩЕЛЬЯ...

Через перевалы, ущелья и бурные горные потоки всю грузинскую землю опутали сотни линий электропередачи. Но эта, которая строится сейчас, самая напряженная и самая сложная. Она протянется от Ингурской ГЭС до столицы республики. В беседе с корреспондентом «Огонька» руководитель дирекции строящихся линий электропередачи Грузглавэнерго Владимир Федорович Абашидзе сказал:

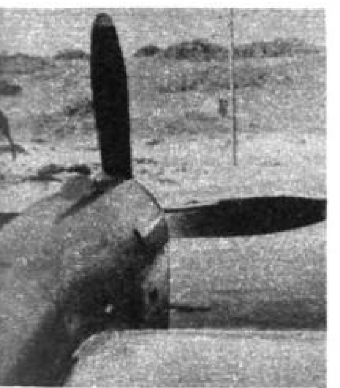
— Пятисоткиловольтная линия строится в Закавказье впервые. Подходят к концу работы на первом участке: от Тбилиси до города Зестафони. Пройдена тяжелая трасса через Сурамский перевал. Везде уже стоят опоры, натянуты провода. Осталось подвесить грузоотводящий трос, завершить кое-какие мелкие работы, и участок будет готов. Дальше наши строители пойдут по направлению к Ингурской ГЭС с тем, чтобы ко времени пуска станции линия могла принять на себя переработанную энергию сванской реки.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

На снимке: строители линии электропередачи Омар Цхададзе и Эдгар Датиашвили.

Фото А. Мачавариани (ТАСС).

ПОД КРЫЛЬЯМИ— АФРИКА

Ежегодно в Каир из Москвы и обратно вылетают тысячи пассажиров. На каирском аэродроме можно видеть пассажирские лайнеры конструкции Ильюшина, Антонова с опознавательными знаками ОАР.

Снова в воздухе. Незаметно для себя засыпаю, а когда открываю глаза — уже яркий солнечный день. За окном все сине. И африканское небо и волны Красного моря. Маленькие островки — желтые, скалистые, в белой кайме прибоя. Два из них по форме похожи на след человеческой ноги: один — левой, другой — правой. С воздуха кажется, что по морю шагнул великан.

Присматриваюсь к пассажирам, к тем, кто летит до Могадишо. Это сомалийцы, обучавшиеся в СССР, советские инженеры, геологи, врачи с семьями. Наши геологи уже обнаружили в Сомали большие залежи железной руды и гипса. С помощью советских специалистов на берегу Аденского залива строится большой порт, различные промышленные предприятия, в Могадишо — молочный завод.

Аэродром столицы Сомали расположен рядом с океаном. Снизившись, мы увидели изумрудные волны, лениво набегающие на ярко-желтый песок, и сразу за ним — серый бетон посадочной полосы.

Вышел из самолета — словно попал в печь. 35 градусов! После московского двадцатипятиградусного мороза воздух горло обжигает. Только ровный, сильный ветер с океана приносит прохладу. За аэродромом по шоссе пылят автомобили, важно шагают верблюды. Дальше серые, прокаленные солнцем холмы, а за ними в знойном мареве невысокие постройки Могадишо.

Нас, транзитных пассажиров, берет на свое попечение служащая сомалийской авиакомпании Марианна Мохаммед. В аэровокзале она угощает кока-колой, крепким кофе. В зал входит черный, как уголь, мальчуган в меховой ушанке явно российского происхождения. Прошу Марианну узнать, откуда у него шапка, но отец мальчика обращается ко мне по-русски:

— Здравствуй, товарищ. Я учился в Советском Союзе. Какая страна: снег, холодно, а люди теплые, добрые! Шапку купил в Москве и подарил сыну.

— Как сына зовут?

— У него два имени. Одно наше, а другое — русское: Юра Гагарин. Московскую шапку разрешаю ему надевать за хорошее поведение...

От Могадишо мы летим вдоль береговой черты. Слева уходит за горизонт безбрежный Индийский океан, справа — бурая степь с редкими перелесками. Пассажиры притомились. Бодрствуют только ученые из Ленинградского института растениеводства имени Вавилова. Николай Иванович Красиков и Григорий Егорович Шмараев летят в Танзанию, оттуда — в Замбию отыскивать экземпляры дикорастущего табака, проса, подсолнечника...

Бортпроводница Валя Лисицкая торжественно объявляет:

— Граждане пассажиры, мы пересекаем экватор!

Хлопают пробки, пенится шампанское. Кричим «ура!». Теперь до Дар-эс-Салама рукой подать.

Столица Танзании появилась внезапно, словно поднялась из синих вод океана и улеглась среди яркой тропической зелени улицами белокаменных домов, многоэтажных, сверкающих стеклом деловых зданий. В обширной глубокой гавани дымили океанские корабли. Неутомимо двигались портальные краны.

Нас встречает генеральный представитель Аэрофлота в Танзании Юрий Александрович Ощепков. Здесь, в конечном пункте только что открывшейся магистрали, у генерального представителя много хлопот: надо подыскать помещение для агентства, организовать рекламу. Дар-эс-Салам — крупный узел воздушных путей сообщения. Сюда летают самолеты всех крупнейших авиационных компаний мира.

Вместе с Юрием Александровичем иду на прием к министру коммуникаций, общественных работ и труда Танзании господину Люсинде. Беру короткое интервью. Министр говорит о значении для Танзании открытия прямого воздушного сообщения между Дар-эс-Саламом и Москвой. Дружественный Советский Союз стал ближе.

УДОБНО И КРАСИВО...

В Центральном Доме архитектора развернута выставка — проекты и макеты рассказывают о недалеком будущем подмосковных сел. Каким должен быть архитектурный облик сегодняшней деревни, в частности подмосковной? Какой дом нужен сельскому труженику?

Об этом шла речь на состоявшейся недавно конференции.

Прежде всего несколько цифр. Сейчас в Подмосковье — 7 460 сельских населенных пунктов, и из них примерно половина насчитывает менее ста жителей. Естественно, что в таких маленьких поселениях невозможно провести инженерные коммуникации, построить необходимые бытовые учреждения, магазины, школу, больницу, клуб. Вот и решено резко сократить число сел в Подмосковье, застраивать центральные усадьбы колхозов и совхозов в расчете не менее чем на тысячу человек, а усадьбы отделений — не менее чем на пятьсот.

Села и деревни должны быть разными, непохожими друг на друга. В самом деле, одной архитектурной композиции требует село, стоящее на берегу реки или озера, и совсем иной — село, расположенное в лесу или сбегающее с пригорка. Если в селе есть архитектурный памятник, то он диктует и планировку и внешний вид зданий. Где-то целесообразно строить многоэтажные дома (но все же не выше четырех этажей), а где-то одноэтажные коттеджи или блокированные домики с квартирами в двух уровнях. Тут недопустимы стандарт и унификация, говорили участники совещания.

Большое внимание было уделено сельской квартире. Здесь нужны большая кухня и подсобные помещения для хранения продуктов, спецодежды, инвентаря. А где держать птицу, скот? Об этом тоже обязаны думать архитекторы, проектирующие дом в деревне.

Проблем еще много. Это и малые архитектурные формы, и озеленение, и вертикальная планировка. Но вывод один: будущее село должно быть удобным и красивым, гармонически сочетать комфорт, современное благоустройство со специфическими требованиями сельского жителя.

Л. ГОРОВА

На снимке: центральная усадьба совхоза «Заря коммунизма».

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ПОПОВКИНА

Смерть вырвала из наших рядов стойкого борца за идеалы коммунизма, талантливого писателя и видного общественного деятеля Евгения Ефимовича Поповкина. Перестало биться большое сердце большого человека, который всегда жил интересами народа, интересами советской литературы. До последних дней своих он находился на боевом посту, будучи членом правления Союзов писателей СССР, РСФСР и Московской писательской организации, главным редактором журнала «Москва».

Евгений Поповкин ушел из жизни безвременно. Он упорно боролся с тяжелой болезнью, надеясь победить ее и завершить то многое, что выносили его ум и сердце и чего не успело дописать талантливое перо... Горько сознавать, что Евгения Ефимовича уже нет с нами. Но остались его книги, остались жить герои этих книг.

Каждый истинный художник рождается в сложностях жизни, в борьбе за человеческие идеалы, в осмысливании всего, из чего складывается судьба народная. Именно в таких условиях созрел и достиг широкого размаха писательский талант Евгения Поповкина. Его роман «Большой разлив» — напоенное большой художественной силой произведение. В нем писатель сумел изобразить такие человеческие судьбы и такие обстоятельства, что перед читателем от горизонта до горизонта раздвинулись представления о классовой борьбе в деревне в период коллективизации. Черпая красоту и поэзию из бытия, изображая борение больших страстей, писатель поднимается до поразительных вершин изображения жизни советского крестьянства на самом сложном этапе его истории. В «Большом разливе» Евгений Поповкин знакомит нас с обобщенными судьбами людей, которых он встречал на своем пути или с которыми работал бок о бок, будучи пропагандистом Кировоградского окружного комитета партии, а затем, после окончания Московского университета, редактором политотдельской газеты, районной газеты.

Писатель-коммунист, он всегда там, где решаются судьбы государства. С первых дней Отечественной войны Евгений Поповкин на фронте. Он работает начальником отдела газеты 11-й армии, затем редактирует газету 27-й армии, газету Отдельной Приморской армии; после войны — редактор газеты Таврического военного округа. Многое увидев и пережив на фронте, накопив богатый жизненный материал, Евгений Ефимович садится за написание огромного, многопланового эпического полотна. Проходит пять лет упорного труда. В итоге — широко известный роман «Семья Рубанюк», удостоенный Государственной премии. В этом романе раскрылись новые стороны таланта писателя, углубился психологический рисунок, новыми красками засверкали пейзажи, а самое главное, во всей сложности и полноте встала трагическая и героическая судьба советского народа, познавшего фашистское нашествие, выстоявшего в этой тяжелой борьбе и разгромившего гитлеризм.

Своим романом «Семья Рубанюк», а затем книгой о Сергееве-Ценском Евгений Поповкин поучительно продемонстрировал глубокое понимание природы художественного творчества.

Евгений Поповкин много сил отдал журналу «Москва», сплочению вокруг него талантливого писательского актива. Как член Советского комитета защиты мира, он нередко выезжал за пределы нашей страны. Читатели запомнили его путевые впечатления о Греции, Чехословакии, Италии, Болгарии, Франции.

Родина отметила талантливого писателя и активного общественного деятеля многими правительственными наградами. Он был делегатом XXIII съезда КПСС.

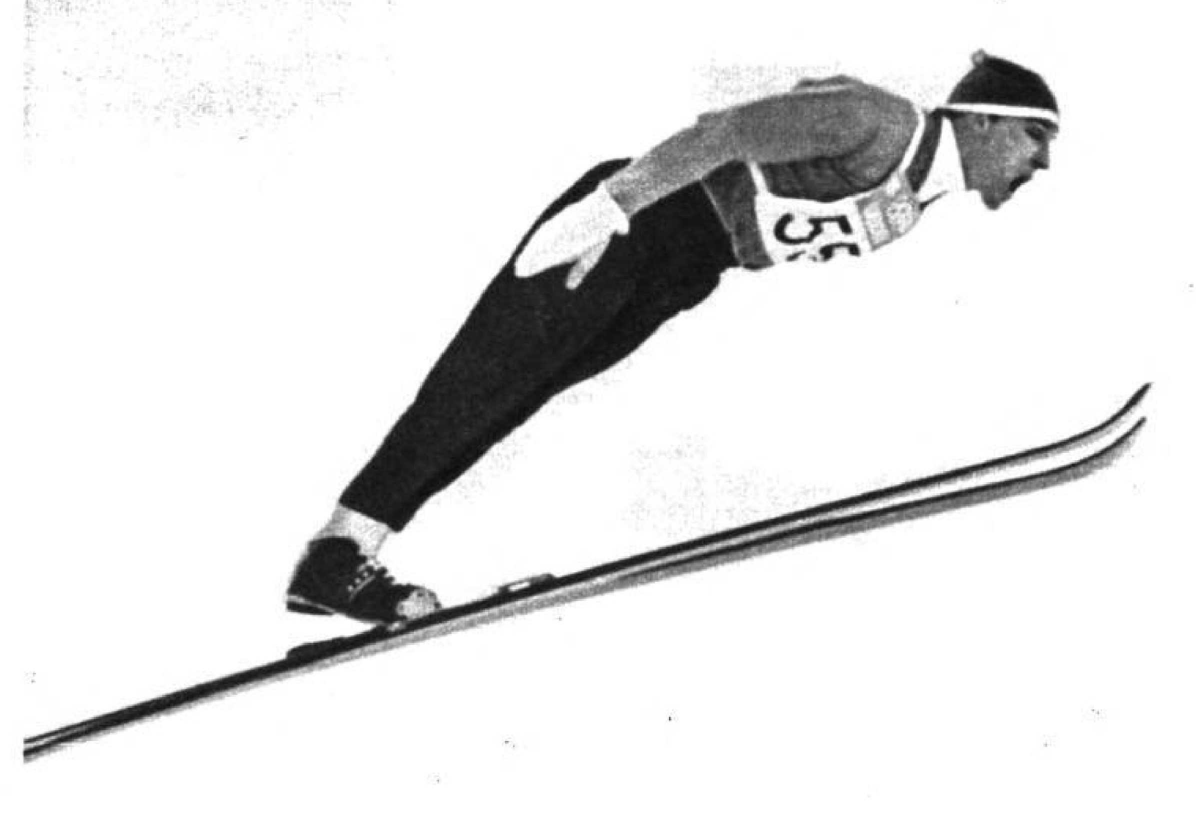
Последние годы Евгений Ефимович работал над большим романом «Таврида», который так и не успел окончить.

Смерть вырвала из наших рядов нашего верного друга, щедрого на доброту, отзывчивого человека. Мы никогда не забудем о нем!

Иван СТАДНЮК, Микола ЗАРУДНЫЙ, Сергей ВОРОНИН

ВПЕРЕДИ-САППОРО!

Начало см. на стр. 1.

Владимир Белоусов, чемпион X Белой олимпиады по прыжкам с трамплина.

становщик гренобльской олимпиады, скрывшийся под псевдонимом мсье «Вдруг», с которым я познакомил читателя «Огонька» еще в прошлом своем репортаже, избрал команду Советского Союза.

В самом деле, через какие только сюжетные перипетии не пришлось нам пройти в Гренобле! Неудачное начало олимпиады на лыжне. Нарастание трудностей на ледяной дорожке. Затем проблеск после выступления наших биатлонистов и фигуристов. Неожиданный крах на хоккейном поле, где мы были уверены в успехе, а в тот момент, когда казалось, что надежд почти нет,— победа нашей хоккейной сборной. И в заключение — космический прыжок, которого никто не ждал, с большого лыжного трамплина молодого Владимира Белоусова.

Итог не так уж плох — 13 олимпийских медалей, из которых пять — золотые. Но ликовать, по-моему, нечего. Что скрывать: на первом месте в неофициальном командном зачете норвежцы. И, признавая то, что хорошо, мы не можем, помня о Саппоро, не замечать того, что плохо.

«Красное и черное» — одно из самых известных произведений Стендаля. Если бы великий романист Франции жил в наши дни и, отдавая должное современному увлечению спортом, побывал в своем родном городе на Олимпийских играх, он мог бы озаглавить свои впечатления о выступлении нашей команды в Гренобле так: «Белое и черное».

Успехи и неудачи. Победы и поражения... Начиная подготовку к X зимним Олимпийским играм после блистательного выступления в Инсбруке, советские спортсмены и их тренеры, конечно, отдавали себе отчет в том, что в Гренобле все будет сложнее. Но трудности, с которыми советским спортсменам пришлось столкнуться, превзошли все опасения. И дело тут не только в удивительном невезении. Да, шведская гонщица Густафссон дважды получила возможность стартовать последней. Да, Галина Куланова, выигрывая у Густафссон в гонке на 5 километров около 7 секунд, в конце концов проиграла 3 секунды, упав на дистанции. Да, Юрий Моисеев в матче с чехословаками, выйдя один на один с вратарем, не смог забить шайбу, и счет вместо того, чтобы сравняться, через несколько мгновений стал 4 : 2 в пользу наших соперников. Да, наши врачи просчитались, продержав Гришина до последнего дня в условиях высокогорного Давоса, что, по всей вероятности, значительно снизило результат, показанный им в беге на 500 метров. Да, всего лишь один неудачный выстрел биатлониста Александра Тихонова помог норвежцу Магнару Сольбергу, проигрывавшему на дистанции нашему гонщику больше минуты, завоевать золотую медаль! Нет, дело тут не в проказах мсье «Вдруг». Не надо обманывать себя. Вопрос серьезнее, и негоже объяснять наши неудачи только невезением.

После неудач в первой половине олимпиады мы ждали перелома. Был момент, когда показалось, что эти надежды начинают сбываться. Отличное выступление наших биатлонистов Тихонова и Гундарцева было хорошим залогом успеха, и мы имели все основания рассчитывать на то, что эстафета в биатлоне принесет нам медаль. Так оно и случилось. Александр Тихонов, Николай Пузанов, Виктор Маматов и Владимир Гундарцев победили чемпионов мира — норвежцев. И все же лыжня после чемпионата мира в Осло не повеселела. Мы продолжаем отставать от скандинавских гонщиков. Разве может нас удовлетворить четвертое место в мужской эстафете 4 × 10 км? А женская эстафета 3 × 5 км? Что скрывать, мы твердо надеялись здесь на победу. Ведь в гонке на 5 километров все три наши спортсменки были в шестерке. Однако успех команды норвежских гонщиц, которых вообще не было в числе первых шести в личной гонке, стал свершившимся фактом. Не смогли мы оказать сопротивление и шведкам, занявшим в эстафете второе место. Наши лыжницы, как известно, были лишь третьими. Для них этот результат нельзя признать удачным.

Правда, под занавес олимпиады Вячеслав Веденин в гонке на 50 километров стал вторым, завоевал серебряную медаль, но не может этот отличный результат советского спортсмена утешить нас. Из 27 медалей, разыгранных у мужчин и женщин, наши лыжники завоевали лишь 7, из них 1 — золотая. И это в то время, как норвежцы на лыжне получили только золотых медалей пять!

Почему бы нам не поучиться у норвежских тренеров? Мы уже ставили на страницах «Огонька» этот вопрос. Учиться нашим лыжным тренерам (впрочем, как и всем остальным) совсем не зазорно. Не пора ли это бесспорное положение претворить в жизнь? Не пора ли, наконец, вспомнить о том, что наши главные снежные арены — архангельские, карельские, ярославские, наконец, сибирские места? Вспомнить не для того, чтобы «выуживать» оттуда талантливых одиночек, а для того,

Серебряные призеры олимпиады Татьяна Жук и Александр Горелик.

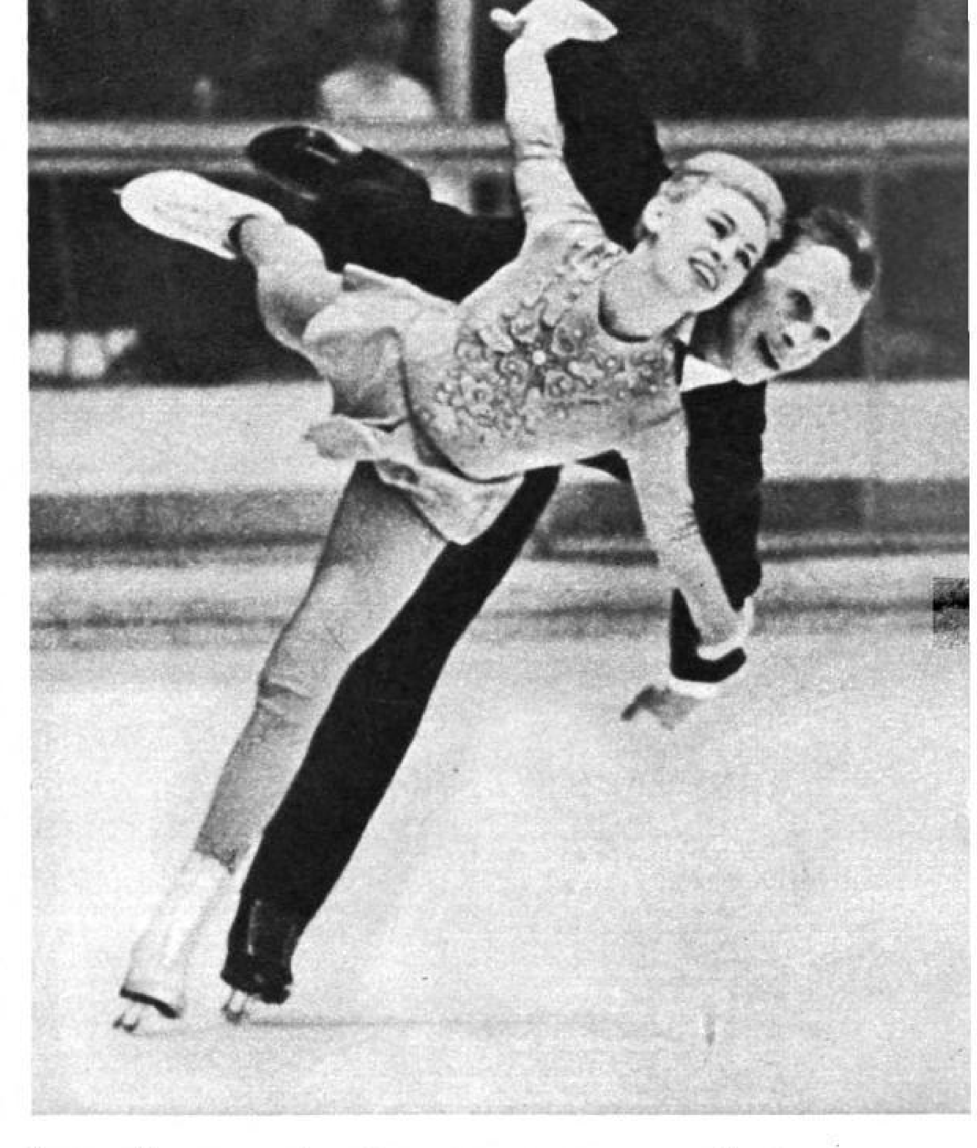

Эстафета биатлонистов завершилась победой советской команды. Николай Пузанов передает эстафету Виктору Маматову.

Австрийский горнолыжник Тони Зайлер, завоевавший на Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо все золотые медали, поздравляет с победой француза Жана-Клода Килли, повторившего в Гренобле рекорд своего предшественника.

Людмила Белоусова и Олег Протопопов покорили олимпийский Гренобль своим мастерством.

чтобы сделать там лыжный спорт достоянием многих и многих тысяч молодых людей.

Но самое тревожное заключается в том, что в отличие от всех предыдущих олимпиад решающее поражение мы понесли на льду, там, где до сих пор считались лидерами. Теперь ясно, насколько уместна была рубрика журнала «Олимпийское беспокойство». Нам действительно было о чем беспокоиться. Выигрывали, выигрывали — и вдруг провал. Но случайностей тут нет. И среди многих причин, отбросивших нас назад, такая — вроде бы и техническая,— как отсутствие в стране искусственных ледяных дорожек. Я подчеркиваю «среди прочих», а в понятие «прочие» входят: устаревшая методика тренировок, плохая психологическая подготовка спортсменов, неумение все отдавать во время тренировок и во время выступлений любимому спорту и многое другое.

Тут надо вспомнить ветерана конькобежного спорта Евгения Гришина. Он, тридцатисемилетний человек, один среди молодых своих товарищей по команде боролся по-настоящему. И хотя вырвал у него бронзовую медаль американец Мандермотт, как он вырвал у Гришина в Инсбруке золотую, но четвертое место нашего ветерана сегодня поистине золотое... А что же Анатолий Лепешкин, Валерий Муратов? На 11-м и 18-м местах встречаем мы их фамилии.

У нас все еще считают, что ветеран совершает некорректный поступок, претендуя на место в сборной команде. Какой абсурд! Я вспоминаю, как на предолимпийских отборочных соревнованиях лыжников в Ворохте на тренерском совете шла бурная дискуссия: брать или не брать Алевтину Колчину в Гренобль? А здесь тридцатисемилетняя гонщица завоевала бронзовую медаль, в то время как молодые лыжницы, которых она якобы «затирала», не смогли занять ни одного призового места в гонке на десять километров.

Когда я наблюдал бег Евгения Гришина в Гренобле, я вспомнил слова, сказанные о нем чемпионом мира, а ныне и олимпийским чемпионом голландцем Корнелиусом Феркерком. Еще до начала олимпиады его спросили: кого он ставит впереди себя? Феркерк ответил: «Гришина. Он намерен выступить в Гренобле, потому он и велик».

Да, не хватает нашим молодым спортсменам этой гришинской одержимости. А ведь она присуща многим ветеранам, ныне сошедшим с ледяной дорожки.

Какое наслаждение доставило всем выступление Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова! На следующий день о нем писали все газеты мира. Журналисты атаковывали замечательных фигуристов, требуя от них раскрыть тайну вечной творческой молодости. Да, их вторая олимпийская победа, бесспорно, будет признана одной из самых ярких страниц X олимпиады. Но разве не нашлись у нас поборники «нового», которые считали, что Белоусову и Протопопова надо «сдать в архив»? И это были не сторонние наблюдатели, а специалисты фигурного катания! А кое-какие фигуристы считали даже нелояльным поступком со стороны наших славных ветеранов то, что они напряженно готовились к олимпиаде и сумели показать программу, получившую самую высокую оценку судей.

Извечная проблема смены поколений, несмотря на ее кажущуюся ясность, во многом определила осечку, постигшую совершенно неожиданно нашу славную хоккейную сборную. Конечно, из всех сюрпризов, приготовленных мсье «Вдруг», матч сборных команд Чехословакия — СССР может считаться самым главным.

Пять лет никому не проигрывали питомцы Чернышева и Тарасова. Последняя неудача постигла их на чемпионате мира 1963 года в Стокгольме. Там, проиграв шведам, они могли лишь рассчитывать на победу чехословацких хоккеистов в игре со сборной «Тре Крунур». Теперь надежды наших хоккеистов были возложены на шведов. Но за этот пятилетний срок, что отделяет Стокгольм от Гренобля, многое изменилось. За это время было одержано пять побед на чемпионатах мира и на IX Белой олимпиаде.

Много причин породило неожиданное поражение советских хоккеистов в игре с чехословаками, но одна из основных заключается в том, что за эти пять лет постарели замечательные хоккеисты, те, кто начинал свой международный путь в Скво-Вэлли и Женеве: Альметов, Локтев, Александров, Старшинов, братья Майоровы. И вот в последние годы мы провожали то одного, то другого в «запас». Из шести нападающих, перечисленных выше, сейчас в строю сборной осталось лишь трое. И если старшиновская тройка все же сохранилась, то от локтевской остался только Александров. Правда, два года назад в сборную вошло новое отличное звено — фирсовское, но это позволило тренерам сохранить всего лишь две равноценные тройки. А команда, как известно, состоит из трех. И вот здесь, по моему мнению, и таится причина чуть не случившегося срыва. Рано был отправлен на пенсию Альметов. Это стало ясно, когда оказалось, что третьей равноценной тройки сборная команда страны сейчас не имеет, что армейское звено — Моисеев, Ионов и Мишаков — уступает двум другим в мастерстве. К этому еще добавилась знакомая нам по Скво-Вэлли и Женеве другая тревожная ситуация: начали сходить некогда лучшие в мире защитники, такие, как Иванов, Давыдов, Кузькин. Первого уже нет в сборной, двое других еще играют, но разве они те, что были раньше?

А когда чехословацкая сборная повела, вступил в действие неуловимый, но грозный психологический фактор.

Психологическая слитность звеньев, всей команды всегда была одним из главных козырей нашей сборной. В Гренобле эта слитность в игре с чехословацкой сборной дала трещину. Все иностранные обозреватели, наши соседи по ложе прессы, считали, что сборная СССР хотя и проиграла, но была технически сильнее. Увы, технически — да, психологически — нет.

Каким же подвигом был тот великолепный взлет нашей команды в матче с чехословацкой сборной, который позволил ей уже на исходе встречи внезапно сплотиться и вплотную приблизиться к побеждающему противнику! В одно мгновение вместо цифр 5 : 2 на щите появились иные — 5 : 4. Заметим, что эти четыре шайбы по-братски разделили между собой тройки Старшинова и Фирсова.

А как описать тот душевный взлет команды, который мы наблюдали во время ее решающей встречи с канадцами? Перед нами была сборная СССР, не уступающая той, которая побеждала в Инсбруке, Тампере, Любляне, Вене. Только волевая собранность решила победу в Гренобле, потому что мастерства нашим хоккеистам не занимать стать. И эта собранность была тем более драгоценна, что проигрыш чехословацкой сборной не мог не создать опасного шока. И потому, что не так-то легко было ждать ребятам исхода встречи Швеция — Чехословакия.

Наши хоккеисты не поехали на эту встречу, они смотрели ее у телевизора. А через три часа они уже вели борьбу невиданного напряжения, и в этой борьбе все три тройки сделали все, что могли, для победы.

Да, мсье «Вдруг» приберег для финала олимпиады поистине «сверхбомбу», и теперь, когда все позади, мы должны быть ему благодарны за это. И все же хочется верить, что «постановщику» олимпиады в Саппоро не удастся подобный сюжетный ход, что советская сборная более простым путем придет к своей четвертой олимпийской победе, а вместе с ней придет к победе вся советская команда. Но для этого необходимо не терять ни одного дня. Для этого необходимо тщательно продумать причины гренобльских срывов и сделать все надлежащие выводы.

Гренобль позади. Впереди неустанный творческий поиск, впереди — Саппоро.

Гренобль — Москва.

А. АБРИКОСОВ,
народный артист РСФСР

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК

75 лет — возраст, который французы называют «вечером жизни». Трудно предугадать, каким был бы сегодня, в 75 лет, Всеволод Илларионович Пудовкин, да и гадать не стоит. Ведь в памяти тех, кто знал его, он остался молодым, веселым, озорным, человеком неукротимой энергии, бурного, напористого темперамента, любящим шутку и в то же время чрезвычайно серьезным и требовательным, когда речь заходила об искусстве.

Я познакомился с ним в самом конце 20-х годов, когда режиссеры О. Преображенская и И. Правов пригласили меня на роль Григория Мелехова в немом фильме «Тихий Дон». Это была моя первая работа в кино. Пудовкин был тогда уже признанным, ведущим режиссером, автором фильма «Мать», обошедшего экраны мира. Пудовкин заинтересовал меня как очень самобытный, яркий художник. Чем ближе узнавал я Всеволода Илларионовича (а отношения как-то сразу сложились теплые и дружеские), тем больше открывался мне удивительный человек — самых разносторонних увлечений, самых разнообразных талантов и «умений», человек огромной культуры, глубоких знаний. Подумать только, с каким багажом пришел Пудовкин в кино! Он окончил гимназию, прослушал курс физико-математических наук в Московском университете, воевал на фронте, раненым попал в плен, три года прожил в Померании (где, кстати, изучил немецкий, французский, английский, польский языки). В 1918 году бежал из плена; работал на химическом заводе. И вдруг в 27 лет увлекся кино. Снова начал учиться. В киношколе. Но и в кино он не сразу нашел свое место. Был актером, сценаристом, ставил научно-популярные фильмы. Только кинофильм «Мать» определил его подлинное призвание.

Фильмы Пудовкина стали классикой советского кино. О них написано много статей и книг. Я же скажу о том, чем мне близки и дороги его ленты,— совершенством, отделанностью и законченностью актерских работ. Мне думается, что Пудовкин, как мало кто из режиссеров, умел работать с актером, «выжимать» из актера все, на что тот способен. Актеры, снимавшиеся у Пудовкина, именно в его фильмах сыграли свои лучшие роли. Так и стоит перед глазами Вера Барановская — Ниловна, словно сошедшая со страниц романа Горького. Сутулая, запуганная, забитая старая женщина, она, «проживая» свою жизнь в фильме, молодела, стройной становилась ее фигура, легкой — походка, и в финале она вставала будто высеченная из гранита, романтически гордая, с высоко поднятым красным знаменем.

Нельзя забыть и работы Пудовкина над фильмом «Адмирал Нахимов». Дорого стоит хотя бы один только эпизод: Нахимов — Алексей Дикий ранен в голову. Он прикасается пальцами к ране, потом смотрит на свою руку и делает жест, который невозможно пересказать словами: в нем и удивление, и понимание неотвратимости смерти, и тоска по жизни...

Всеволод Илларионович умер рано, не свершив и доли того, что ему было предназначено. Но опыт его жизни, исполненной исканий, его творческий опыт принципиального художника обращен к живым, молодым.
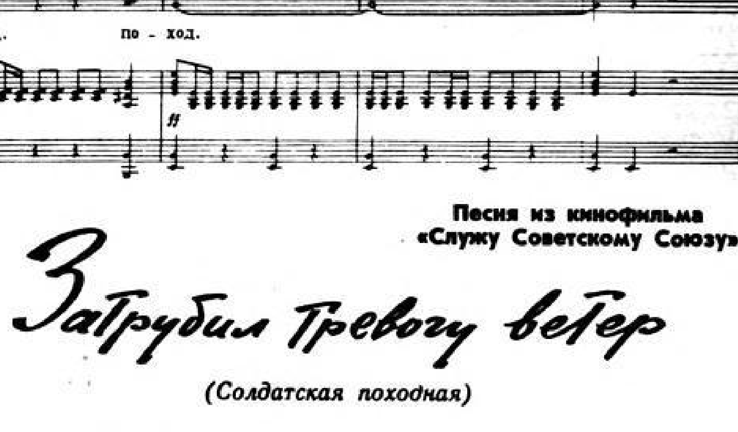
Свои коротенькие воспоминания мне хочется закончить словами Пудовкина, которые он часто любил повторять: «Нет большого искусства без убежденности художника. Настоящего художника определяет честность».

Маршеобразно

За-тру-бил тре-во-гу ве - тер, вы-вел со-ко-лов в по-лет.

На рас-све - те, на рас-све - те на - чи - на-ет-ся по ход. На-чи-

-на-ет-ся по-ход, на-чи-на-ет-ся по-ход, по - ход. Для повторения по - ход.

Песня из кинофильма «Служу Советскому Союзу»

Затрубил тревогу ветер

(Солдатская походная)

Музыка Юрия ЧИЧКОВА — **Слова Николая ГРИБАЧЕВА**

Затрубил тревогу ветер,
Вывел соколов в полет.
На рассвете, на рассвете
Начинается поход. 3 раза
Поход!
Поход!

Мы пройдем огонь и воду,
Кто нас тронет — будет смят.
Сын страны, слуга народа,
Веселей гляди, солдат. 3 раза
Солдат!
Солдат!

Посылайте письма часто,
Ожидайте у ворот,
Мы вернемся к вам, девчата,
Как закончится поход. 3 раза
Поход!
Поход!

Слышат нас леса и травы,
Океан и небосвод.
Наша сила, наша слава
Поднимается в поход! 3 раза
Поход!
Поход!

Н. ШУРЕНКО

Глухомань

Трудно придумать более подходящее название для этого поселка — Лесные поляны. Вокруг глухомань такая, что летом, бывает, медведь из чащи покажется, зайцев, говорят, руками тут можно ловить, а зимой глухарей на березах, по выражению одного из старожилов, будто яблок на ветках.

Впрочем, понятие «старожил» здесь относительное: поселку всего несколько лет. Вырос он в вятских лесах вместе с леспромхозом Песковским.

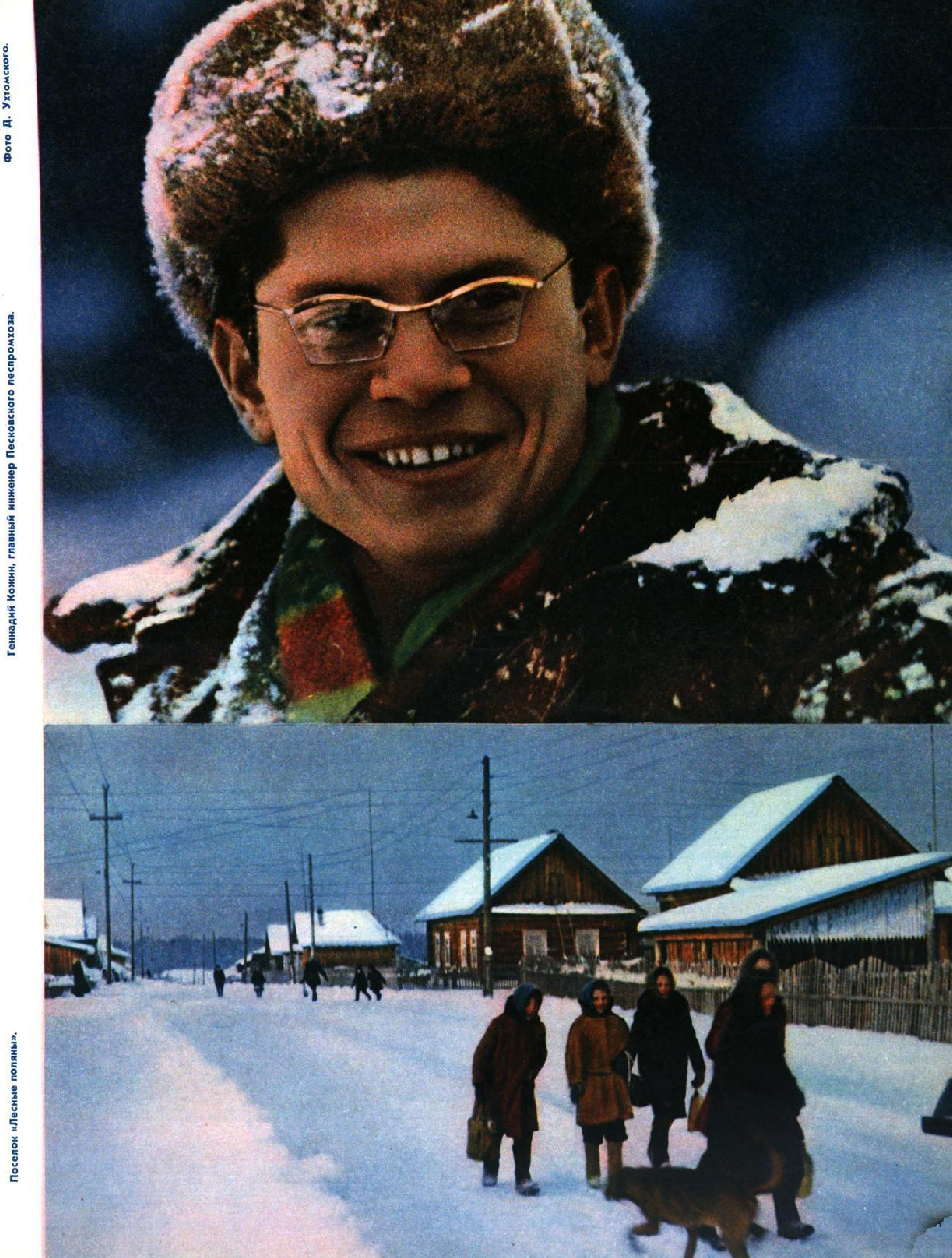
...Зима. Мороз градусов за тридцать. Лесорубы считают, что погода самая подходящая: если меньше тридцати, работать на участке становится слишком жарко. В куртках на меху, в касках поверх ушанок, лесорубы делают свое дело споро: зимний день недолог.

Хозяйничает на участке малая комплексная бригада. Человек шесть-семь, в том числе женщины, выполняющие несложную работу сучкорубов. Механизация полная: бензопила, трелевочный трактор, легкие механические пилки для обрезки сучьев. Идет работа без остановок. Раньше, бывало, станет бензопила, лесоруб особенно не горюет: знает, что запишут вынужденный простой и на заработке это не отразится. Теперь все совсем иначе. Хозрасчет. Для немедленной починки пил тут же, на участке, поставили теплушку и поселили в ней ремонтного мастера.

Тракторист, сцепив поваленные деревья, тащит эту гигантскую метлу к дороге на погрузку. Шофер лесовоза — мощного МАЗа — поторапливает, ему тоже время дорого, не в его интересах простаивать. «Узковата дорога, на разъездах время теряем»,— ворчат шоферы. А «узковатая дорога» пошире подмосковного шоссе!

Однако не работой единой сыт человек. В глухом лесу, километров за двадцать от жилья, хорошо пообедать не так-то просто. В Песковском леспромхозе это не проблема. Кликнули клич среди девушек поселка: чем дома сидеть, не хотите ли поехать поучиться в школу поваров, а потом своих же кормить будете. Желающих работать поварихами оказалось достаточно. И теперь на участках появились вагон-рестораны — иначе эти чистенькие вагончики не назовешь,— где борщи и котлеты готовят как дома.

Наверное, будет к месту, если вслед за этим мы скажем, что в прошлом году Песковский леспромхоз комбината «Верхнекамсклес» стал победителем в социалистическом соревновании в честь юбилея Октября и завоевал Памятное знамя ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС.

Геннадий Кожин, главный инженер Песковского леспромхоза.

Поселок «Лесные поляны».

Фото Д. Ухтомского.

Дмитрий Бураков, моторист бензопилы «Дружба». Кирсинский леспромхоз.

Петрусь БРОВКА

Следы в сердце

* * *

Не успеет утро
Свой огонь разжечь,
Звоном сковородки
Отзовется печь.

Мать, проснувшись рано,
Нам блины печет,
А сама от жара,
Как зари восход.

Вот со сковородки
На дубовый стол
Первый блин, как солнце,
Весело взошел.

Мы нетерпеливы,
Трудновато ждать...
Новые светила
Выпекает мать.

Блин уже со шкваркой
Затевает спор.
Мы глотаем слюнки —
До каких же пор?

Мать зовет: — Садитесь!
Мы бегом, бегом!

. . . .

Посидеть бы снова
За ее столом!

* * *

А писем нет... Я безутешен.
Все жду, что, вторгшись в тишину,
Хоть ветер отстучит депешу
Кленовой веткой по стеклу.

Всевидящий, летучий ветер,
Избороздивший целый свет,
Уж ты-то, верно, заприметил
Беглянки осторожный след.

Ты, огорчить меня не смея,
Гудишь бесцельно надо мной.
Прошу тебя, вернись за нею,
Взметнись, нарушь ее покой!

* * *

По-свойски, по-братски который уж год
Скворец у меня под стрехóю живет.

Хоть мне и неведом скворчиный язык,
Давно я беседовать с другом привык.

— Скворечня твоя — не отыщешь скромней.
Но скромно и в хате — скворечне моей.

Ну, может, потише, чем тут, под стрехóй...
Но легче живется тебе, дорогой!

В лесу полетаешь, над полем пройдешь
И, съев червяка, беззаботно поешь.

А я, чтоб насущный свой хлеб оправдать,
С рассвета сажусь за работу опять.

Тебе мировые дела нипочем,
А я о них думаю ночью и днем.

Ты видел, домой торопясь по весне,
Чужие просторы в крови и огне.

Не знает согласья людская семья,
Не знает покоя тревога моя.

Не сплю я, скорблю... Но бессонной порой
Вдруг слышится голос предутренний твой.

Спешу я на тропку лесную твою —
И сразу добрею и тоже пою.

А ты надо мною, дружище, летишь,
Как я, окунаясь в рассветную тишь.

...Лишь к вечеру ты, не уставший ничуть,
Умолкнешь.
И я попытаюсь уснуть.

* * *

Все так изранено в лесу, как после дней войны.
Здесь уцелевшей не найти ни ели, ни сосны.

Березу ножиком пырнул какой-то живоглот.
Мне кажется, из-под коры моя слеза течет.

От этой черствости людской болит душа моя.
Над искалеченным дубком не ветер стонет — я.

Вот муравейник подожжен кощунственной рукой.
Мне чудится: горит не он, а дом пылает мой.

Земля в ожогах и рубцах, как в дни большой беды.
Хмельного ухарства следы, беспечности следы...

Ушли, обидев красоту, смутив лесной уют,
Не услыхав, что за спиной все листья слезы льют.

* * *

Криница у родной деревни, неистощима и светла,
Ты для меня и добрым другом и первым зеркалом была.

Когда склонился я впервые над чистою твоей водой,
Малец крестьянский предо мною предстал, чумазый и худой.

Года текли, как струйки влаги. Я прибегал к тебе не раз
И в час предутренний туманный и в предзакатный тихий час.

Я воду пил, я умывался, правдиво отражен тобой,
С берестяной своей жалейкой, кнутом пастушьим и сумой.

Потом, когда на все гулянки спешил я, юностью влеком,
Смеясь, подмигивал мне парень с ромашкою над козырьком.

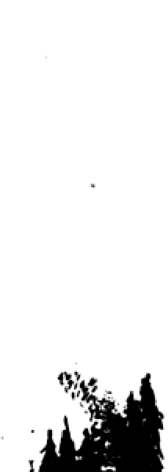
Поздней, подтянутый и строгий, проглянувший из глубины,
Он проводил меня в дорогу — на горькие поля войны.

Вернулся я. Журчит криница. Я к ней стремительно приник.
И предо мной возник не парень, а постаревший фронтовик.

Я воду пил из многих речек, из говорливых родников,
Пил из ведерка, пил из фляги, пил из походных котелков.

Я пил, случалось, из бокалов, хрустальный слыша перезвон.
Но что сравнится с той криницей, которой сызмальства вспоен!

Наполни влагою ладони. И припади. И осуши.
Она глубокие морщины с лица стирает и с души.

* * *

Земля! Гляжу на все живое, на эти листья и траву.
Я, как они, к тебе причастен, твоими соками живу.

Корнями в глубь твою ушедший, вбираю солнца каждый блик.
Я, как зерно, пророс, пробился, налился, спелости достиг.

И ты дала рукам работу, чтоб мог я сам растить плоды,
Дала мне хлебную краюху и кружку утренней воды.

Ты подарила мне озера и постелила мягкий мох,
Чтобы, умаявшись в дороге, везде приют найти я мог.

Меня ты слушать научила, как шелестит под ветром рожь,
Цветами щедро оделила — их и вовек не соберешь.

Ты тешишь душу птичьим звоном и хороводами берез,
Дожди на землю посылаешь, чтоб лес не сох, чтоб дальше рос.

Ты предо мною распахнула поля и летние луга,
Речными водами омыла мои лесные берега.

А чтобы в трудную годину я жил врагам наперекор,
Дала мне верную охрану — родную пущу, старый бор.

Я защищен тобой надежно. И сам я тоже на посту —
Собой от бури заслоняю твою красу и доброту.

* * *

Осенний ветер, голосящий среди растрепанных берез,
Откуда взялся ты, откуда нам тучи хмурые принес?

То загудишь, то захохочешь, то, всколыхнув земную тишь,
Стремглав по золотистой пуще мальчишкой шустрым пролетишь.

То взмоешь кверху и с рябиной начнешь заигрывать опять.
Тебе б хотелось весь багрянец с лесной красавицы сорвать.

Осенний вихрь, предвестник стужи, в объятья зимние лети...
Твой младший брат — весенний ветер — садам поможет расцвести.

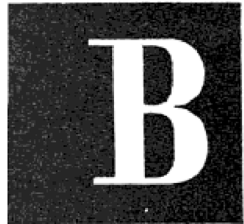
Ты зря в ночи тревожил сосны. Ты силы растерял в бору,
И лишь твои седые космы висят на сучьях поутру.

Перевел с белорусского Яков Хелемский.

Вл. ПАВЛОВ,
Герой Советского Союза

ЗНАКОМОЕ ПЛЕЧО

его внешности я почти не нахожу знакомых черт. Не припомню этого крутого затылка, охваченного замасленным черным бархатом околыша железнодорожной фуражки, надвинутой туго, чтоб не сорвало встречным ветром. Незнакома мне и эта спокойная и сильная рука, что лежит на рычаге регулятора. И, уж конечно, неведомы жесты, которыми он время от времени обменивается с помощником, дублируя сигналы:

— Зеленый на выходе!..

— Вижу зеленый!..

Не мудрено: с тех пор, как расстались, прошло без малого четверть века!

Он появился в нашем пулеметном взводе майским вечером сорок второго.

— Подносчиком будет,— сказал взводный, подталкивая его к костру, возле которого мы с первым номером расчета Тимкой Лобановским пристроились чистить наш «максим».— Так что принимайте на довольствие.

Некоторое время мы молча созерцали новичка. Перед нами стоял худой, большеголовый, нескладный малец, в потрепанном кургузом пиджачке. Черная сатиновая рубаха застегнута на единственную оловянную пуговицу у ворота. Солдатские ботинки «просили каши» и, наверное, развалились бы совсем, если б не были подвязаны проволокой. На плече висела винтовка неизвестной системы; приклад доставал почти до щиколотки.

— Ничего себе пополнение! — саркастически заметил наконец Тимка, снова принимаясь драить пулеметный ствол.— Это у тебя что же за орудие-то?

— Английская, в боепитании выдали,— с готовностью отозвался мальчишка.— Знаешь, как бьет!

— Ясно. С таким стрелком не пропадешь... А кличут тебя как?

— Григорьев Андрей.

— Ну, Григорьев Андрей, будем учить тебя пулемету. А пока бери коробки, подровняй в лентах патроны, почисть...

Андрею стукнуло четырнадцать, когда началась война. Поначалу она казалась далекой, интересной и совсем не страшной. Андрей мечтал о подвигах, завидовал тем, кого призывали в армию. Ходил на станцию, смотрел вслед воинским эшелонам, которые, не останавливаясь в Злынке, мчали мимо, на запад. Просился на фронт. Куда там! Не взяли...

Потом через Злынку потянулись потоки беженцев. В местечке застучали молотки. С каждым днем на улицах становилось все больше домов с заколоченными дверями и окнами. Жалобно скрипели калитки в покинутых дворах. По ночам все выше и ближе полыхали фронтовые зарницы.

В августе бои загремели где-то совсем рядом. Явственно доносилась винтовочная и пулеметная стрельба. Через местечко торопливо отходили последние подразделения советских войск.

— А мы почему не эвакуируемся? — спросил Андрей у отца.

— Куда ж с таким выводком... Эх, сынок, накатило лихо! Наша все одно возьмет. Но доживем ли?..

— А мне что делать, батя?

Отец пристально посмотрел Андрею в глаза.

— Стежку искать надо. В лес, к партизанам... Да только мал ты еще!

— А где ж ее искать, ту стежку?

По улице промела автоматная очередь. Защелкали о заборы и стены разрывные пули. За первой еще и еще...

— В погреб! — закричал отец, хватая Андрея за руку.— Тикай быстрей!..

В Злынку, осторожно прощупывая огнем домá, входила немецкая разведка.

В октябре Андрей впервые увидел партизана.

Ходил в лес с ватагой таких же, как и он, мальчишек и девчонок, приотстал и, аукая, бросился догонять напрямик, через чащу. Вдруг кто-то схватил его за руку.

— Стой!

Перед Андреем стоял молодой парнишка в ватнике, перекрещенном пулеметными лентами. В руке он держал карабин. На околыше фуражки — красная лычка, пришитая наискосок.

— Кто такой? Чего в лесу делаешь?

— Из Злынки мы... Пришли за грибами.

— А дети полицаев среди вас есть?

Андрей поколебался. В компании была дочка полицейского. А чем она виновата, ежели отец — сволочь?

— Нету,— сказал Андрей.

— Ладно, нет так нет... Смотри не проговорись, кого встретил. А это возьмешь с собой.

Парень протянул Андрею кусок исписанной бумаги.

Рядом послышались голоса товарищей, разыскивавших Андрея.

— Ну, бывай! — сказал парень. Повернулся, раздвинул ветки и исчез. Андрей слышал, как, затихая, вслед за ним трещали кусты.

— Кто тут был? — спросили подоспевшие товарищи.

— А черт его знает, кто это...— пожал плечами Андрей.

Вечером, собрав трех ближайших друзей — Витю Ерему, Колю Панова и Мишу Говядина, Андрей прочитал им сводку Советского информбюро, которая оказалась на бумажке, полученной у партизана. Красная Армия, Москва вопреки утверждениям немцев жили, продолжали борьбу.

— А мы что ж? — спросил Андрей, окончив чтение.— Так и будем сидеть? Пошли, хлопцы, в партизаны...

— Да как ты их найдешь? — спросил Миша Говядин.— Раз на раз не приходится. Я вот сколько по лесу ходил, так никого и не встретил.

— Найдем, если искать будем. Только вот что: надо сначала добыть оружие...

На другой день Андрея арестовали. Дочка полицая рассказала все-таки о встрече в лесу. Каждый день таскали Андрея на допрос к начальнику полиции.

— Говори, кого встретил. Партизан? — спрашивал начальник полиции, натягивая кожаные перчатки.

— Не знаю я никаких партизан.

— Врешь, пащенок! Получай!

— Все одно не знаю...

— Врешь, получай еще! Я из тебя правду выбью!..

Избитого до полусмерти Андрея оттаскивали назад, в камеру, а на другой день все повторялось сызнова. Через три недели выпустили. Насчет сводки информбюро полиция так и не дозналась.

— Мы, батя, еще с ними посчитаемся,— прошептал Андрей, когда отец с матерью чуть живого привели его домой и уложили в кровать.— Посчитаемся...

И сомлел. Не то заснул, не то потерял сознание.

Зимой закадычный товарищ Андрея Витя Ерема вернулся от родственников, которые жили в большом селе Денисковичи, что стоит на гомельском шляхе километрах в двенадцати от Злынки. Вечером Витя заглянул к Григорьевым и вызвал Андрея в сени.

— Под Денисковичами, когда фронт шел, большой бой был,— прошептал он, наклоняясь к самому уху.— Говорят, винтовок в поле валяется — страсть...

— Да как же их найти, под снегом-то?

— Надо придумать...

И придумали: к длинной палке привязали железный костыль. С этим импровизированным кладоискателем ночью, чтоб никто не видал, товарищи отправились в поле к Денисковичам. Тыкали палкой в снег. Иногда под костылем раздавался чуть слышный скрежет... Искать было трудно. Разгулявшийся ветер хлестал по лицу жестким, как стальные опилки, снегом, выдувал тепло из-под худой одежонки. Руки закоченели. Ботинки и штаны промокли насквозь. К тому же кладоискатель частенько обманывал: под снегом оказывался то крупный осколок, то каска, то еще какая-нибудь железяка. Все-таки к утру нашли четыре винтовки — по одной на каждого — и несколько цинок с патронами.

Было уже светло, когда друзья отправились в обратный путь. Чтоб издали никто не заметил винтовок, их привязали за стволы веревками и потащили волоком.

— В случае чего будем биться до последнего,— сказал Витя, повернув к Андрею посерьезневшее лицо.— Живыми не дадимся!

Андрей кивнул в ответ. Он понимал: это уже не забава, не мальчишечьи игры. Это даже не сводка информбюро, которая, узнай о ней полицай, могла стоить ему жизни. Здесь, в поле под Денисковичами, начиналась настоящая партизанская тропа, с которой, ступив на нее однажды, уже не свернешь...

Винтовки благополучно притащили в лес и спрятали в тайник под старым дубом неподалеку от опушки. За зиму заговорщики несколько раз наведались в тайник, с великими трудами отпилили ножовкой стволы, сняли ложа. Приделали ручки, как у старых пистолей. Когда все было готово, попробовали: обрезы стреляли, что пушки. При каждом выстреле из коротышек-стволов вылетал полуметровый язык пламени.

Проба эта чуть не оказалась для Андрея роковой. По неопытности стрелки не догадались отойти подальше в лес и открыли огонь почти на самой опушке. Грохот выстрелов всполошил немцев и полицаев: думали, что на Злынку наступают партизаны, слухи о дерзких операциях которых к этому времени уже катились по всей округе. В амбразурах дотов, что были построены у комендату-

ры, зашевелились стволы «универсалов» — немцы и полиция заняли оборону. На окраинах местечка усилили посты. В Гомель и Новозыбков полетели тревожные донесения...

А утром начальник полиции, которому здорово влетело от немецкого коменданта за ложную тревогу, снова арестовал Андрея — он был на подозрении еще с осени. Опять кулаки в кожаных перчатках. Опять:

— Ты стрелял?

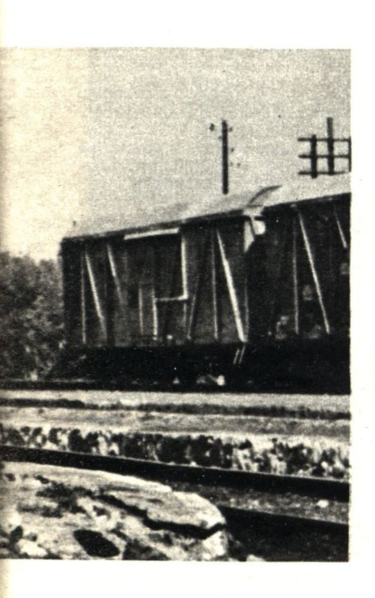
— Не я.

— Врешь! Я из тебя правду выбью, щенок!..

И опять после десяти дней допросов Андрея выпустили за отсутствием доказательств.

А на дворе уже вовсю бушевала весна. Орали грачи, устраиваясь на летних квартирах. Вверх, к солнцу, била трава из оттаявшей земли. И лес, казавшийся зимой мертвым и страшным, стоял теперь весь в брызгах первой зелени и манил к себе...

На двадцать четвертое мая Андрей, Витя, Коля и Миша назначили побег в лес. Чтоб не привлекать внимания, решили уйти из

местечка по двое, а потом встретиться в лесу, на берегу Лесового озера, что лежит неподалеку от Злынки. Условный сигнал — бросить в воду камень и ждать такого же ответа.

Было около полуночи, когда Андрей и Витя добрались до берега Лесового. Осторожно сложили в кустах вещевые мешки, порядком оттянувшие плечи (в мешках лежали патроны). Прислушались. Вода в озере так и кипела от всплесков. В лунном свете было отчетливо видно, как по поверхности расходились серебряные круги.

— Тьфу ты, черт! — свирепо сплюнул Витя. — Гляди, карп разыгрался. Не расслышишь, где камень, а где рыба!..

— Тихо, ты! — отозвался Андрей. — Камень-то совсем по-другому шлепает! Бросай!..

Витя швырнул в воду заранее припасенный булыжник. Всплеск действительно получился совсем непохожим на рыбий: глухой, с бульканьем. И в ответ тотчас послышался еще один такой же всплеск. Потом раздался тихий свист, и из кустов вышли Коля Панов и Миша Говядин. Все были в сборе...

Теперь оставалось главное: найти партизан. Сутки и другие беглецы просто проходили по лесу, исследуя самые глухие урочища. Ничего. Решили попытать счастья в подлесных селах, куда, по слухам, часто заглядывали партизаны. Расспрашивали:

— Как, тетя, партизаны у вас бывают?

— А кто их знает... Проходят какие-то оруженные. Чи немцы, чи партизаны — не ведаем.

— Когда проходят-то хоть?

— Не ведаю, милок... Да зачем тебе? Ты ж поесть попросил, а сам все про партизан выспрашиваешь!

На четвертый день на лесном проселке встретили знакомую из Злынки.

— Э-эх, милые, что ж вы наробили-то!.. — запричитала она. — Да ведь всю вашу родню как есть в комендатуру забрали. В Новозыбков повезли... Теперь расстреляют, идолы.

Ребята свернули в чащу и расселись под деревьями. Все четверо подавленно молчали. Так, значит, немцы все-таки догадались... Теперь добра не жди.

— Что хотите, хлопцы, а я не могу, — не выдержал наконец Миша. — Пойду в Злынку, скажу немцам: мол, по своей воле ушел. Меня и казните...

— Подожди, дура, — прервал его Коля. — Да ты понимаешь, что говоришь? Ну, придешь ты, ну, расскажешь... И что? Своих не спасешь, а сам погибнешь... Тут надо придумать, чтоб немца обмануть и самому в живых остаться.

— А что, если сказать, нас, мол, партизаны схватили? — сказал Андрей. — Троих забрали, а один убежал... А ну, как поверят?!

На том и порешили... Миша отдал Андрею свой обрез, шапку. Для вящего правдоподобия ему прострелили пиджак.

— Вот теперь иди... Да не забудь, что говорить надо!

Миша, не отвечая, пожал товарищам руки и зашагал прочь...

Много позже, уже когда Андрей попал в отряд, он узнал: хитрость удалась, немцы поверили, что партизаны их увели силой, и выпустили родных...

К вечеру седьмого дня скитаний трое усталых, изголодавшихся мальчишек прибрели в лесной поселок Воронова Гута. Сидя на завалинке хаты, они ели хлеб, вынесенный сердобольной хозяйкой, и запивали его молоком из глиняного глечика. Вздыхали. В голову лезли грустные мысли: «Что же делать дальше? Сколько еще придется скитаться, пока найдешь партизан? Да и найдешь ли их?»

Андрей первым заметил трех вершников, которые шагом выехали из лесу. На шапках мелькнули знакомые красные лычки.

— Партизаны!

Это были разведчики нашего партизанского соединения дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова...

...Раскачиваясь и громыхая, мчит паровоз. Жаром пышет топка. Тоненькая черная стрелка скоростемера дрожит на восьмидесяти. Мимо узкого окошка, у которого сидит Андрей, сплошной неровной полосой бежит назад лес.

Потом, когда в диспетчерской будет расшифрована лента, извлеченная из прибора-самописца, на стол начальника Ковельского депо Михаила Григорьевича Таракана ляжет очередная рапортичка. В ней, как и всегда, будет сказано, что машинист Григорьев на паровозе Л21-11 во время движения на плече Ковель — Ягодин в точности выполнил график, без отклонений выдержал заданную скорость и что вообще все было нормально, никаких происшествий не произошло... Так оно и должно быть у классного машиниста.

Но, разумеется, диспетчер не отметит в рапортичке, что участок Ковель — Ягодин для машиниста Григорьева не просто отрезок стальной магистрали от основного до оборотного депо. Не просто плечо, как говорят железнодорожники. Да и мне в шумном дыхании цилиндров слышится: здесь-здесь, здесь-здесь, здесь-здесь...

Из-под колес посыпался перезвон стрелок. Мелькнула на перроне красная фуражка дежурного. Станция Мацеев. Андрей повернул ко мне взволнованное лицо. Оно показалось мне необыкновенно молодым, тем самым, что я видел еще двадцать с лишним лет назад. И я скорее догадался, чем услышал приглушенное грохотом паровоза слово:

— Здесь!

Я открыл узкую дверцу и выглянул наружу. Нет, не узнать тех мест. Да и не приходилось мне на них смотреть с высоты паровоза. В то далекое время, когда мы с Андреем бродили в этих лесах, железная дорога таила в себе грозную опасность. Мы шли к ней осторожно, бесшумно. Прежде чем выйти с миной на полотно, долго высматривали из кустов, нет ли вражеской засады, не идет ли патруль...

Но Андрей-то, конечно, это место знает отлично. Не только потому, что вот уж семнадцать лет водит тут поезда, а еще раньше, до того как стал машинистом, поездил главным кондуктором.

Здесь, недалеко от Мацеева, Андрей Григорьев принимал участие в первом на этой линии взрыве вражеского эшелона. Было это летом сорок третьего. Наше партизанское соединение вышло в район Ковельского железнодорожного узла. Батальон под командованием Петра Андреевича Маркова, в котором был Андрей, получил задачу обойти Ковель с запада и закрыть или нарушить движение поездов на линии Ковель — Ягодин...

За год партизанской жизни Андрей здорово изменился. Исчез прежний нескладный мальчишка. Он возмужал и окреп, побывал во многих боях, участвовал в диверсиях на железных дорогах. Уже давно стал первым номером ручного пулемета. А незадолго до прихода под Ковель комсомольцы второй роты выбрали его комсоргом... Можно сказать, прежним остался только костюм — кургузый пиджачок да черная сатиновая рубаха, чуть живая от ветхости. А ботинки не вынесли трудных партизанских походов. Их пришлось выбросить. И лето Андрей ходил босиком.

Диверсионная группа Михаила Ласого вышла к железной дороге незадолго до рассвета. Андрей замаскировал пулемет, повытаскивал из ног занозы и колючки, набившиеся во время ночного марша, и, положив палец на спусковой крючок, с удовольствием вытянулся.

Командир группы, как и всегда у «железки», запретил шевелиться, разговаривать и курить.

Прошел патруль, громыхая по шпалам коваными сапогами. За ним по линии промчалась дрезина. Немцы, сидящие на ней, время от времени постреливали из пулемета. Пули, щелкая по веткам, просвистели над головами партизан.

— Ну, Леня, — прошептал Андрей своему второму номеру Петухову. — Видать, непростой поезд пройдет!

За поворотом раздался гудок. Андрей видел, как, пригибаясь, метнулись к линии подрывники Иван Воронов и Саша Федоров. Вот они на линии. Секунда-другая — и уже бегут назад, разматывая за собой шнур... И тут же из-за поворота показалась черная громада паровоза. За ним — классные вагоны...

— Ого! — возбужденно шепнул Петухов. — Начальство едет!

Под колесами паровоза сверкнуло багровое пламя. Ударило. Заскрежетало. Вагоны, становясь на дыбы, полезли друг на дружку. И тотчас, перекрывая шум, грохот, крики, истошные вопли зажатых обломками фашистов, донеслась команда Ласого:

— Огонь!..

Позже разведка донесла, что группа Ласого взорвала эшелон, в котором ехали гитлеровские старшие офицеры-отпускники, возвращающиеся на фронт.

И вот нынче, спустя двадцать с лишним лет, мы с Андреем Григорьевым вновь проезжаем по этим местам...

До рези в глазах всматриваюсь в летящие назад кусты и деревья... Вот подходящая сосенка... Здесь? Или под той густой лещиной?.. Ведь и она росла тут в далекие партизанские времена. Андрей снова на мгновение поворачивает ко мне голову, отрывает взгляд от полотна и вздыхает:

— Миновали... Эх и лес тут! Чего не перевидал!..

Да, много видел этот лес, в который нынче, ничего не боясь, ребятишки ходят по грибы...

Темными ночами бродили в нем партизаны. Пересвистывались фашистские солдаты, цепи которых прочесывали лесные чащи в поисках партизанских стоянок... Видел этот лес, непроходимое горе, видел смерть, видел и победы. Победы партизан — быстрые, злые уколы в самые чувствительные места вражьего тыла. Эти партизанские победы творили такие, как Андрей, простые люди, которые и мечтали вовсе не о войне и не о ратной славе. И во вздохе Андрея чудится мне радость, оттого что стал этот лес мирным.

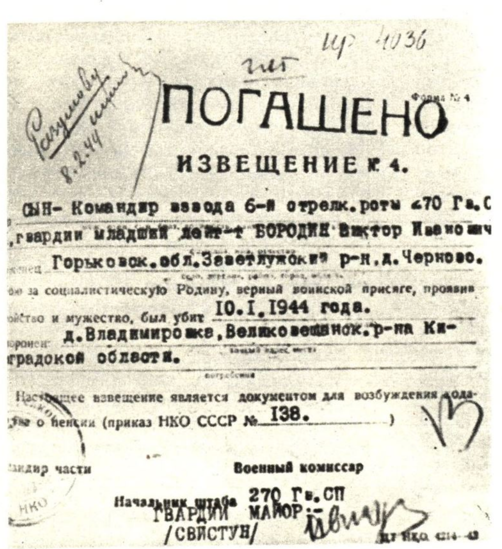
Поездка подходила к концу. Вот-вот покажется входной светофор Ковеля.

— Зеленый на входе! — доложил помощник.

— Вижу зеленый! — откликнулся Андрей.

Рейс окончен. Андрей отогнал локомотив на экипировку, сдал его сменщикам, взял свою «шарманку» — традиционный чемоданчик машиниста, и мы зашагали из депо домой.

Завтра снова в рейс, на Ягодин или на Сарны, а может, и на Киверцы. В рейс по знакомому плечу. По одному из тех, на которых прошла партизанская молодость, а теперь идет трудовая жизнь Андрея Григорьева.

ПОГАШЕНО

Форма № 4

ИЗВЕЩЕНИЕ № 4.

СЫН- Командир взвода 6-й стрелк. роты 270 Гв. СП гвардии младший лейт-т БОРОДИН Виктор Иванович

...енец Горьковск. обл. Заветлужский р-н, д. Черново.

...ою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив ...ойство и мужество, был убит 10. I. 1944 года.

...хоронен д. Владимировка, Великовесновск. р-на Кировоградской области.

Настоящее извещение является документом для возбуждения хода... ...ства о пенсии (приказ НКО СССР № 138.)

...андир части

Военный комиссар

Начальник штаба 270 Гв. СП ГВАРДИИ МАЙОР: /СВИСТУН/

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Дважды рожденный

В январе 1944 года в деревню Черново, что на Ветлуге, пришла похоронная. Не первая и не последняя в этом селе. Но в семье Ивана Васильевича Бородина, счетовода колхоза,— первая. Серый, шероховатый листок бумаги извещал, что его сын, гвардии младший лейтенант Бородин Виктор Иванович, командир стрелкового взвода 270-го полка, уроженец Горьковской области, в бою за социалистическую Родину... был убит 10 января 1944 года. Тут же сообщалось: «Похоронен д. Владимировка, Великовесщан. р-на, Кировоградской области».

С тех пор прошло много лет — двадцать четвертый раз вступил на землю студеный вьюжный январь. Наш «газик», подпрыгивая, катится среди развороченных бульдозерами сугробов. Мы едем во Владимировку, в ту самую, под Кировоградом. Наш спутник неразговорчив, и Анна Павловна Медведева, секретарь райкома партии, тщетно пытается его расшевелить. Уткнулся в поднятый воротник и бережно, будто хочет согреть ладонями, держит пакет: три веточки сирени и три алые гвоздики. Он долго выбирал их в оранжерее Кировограда, просил, чтоб срезали самые лучшие, самые красивые. Часом позже, когда приехали во Владимировку, он положил цветы на постамент памятника, что стоит на братской могиле у школы. У собственной могилы стоял человек. Фамилия его — Бородин. Имя, отчество — Виктор Иванович. Как сообщалось в извещении, наш спутник должен был быть похоронен здесь, рядом с солдатами и офицерами, сложившими свои головы в боях за Владимировку.

...В полевом госпитале, куда попал комвзвода после боя, лежал знакомый офицер, однополчанин. Он сказал, что все считают его, Виктора Бородина, погибшим, что на него послана домой похоронная.

Позже стали известны подробности трагедии, случившейся во Владимировке. И напоминанием потомкам, чтоб не забывали о зверствах фашистов, звучат сегодня гневные рассказы свидетелей той трагедии.

...Прасковья Гордиевна Гнатенко. Старая колхозница. Ее белая, с ярко-зелеными ставнями хата стоит на месте, где немцы вершили свое черное дело.

— Колы глянула я в викно, бачу — наши бийцы тягнут самотужкой повну-повну гарбу нимецьких мертвяков. Поличила — сорок висим людей запряжено. Гонять их далеко — в Пятую Ивановку.

Там, оказывается, хоронили фашистов, убитых в схватке с гвардейцами. Потом пленных снова пригнали во Владимировку, к хате Гнатенко. Распахнув дверь, фашист скомандовал: «Мамка — век, киндер — век, вещ — век!» Схватил хозяйку за пальто и толкнул в коридор. Тут один пленный попросил: «Дай, тетушка, воды попить». Только набрала женщина воды в кружку, как гитлеровец стукнул прикладом по руке.

— Вон знак...

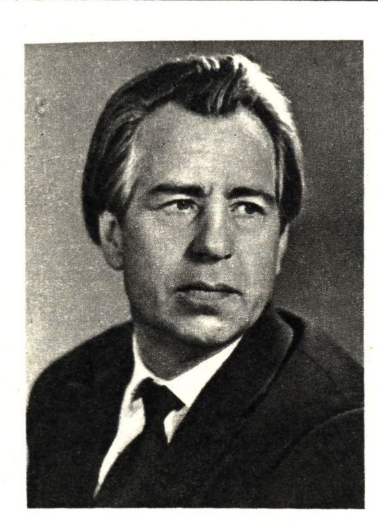
Прасковья Гордиевна протягивает Бородину руку, изуродованную шрамом. Бородин гладит эту руку. Он сидит на низенькой скамеечке у ног Прасковьи Гордиевны. Так когда-то мальчиком сидел он у ног своей матери, которой уже нет на свете, и слушал сказки. Теперь эта женщина, которой он раньше никогда не видел и не знал, стала вдруг близкой ему, как мать. Только рассказывала она не сказку, а страшную быль из своей и его жизни, из жизни его фронтовых товарищей.

Двое суток черным смрадным огнем коптила хата. Кричали и стонали в ней люди, и никто к ним не мог подойти. По краю балки — танки. Вокруг хаты — с автоматами наготове немцы. Потом танки подошли к хате и свалили несгоревшие, из самана, стены. И все же нескольким пленным удалось бежать. Троих видела Прасковья Гордиевна. Двое сидели у нее в «бландаже» — так она называла яму, выкопанную в саду для картофеля. Сейчас на этом месте летняя кухонька и шатер из камыша. Третий хоронился в погребе. Прасковья Гордиевна носила им воду и еду. Четвертого беглеца, звали его Гришей, спасла Марфа Коваленко: он бежал из Пятой Ивановки, когда его вели в колонне пленных. Не его ли имел в виду Иван Ефимович Куц из Полтавской области, однополчанин Бородина? В своем письме юным следопытам школы во Владимировке он писал: «Один из пленных, молодой солдат примерно 17 лет, сбежал. Где-то прятался в подполье у местных жителей. Потом возвратился к нам в роту. Фамилию его не помню. Жив он или нет, мне неизвестно».

Или Куц имел в виду другого солдата, того, которого выходила колхозница Елизавета Бойченко? Тот тоже был очень молод. «Как звать, не запомнила, не по-нашему, узбек он был. Убежал от немцев разутый и раздетый. Я дала ему одежду, картуз и куртку. Сидел в погребе до прихода наших».

В одной из своих статей, опубликованных в Кировограде в 1945 году, генерал-майор Серюгин, командир 89-й дивизии, в которой служил Бородин, упоминал о подвиге гвардейцев. Он писал, что, оказавшись отрезанными, в кольце смерти, они не дрогнули: «Двенадцать

ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ

К 50-ЛЕТИЮ ВАСИЛИЯ ФЕДОРОВА

«За красоту людей живущих, за красоту времен грядущих мы заплатили красотой». Многое должен увидеть, а главное, ПЕРЕЖИТЬ вместе со своим народом, своим веком поэт, чтобы в его сердце родились эти мудрые, чеканные строки. Где, когда, на каких дорогах жизни повстречался Василий Федоров впервые с красотой? Поиски ответа на этот вопрос приведут нас в затерявшуюся где-то в Сибири, в суровом таежном краю, деревню Марьевку. «Сибиряк, я рос в лесном краю, где текут Иртыш, и Обь, и Лена».

В Марьевке юный поэт почувствовал не только красоту чудесной сибирской природы. Здесь перед ним раскрылась самая дорогая и прекрасная в мире красота — красота души сильных, ярких народных характеров.

Потом деревенский паренек стал рабочим человеком. В Отечественную войну мастер военного завода в Сибири Василий Федоров начал печатать свои стихи.

Я давно знаю и люблю этого поэта. Его стихи и поэмы по силе драматизма, образности, эмоциональной напряженности более всего созвучны эпическому дыханию шолоховской прозы. Со своими думами о судьбах России, о «земной» и «вечной» красоте, о нашем прекрасном и тревожном веке Василию Федорову тесно в строках лирического стихотворения. Он блестящий и признанный мастер поэм, художник ярко выраженного эпического склада. Достаточно вспомнить такие широко известные читателю поэмы, как «Проданная Венера», «Золотая жила», «Бетховен». Недавно Василий Федоров читал в кругу друзей эпилог своей новой романической поэмы «Седьмое небо». Сегодня для поэта это, бесспорно, его главная книга. Кто знает, сколько тревожных дней и бессонных ночей отдал он своему любимому детищу! Вспомним, что первые главы «Седьмого неба» были напечатаны еще в 1959 году.

Наше быстротекущее, стремительное время наложило свою незримую печать на

Прасковья Гордиевна Гнатенко и Виктор Иванович Бородин.

Фото Ф. Плахтия, фотокорреспондента районной газеты «Заря коммунизма».

долгих часов немцы не могли сломить их сопротивление, и после того, как боеприпасы кончились, враг жестоко расправился с оставшимися в живых. Подвиг их бессмертен!»

Такова трагическая участь товарищей Бородина по оружию, участь, которая чуть было не постигла и его.

— Я во Владимировке как бы родился во второй раз, живу, так сказать, сверх плана. И теперь нет на земле места для меня более дорогого, чем ваше украинское село.

Так он сказал перед всеми людьми Владимировки на собрании в переполненном клубе колхоза имени Куйбышева и низко, до земли поклонился им. За своих товарищей, за себя.

Владимировцы хлебом-солью встречали человека с далекой русской реки, который освобождал их родное село и отдал за это свое здоровье. Всем миром решили они присвоить ему звание Почетного гражданина Владимировки и пригласили приезжать почаще, просто когда вздумается, как и положено родному к родным.

* * *

Бородин долго лежал в госпиталях, потом вернулся в часть. Войну закончил в Чехословакии. Затем работал в Горьковской области в органах охраны общественного порядка. С 1953 года по инвалидности вследствие ранения ушел на пенсию. Освоил новую профессию — стал фотографировать. Успешно участвовал во многих фотоконкурсах центральных газет. Последние годы В. И. Бородин — внештатный фотокорреспондент «Правды» по Горьковской области.

поэтический почерк Федорова. Масштабные по философским раздумьям, его стихи предельно лаконичны и афористичны. Глубина мысли сочетается в них с подлинным «половодьем чувств», столь характерным для поэзии Федорова. В его стихах мы слышим то голос юности, влюбленной в жизнь, полный романтического одухотворения, дерзаний, мечты о прекрасном, то голос поэта-пророка, поэта-гражданина, обращенный к своим соотечественникам. От нежных, задушевных интонаций до трагедийных нот, от мягкой, светлой иронии, озорного, с усмешкой юмора и лукавства до гневных сатирических тирад — таков диапазон чувств поэзии Василия Федорова.

Многие его стихи звучат сурово, а порой и тревожно-трагически. Поэт как бы хочет сказать нам, читателям: не забывайте, помните всегда — все, что мы утвердили на земле нашей Родины,— все это результат титанических усилий народа. Ради светлого будущего человечества шел наш народ на великие жертвы и лишения; шел сознательно, с величайшей гордостью за свою социалистическую Отчизну.

Наше время такое:
Живем от борьбы до борьбы.
Мы не знаем покоя —
То в поту,
То в крови наши лбы.

Да, далеко «не просто в мире первыми быть» и сегодня и завтра. Ведь мир этот «еще несовершенен» и «все еще кипит враждой».

Для Василия Федорова, как поэта, характерно чувство высочайшей ЛИЧНОЙ ответственности за все несовершенства мира. Он убежден твердо: «Поэт не может быть счастливым в тревожные для мира дни». В его стихах мы всегда ощущаем этот высочайший пафос гражданственности. Сколько его в таких человечных и тревожных книгах поэта, как «Третьи петухи» или «Второй огонь»!

Наш современник — главный герой поэзии Василия Федорова — прост и мудр, как сама жизнь. Его касается и дело одного двора и судьбы всей Вселенной. Он ведет с вами удивительно откровенный и задушевный разговор. Он умеет по-настоящему любить. Слушая исповедь его мужественного и нежного сердца, полного доброты к людям, вы начинаете чувствовать, как светлеет у вас на душе, окружающий мир приобретает новые очертания и краски. Таковы герои поэм Василия Федорова, таков лирический герой его «Книги любви». «По тому, как людям любится, здоровье мира узнают»,— справедливо замечает поэт.

Далеко не сразу овладел поэт высотами мастерства. Он изведал и горечь неудач и минуты сомнений. Нелегким и непротоптанным был его путь.

Когда-то молодой поэт страстно мечтал о том, чтобы его стихи быстрее научились говорить с другими:

Возьмите от меня
терпенья впрок,
К другим идите
И стучитесь в душу.

Сегодня эта мечта осуществилась.

Поэзия Василия Федорова вся наполнена дыханием нашего времени.

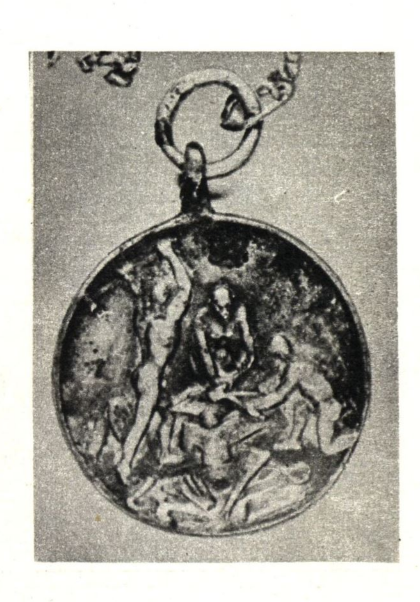
Есть что-то символическое в том, что именно в те годы, когда перед всей нашей страной открываются широкие просторы земли сибирской, Сибирь выдвигает своего замечательного поэта, голос которого слышит сегодня вся страна и который в такой отличной «боевой форме» встречает свое пятидесятилетие.

Юрий ПРОКУШЕВ

? СТО ТЫСЯЧ ПОЧЕМУ ?

ПАМЯТИ КАРЛА МАРКСА

«Итальянская бронзовая медаль с изображением Карла Маркса и лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» была найдена в земле одним жителем города Барнаула лет двадцать тому назад. Она, как видно, очень редкая. Хотелось бы что-либо узнать, когда и кем она сделана»,— написал нам житель Барнаула В. А. Санаров.

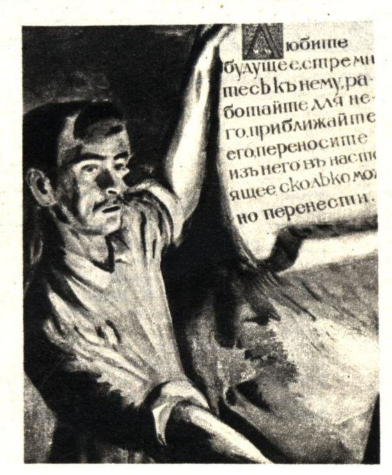
Его просьбу мы направили в Ленинград, хранителю отделения медалей Государственного Эрмитажа кандидату искусствоведения Е. С. Щукиной. Она сообщила: «Эта медаль выпущена в Италии в конце прошлого века. Аналогичная ей медаль имеется в собрании Эрмитажа. На ней такой же, только повернутый в другую сторону, портрет Карла Маркса и тот же международный лозунг на итальянском языке. Под изображением подпись автора медали — Донзелли. На оборотной стороне изображен рабочий у наковальни, а по сторонам его надписи: «8-часовой рабочий день» и «1 мая». Сравнивая медаль, найденную в Сибири, и эрмитажную, можно предположить, что их автор один и тот же — миланский мастер Донзелли. Он мало известен, о нем нет почти никаких сведений в специальной литературе. Для нас маленькие медали — размер эрмитажной двадцать семь миллиметров в диаметре — особенно ценны тем, что на них впервые в медальерном искусстве запечатлен облик великого основоположника научного коммунизма».

Фото В. Санарова.

ПЛАКАТ 1905 ГОДА

«В Москве мы были на выставке первых советских плакатов, открытой в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Сила воздействия этих плакатов потрясающа. У нас возник вопрос: были ли революционные плакаты раньше, когда рабочие боролись с царским самодержавием?» На этот вопрос попросили нас ответить А. и Т. Лебедевы из города Днепропетровска.

К этому времени нам прислал из города Горького свои интересные воспоминания доктор исторических наук профессор Николай Михайлович Добротвор. «Мой отец был переплетчиком в Туле,— пишет он.— В 1905 году ему принесли

несколько сот листов, на которых был изображен в красках молодой рабочий с горящим факелом в одной руке и листом с призывными словами в другой. Это были слова из романа Н. Г. Чернышевского: «Любите будущее, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее сколько можно перенести». Таков был революционный плакат того времени. Внизу еле разборчивая пометка: «905». Плакат был напечатан в московской литографии товарищества «Владимир Чичерин», которая находилась в Марьиной Роще.

Мой отец должен был наклеить принесенные плакаты на коленкор и приделать к ним на тесемках колечки, так как плакаты тогда не расклеивали, а развешивали на стенах. После работы у отца осталось несколько плакатов, и один из них он подарил мне».

МОРСКИЕ ЖЕЛУДИ

«Сам я с Поволжья. Приехав на Курильские острова, однажды увидел на песчаном морском берегу какие-то белые цветы, крепко приросшие к поплавку от рыболовной сети. Что это такое, объясните, пожалуйста»,— просит читатель В. Самаркин из Южно-Курильского района Сахалинской области.

Это письмо мы вручили доктору биологических наук профессору Московского государственного университета Евгению Владимировичу Боруцкому. Он сказал: «Заинтересовавшие читателя «цветы» есть не что иное, как морские желуди. Это ракообразные животные; они прикрепляются к подводным скалам, поверхностям гидротехнических сооружений, днищам кораблей; их находят на рыболовецких сетях и на коже китов. Морские желуди обитают не только в Тихом океане, они встречаются в Черном и Азовском морях, а недавно проникли в Каспийское море».

Фото Н. Потылицина.

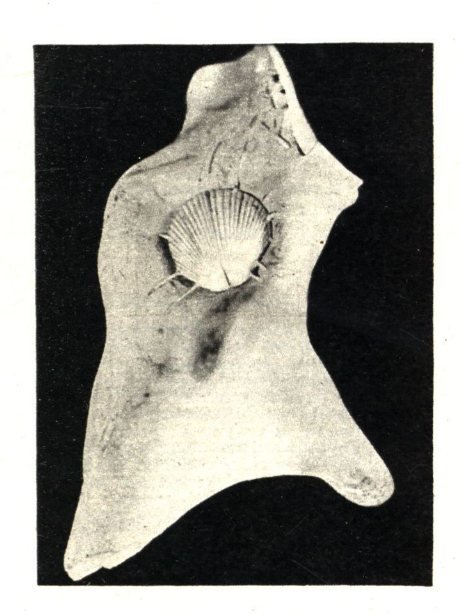

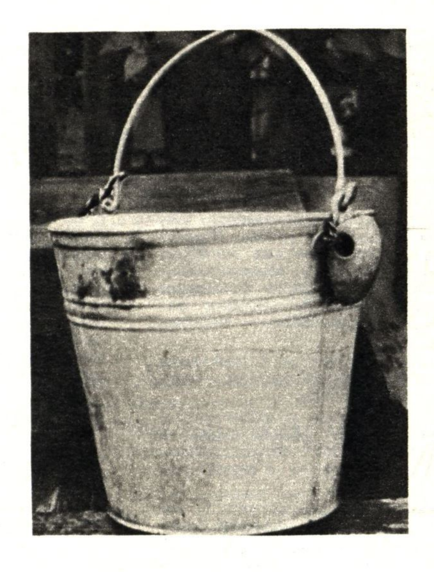
НАХОДКЕ 50 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ

«В деревне Большие Конюшаны, Лидского района, Гродненской области, в меловом отложении на глубине пяти метров найдена окаменевшая раковина. Сохранив свою стройную форму, она словно погрузилась в камень. Ее передали в краеведческий уголок Конюшанской средней школы»,— делится своей новостью читатель И. М. Радюкевич из Белоруссии.

С этой находкой ознакомился старший научный сотрудник Палеонтологического института Академии наук СССР кандидат биологических наук Роман Львович Мерклин. Он ответил: «Найденная окаменевшая раковина двустворчатого моллюска оказалась в отличном состоянии, чем она и привлекает внимание. Моллюск этот жил в меловой период, не менее чем пятьдесят миллионов лет назад. Вероятно, там, где он найден, простиралось в то очень далекое время теплое, тропическое море».

Фото И. М. Радюкевича.

КАМЕННЫЙ ТОПОРИК

«Как-то я пришел к своему соседу и увидел необычное грузило на ведре. Сосед рассказал мне, что еще около тридцати лет назад ему привезли гравий, в котором он обнаружил эту каменную вещицу. Я попросил отдать ее мне, а затем находку отвез в Гродненский историко-археологический музей. Здесь определили, что это топорик каменного века» — такую новость сообщил нам читатель А. М. Ляхович из местечка Поречье Гродненской области.

«Найденный предмет,— сказал научный сотрудник Института археологии Академии наук СССР Павел Михайлович Кожин,— действительно каменный топорик, относится он к позднему каменному веку и началу эпохи бронзы, то есть он был сделан около четырех тысяч лет назад. Такие топорики жители того времени употребляли как боевое оружие».

Фото А. Ляховича.

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

«Находясь в экспедиции в Приморском крае, я увидела эти грибы, удивительно похожие своей формой на цветки. Я не знаю, как они называются»,— поделилась с нами своим впечатлением читательница А. Скрябина из города Кирова.

Мы направили это письмо на кафедру низших растений биолого-почвенного факультета Московского государственного университета. Нам ответила кандидат биологических наук Л. В. Гарибова: «Эти грибы, близкие к широко известным дождевикам, называются земляные звездочки».

Фото А. Скрябиной.

БЕЛЫЙ ЁЖ

«Раньше я никогда не видел белого ежа, но вот теперь довелось мне даже сфотографировать его,— сообщил читатель Э. Н. Ким из города Кизыл-Арвата Туркменской ССР.— Удивило нас то, что белый еж зло относился к нам, по ночам плакал, как ребенок, ловко прыгал и сам лез в драку».

Письмо прочитала по нашей просьбе научная сотрудница Зоологического музея Московского государственного университета Маргарита Владимировна Васильева. Она сказала: «Обычно длинноиглый еж имеет темную окраску, но этот экземпляр почти белый — альбинос. В природе альбиносы встречаются редко, поэтому найденный еж представляет интерес. Хотя длинноиглый еж более зол и агрессивен, чем ежи других видов, но его все же легко приручить и можно держать дома».

Фото Э. Кима.

ПОЧЕМУ КОЗОДОЙ?

«Мы знаем птицу, которая называется довольно странно: козодой. Откуда пошло это название?» — спрашивает нас молодая читательница О. Сергеева из Томска.

Мы попросили работающего в Узбекистане кандидата биологических наук Афанасия Петровича Лесняка ответить О. Сергеевой. «В самом деле, почему многочисленный отряд птиц называется козодоями, а в Средней Азии это же название укрепилось за ящерицей — степной агамой, которую зовут «сосущей коз»? Справедливо ли это? Нет.

Дурная слава за этими птицами и за степной агамой идет с древнейших пор. Дело в том, что птицы козодои кормятся по ночам на выгонах, где пасется скот и где много вредных насекомых. Козодои уничтожают их в больших количествах, чем приносят пользу сельскому хозяйству. Агамы же — безобидные ящерицы, обитающие поблизости от скотных дворов. Когда случалась беда — пропадало почему-либо молоко у животных,— то вину возлагали на порхающих около скота птиц козодоев и на агам. Так и произошло обидное поверье, что птицы и ящерицы доят коз».

Фото А. Лесняка.

РОВЕСНИКАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Дочь известного белорусского пейзажиста Владимира Николаевича Кудревича Раиса Владимировна росла в обстановке преданности искусству, любви к нему. И, может быть, потому с юных лет так точно она определила для себя направление в живописи, основную тему и героев. Молодая художница выбрала жанровую картину, жизнь современной деревни, герои ее — колхозная молодежь.

В годы Отечественной войны ее произведения «Хлеб — партизанам», «Мы отомстим» наполнены мужественной решимостью. А содержание композиций двух последних десятилетий — это радость. Радость девушки, возвращающейся с фронта,— «В родной колхоз». Радость молодости в ожидании веселого вечера — «Гармонист идет». Увлеченность задорной музыкой, поэзия юности — в картине «Белорусские припевки».

...Голубоватый зимний вечер за окном. В клубе тепло. На девушках накрахмаленные белые кофты и фартуки, цветные юбки. Скоро репетиция. Но не дождаться ее — так хочется скорее петь и плясать. И девушка, переполненная своим счастьем, запела. Радость свободно разлилась в легкой, раскованной, изящно построенной живописной композиции — «Перед репетицией».

Раиса Кудревич пишет портреты и пейзажи и всегда в них привносит лирическую ноту собственного отношения, чувства.

Есть и еще интересная грань в творчестве художницы — это произведения общественного звучания: «Николай Островский», «Аппассионата»,— которые она создает вместе с живописцем А. С. Гугелем.

Сейчас оба художника снова вернулись к теме «Аппассионаты». Пишут новый вариант картины, ищут более выразительное решение.

— Столько тем, столько тем! — говорит Раиса Владимировна.— Начала работать над композицией «Земля родная». Военные годы. Мчится санитарный поезд. На подножке вагона девушка-санитарка пристально всматривается в мелькающую родную деревню, где оборвалась ее юность, откуда уехала она на фронт защищать Родину. В этой картине я снова со своей самой любимой героиней, моей ровесницей, чья молодость совпала с войной.

Еще у меня готов эскиз будущей картины «Майский дождь», посвященной нынешней молодежи села...

В последние годы я много путешествовала, была во многих городах Европы. Во время поездок все время работала. Увлеклась графикой и теперь осваиваю новую для меня технику — монотипию, в которую перевожу свои путевые зарисовки.

Н. АНДРЕЕВА

ИМЕННО СВОЙ...

«Вечер на холме»... Смотрю и слышу журчание родника. Его здесь не видно. Но я уверен: где-то у подножия холма, в тени ветвистых яблонь, он есть. И ни на секунду не умолкает. Родник-свирель без устали извлекает из глубин земли неумирающую дойну. Из глубин веков. И жизни. Журчит говорливо и днем и ночью. В зной и в стужу.

Молдова, земля былинного склада,— край родников. Любящий дорогу мимо родника не пройдет. Остановится. Утолит жажду. Постоит. Очарованный, послушает мудрую дойну. У каждого молдаванина есть свой возлюбленный родник. Элеонора Романеску нашла свой, именно свой, счастливый родник. Нашла, не могла не найти: искала!

Вечер на холме... Холм, дома, сады, люди — все здесь до самого сердца насыщено добрым, горячим южным солнцем. Вглядитесь повнимательней: как щедра и богата, песнеобильна и сказочна земля! И все это от солнца. И от Человека. Поэтому-то и краски какие-то очень умные. И земные. Полотно глубоко национальное. И опять-таки поэтому оно понятно и русскому, и казаху, и украинцу. Оно будто зовет каждого человека, любящего природу и жизнь, дорогу и искусство, в зеленолистую Молдову... Приезжайте — и сами легко убедитесь: да, это край поэзии. И вина. И песен. И широких сердец. Смотрю «Вечер на холме», и думаю, и радуюсь, и волнуюсь, и передо мной встает все, что моему сердцу дорого. И от души поздравляю художника: ее полотно — действительно поэзия, которую видишь.

Петря ДАРИЕНКО

НА ПУТИ К ЦЕЛИ

На первой республиканской художественной выставке «Советская Россия» была показана картина свердловского живописца Игоря Симонова «Литейщики». Она обратила на себя внимание и сделала его имя известным. На картине люди свободно и крепко стоят в просторном цехе, ничто не стесняет свободы их движений. Фигуры вылеплены уверенной, мощной кистью. Основное в композиции — это приподнятость, радость, рожденная результатами труда.

Симонов много времени провел на крупном уральском заводе «Уралмаш», наблюдал за производством, был дружен с металлургами. Отсюда и правда «Литейщиков». В последующие годы появляются новые полотна Симонова: «Цеховая лаборатория», «Реки потекут вспять» и другие композиции. Симонов отлично знает труд уральских рабочих. Одна из картин так и называется — «Мои герои». Рабочие стоят перед этюдником художника в цехе. Они с уважением относятся к труду живописца и умно оценивают произведение искусства.

К 50-летию Октября Симонов создал несколько полотен, и лучшее из них — «Таежные километры». Этой композицией он участвовал на Всесоюзной юбилейной художественной выставке. Сквозь заснеженную, синюю, почти непроходимую тайгу пробивается автоотряд к какому-то жизненно важному объекту. Художник избирает принцип крупнопланового построения, показывая только часть автоколонны, штурмующей тайгу. Он как бы приближает зрителя к своим героям, делая его участником этого штурма. Вместе с тем оттого, что фигуры людей и машины даны крупно, почти полностью заполняя холст, не оставляя места пейзажу, создается впечатление мощи идущей колонны, несокрушимой силы людей.

В узком прорыве между машинами вдали видна остановившаяся из-за затора колонна. Эта часть картины заставляет почувствовать, как плотно одна за другой идут машины и в какой длинный ряд они выстроены. С помощью небольшого заснеженного кусочка земли живописец передает суровость лютой зимы. Композиция полна действия. Движение в ней идет почти параллельно холсту и в то же время несколько из глубины, что подчеркивает тяжесть подъема. Вся группа охвачена общим порывом, лишь один человек устремил свой взгляд прямо на зрителя. Его облик, его взгляд вызывают мысль о том, что там, впереди, еще немало трудностей. В картине «Таежные километры», как когда-то в «Литейщиках», И. Симонов вновь повествует о труде, тяжелом и напряженном, но именно в нем он раскрывает духовную красоту человека, творческую сплоченность, уверенность на пути к цели.

Борис КОЗЛОВСКИЙ,
доктор искусствоведения

ПОВЕСТЬ О СЕВЕРЕ

— Произошло это в селе Разбугино, Ярославской области,— рассказывает Владимир Федорович Стожаров.— Зашел я как-то в сельский магазин и увидел на стене репродукцию. Невольно вырвалось: «Это же моя картина!» А народ вокруг смеется: «Как же ты так картину назвал — «Тихий вечер»? Такое придумать может только человек, не знающий деревни. Это же разбугинская мельница. Идет обмолот. Такой грохот — друг друга не услышишь». Хорошим уроком был для меня этот забавный случай.

Стожарову сейчас 42 года. Родился он в Москве, здесь закончил Суриковский институт. Но не случайно художника называют мастером северного пейзажа. Из дальней северной дали Стожаров привозит множество работ — пейзажи и натюрморты, жанровые сцены сельских будней. В своем правдивом живописном повествовании он рассказывает о подлинной красоте.

Первая работа, с которой пейзажист познакомил зрителей на выставке молодых художников в 1954 году, была картина «Игарка», плод долгих поисков, зарисовок в поездках по Северу.

Живописная композиция «Суббота. Бани» и прозаична и сказочна. Сквозь завесу невиданно крупных хлопьев снега, потеплевшего в предчувствии скорой весны, видны бревенчатые срубы. Молодая женщина выскочила на крыльцо бани, а вдалеке вышагивают домой уже намытые, закутанные ребятишки. Издревле в северных деревнях ведется эта традиция. Суббота — банный день. Всей семьей отогреваются в жарко натопленной бане, ныряют в сугробы, снова парятся до «седьмого пота», а потом, благодушные, усталые, ведут неторопливую беседу за бездонным самоваром.

Эта картина — одна из шести работ, составляющих серию северных пейзажей В. Ф. Стожарова. Все они гармонично дополняют друг друга по колориту и композиционному построению.

Из поездки по Италии живописец привез работы, полные солнца и темперамента. А затем, по возвращении на Родину, снова побывал на любимом им Севере. И теперь хочет сопоставить противоположности — теплую красоту Италии и величавое целомудрие северных пейзажей.

В. КРАМОВА

Р. Кудревич (Минск) ПЕРЕД РЕПЕТИЦИЕЙ

Э. Романеску (Кишинев) ВЕЧЕР НА ХОЛМЕ

И. Симонов (Свердловск) ТАЕЖНЫЕ КИЛОМЕТРЫ

В. Стожаров (Москва) СУББОТА. БАНИ

Василий НОЗДРЕВ

Лесная округа

* * *

Так уж повелось:
желает мать
Вечно сына при себе держать.
Мы же вспоминаем отчий дом
В грозы — под губительным огнем.

Так уж повелось:
сыны — в полет,
Мать покорно их годами ждет.
Вся иссохнет и уходит в ночь.
Жизнь ушедшей
Повторяет дочь.

ИЗБА

Стоит от поселенья в стороне
Изба-старушка, накренившись
набок.
И грезит о далекой старине
Под лай собак и пересуды бабок.

...Глазами окон южной стороны,
Веселая, она на мир смотрела.
И пахло хвоей, золотом сосны
Бревенчатое звончатое тело.

Нутром своим — и печью
и столом —
Она дарила отдых и отраду.
В январский холод берегла тепло,
В жару хранила свежесть
и прохладу.

Жизнь, как река, текла сама
собой.
Сыны росли, мужали и женились.
А беды проходили стороной
И дружной жизни в доме
Сторонились.

И время шло. Семья прошла
зенит
И повернула медленно к закату.
Хотя богато стол еще накрыт,
А дверь скрипит тревожно,
виновато.

И грустно стало детям в тех
местах.
И вот, когда хозяина отпели,
Они осели где-то в городах
При новой жизни и при новом
деле.

И пусть от громкой славы
в стороне
Стоит изба,—
Она-то понимает,
Что дети на далекой целине,
В космической тревожной глубине
Ее над прошлым миром
поднимают.

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

От холода мороз по коже,
Во льду деревья и кусты,
Но в роще, на зарю похожи,
Поют клесты, поют клесты.

Легко звенеть в лесной округе,
Когда черемуха в цвету.
Но трудно петь, когда пичуги
От стужи мерзнут на лету.

Легко в сиреневые годы
Звенеть:
мы молоды, в седле!
Но трудно петь, когда природа
С годами гнет тебя к земле.

В любую непогодь, в метели
Бегу за две, за три версты,
Чтобы услышать, как на ели
Поют веселые клесты.

ПОДРАНОК

У камышей, что дремлют чутко,
Воды испуганный глазок.
Там мечется подранок — утка,
Кричит и бьется о ледок.

Взволнованный чужой бедою,
С тропы я повернул туда,
Где синей гладью ледяною
Покрыта стылая вода.

Я подползаю к кромке тонкой —
И пленница в моих руках,
В крови горячей
перепонки,
В глазах черничных
боль и страх.

Глупышка, умирать нам рано,—
Весной нырнешь в лесной ручей.
Пойми, что я, как ты, подранок,
С осколком в ноющем плече.

УТКИ НАД ВОЛГОЙ

Наскучила вода и берега:
С утра в пути, а птиц нигде
не видно.
По берегам пригорки и луга
Нам, грешным, улыбаются ехидно.
И в этой леденящей тишине
Над лодкой шумно утки
пролетели.
И так легко на сердце стало мне,
Как будто гимн весне они
пропели.

ПРЕДАННОСТЬ

Метнулись бабы, громко взвыли,
По всем телам прошел озноб,
Когда к хозяину в могилу
Собака прыгнула на гроб.

Вся напружинившись в отваге,
Ощерив до предела пасть,
Стояла там, внизу, дворняга,
Готовая на всех напасть.

И ни дрекольем, ни обманом
Нельзя беде никак помочь.
Лишь извлеченная арканом,
Она ушла, шатаясь, прочь.

Ирина ШАЛЯПИНА

ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

95-летие Ф. И. ШАЛЯПИНА

В своих воспоминаниях отец писал:

«Да, признаюсь, была у меня во Владимирской губернии дача... втроем строили мы этот деревенский мой дом... Рисовали, наблюдали, украшали.

Был архитектор, некий Мазырин. По-дружески мы звали его Анчуткой, а плотником был всеобщий наш любимец той же Владимирской губернии — Чесноков, и дом уже был выстроен, смешной, по-моему, несуразный какой-то, но уютный, приятный, а благодаря добросовестным лесоторговцам, срублен был, точно скован из сосны, как из красного дерева!»

Сооружена была эта дача по эскизам художников К. Коровина и В. Серова.

Стояла она на берегу реки Нерль, среди лесов сосновых и милых русскому сердцу березок. В свободное от летних гастролей время отец любил отдыхать в своем Ратухино. Участок этот принадлежал сначала близкому другу отца художнику К. А. Коровину, но он перебрался на околицу деревни Охотино, что в полутора верстах, и там среди вековых деревьев построил себе небольшой деревянный домик.

С утра, бывало, напившись чаю и топленого молока, отведав деревенской «туболки» (ржаной лепешки), отправлялись мы с отцом в гости к Коровиным. Шли через поле; как море, колыхалась желтая, спелая нива. Отец рассказывал нам, что в детстве мать его, Авдотья Михайловна, пела часто песню «Нива, моя нива, нива золотая». Как-то он спросил у нее: «Что это за нива золотая?» Мать ответила: «Золото — это деньги такие». «А у нас они есть?» — спросил мальчик. «Нет, деньги у богатых». О своем безрадостном детстве он рассказывал нам часто.

У Коровиных всегда радушно встречали нас сам Константин Алексеевич, его красавица жена Анна Яковлевна и сын Леша, мой сверстник. В мастерской пахло красками, скипидаром. Всюду стояли подрамники, холсты, на мольберте — незаконченный этюд; на столе — в беспорядке вазы, старинные фарфоровые чашки, канделябры со свечами, цветы. Рядом на табурете — тюбики с красками, палитра, кисти — сказочный мир художника!

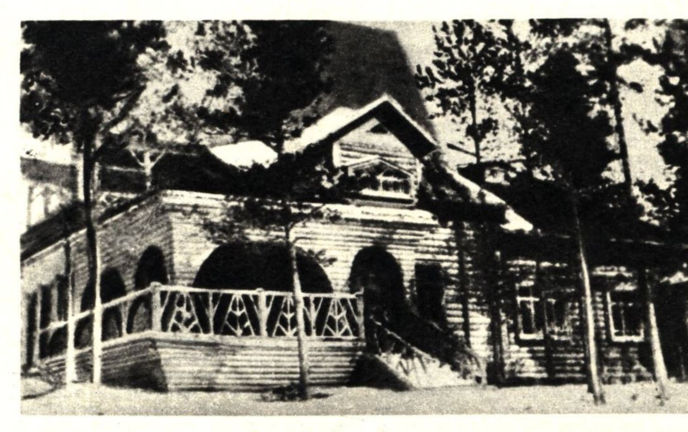
Из мастерской дверь вела на террасу, где хранилось богатство Коровина-рыболова — сохли снасти, стояли удочки, аккуратно сложенные, спиннинги, сачки и еще много замысловатого снаряжения, вызывавшего неизменно восторженную зависть отца.

Визит, как правило, заканчивался разговором о предстоящей рыбалке. Излюбленным местом у них была мельница «Новенькая», что верстах в десяти от Охотина.

На следующий день чуть свет мы выходим с отцом на крыльцо; еще сыро, и дорога подернута туманом. Но вот откуда-то издали доносится звон бубенцов, и к даче несутся плетеные, крытые черным лаком тарантасы. В них сидят Коровин и часто приезжавший к нему из Москвы художник В. А. Серов. Забрав палатку и съестные припасы, рыболовы покидают нас дня на три.

...С той поры много воды утекло, но сохранились в архиве пожелтевшие фотографии. На одной — рыбалка. С наслаждением пробует Федор Иванович только что сваренную в котелке уху, а Коровин наблюдает за ним. На рыбалке отец очень любил слушать русские песни, которые пел ему мельник Никон Осипович,— о тяжелой русской крестьянской доле, «Кручинушку» и другие, все печальные, хватающие за душу. Пели они и вместе, на два голоса, да так хорошо, что стоявшие рядом работники-помольцы смахивали украдкой слезы.

Вот так и отдыхали эти великие художники — с народом, с природой.

Любители кино — хотя, конечно, не все — знают, что каждый новый фильм далеко не сразу появляется на экране.

Перед встречей со зрителем киноленты проходят еще довольно долгую стадию дополнительной и, кстати говоря, весьма трудоемкой работы. С фильма снимают копии: размножают ленту для того, чтобы показывать ее одновременно во многих кинотеатрах. Фильм дублируют — в том случае, разумеется, если он сделан на республиканской студии или вообще в другой стране.

Сегодня мы хотим несколько ускорить, вернее, предварить знакомство зрителей с новыми картинами.

Итак, фильмы перед выходом на экран!

1

ФИЛЬМ РАССКАЗЫВАЕТ О ЛАЗО

Биография Сергея Лазо столь богата событиями, что полно изложить ее в пределах одной картины невозможно. Молдавские кинематографисты пошли по иному пути: их фильм состоит из четырех новелл. Это словно страницы жизни героя, воссозданные образным языком кино. Авторы фильма (сценарий Георгия Маларчука, режиссер Александр Гордон) ставят своей целью показать Лазо, его высокую принципиальность и твердость в борьбе за утверждение власти Советов.

Новелла первая: «Красноярск, июнь 1917». Прапорщик Сергей Лазо, недавний студент, сын крупного помещика, представитель знатнейшего дворянского рода Молдавии, переходит на сторону революции.

Энергичный военачальник является примером для своих солдат.

Человеком высокого благородства видим мы его во второй и третьей новеллах: «Иркутск, декабрь 1917» и «Забайкалье, 1918»,— рассказывающих о том, как Лазо во главе красногвардейского отряда был послан к иркутским большевикам на помощь в подавлении контрреволюционного восстания... Уже в качестве командующего фронтом 24-летний Лазо направляется в Забайкалье — на ликвидацию банд атамана Семенова.

Последняя новелла: «Владивосток, 1920». Здесь Лазо выступает как дипломат и политик, по-прежнему верный своим идеалам.

Раненого Лазо схватили во Владивостоке и на станции Муравьево-Амурская (ныне станция Лазо) живым бросили в топку паровоза...

Зритель увидит на экране яркий образ Сергея Лазо, созданный талантливым артистом Каунасского театра Регимантасом Адомайтисом. Он очень похож на Лазо.

М. БЕЛЯВСКИЙ

2

ОДИН ИЗ САМЫХ ПЕРВЫХ

Безмятежные приморские пейзажи Болгарии...

Работают на полях болгарские виноградари...

Чернобородый богатырь ведет за руку хрупкую, белолицую, сероглазую барышню охотничьими тропами к морю: небезопасно ходить им по улицам Варны — Конкордии Самойловой и ее провожатому, болгарскому патриоту Ивану Загубанскому. Им обоим партией поручено нести в народ «Искру», слово Ленина...

Первая встреча Ивана с Конкордией. И с тех пор теплеют при этом имени глаза молодого болгарина. А она, неопытная, доверчивая, и не замечает, что где-то совсем рядом полицейские ищейки. Они уже напали на след!.. Студент Докумыга, жених Конкордии, крепко сидит на крючке умного старого полицейского; хорошо знает свое дело этот царский бульдог! Молодые-то наглые, тупые офицеры ничего дальше своего носа не видят — как же не провести их вокруг пальца такому опытному подпольщику, как Загубанский... И любуется старик удалым парнем и даже где-то хотел бы, может быть, помочь ему, но... служба!

Артист Е. Леонов в образе полицейского прекрасно совмещает черты и хитрого «добряка» и прожженного, закоренелого царского холуя.

Загубанского и Конкордию ждет тюрьма! Но «Искра» доставлена рабочим.

Фильм «Первый курьер» — совместная работа советских и болгарских кинематографистов. Картина посвящена светлой памяти реально существовавшего болгарского революционера, патриота, отдавшего свою жизнь делу Ленина.

Яркая, поистине фантастическая деятельность этого замечательного человека, подпольщика, ленинца, так интересно показана на экране и увлеченно сыграна артистом Стефаном Данаиловым, что самая мысль о смерти его героя кажется неправдоподобной.

Мыслью о бессмертии человека, о бессмертии подвига проникнуто все киноповествование. Образ Загубанского героически приподнят, а вместе с тем видно, что это наивный, добрый, по-молодому отчаянный человек, с горячими, озорными глазами и атлетической внешностью спортсмена.

Фильм, утверждающий победу того великого дела, которому служит герой, заставляет нас еще и еще раз преклониться перед величием свершений первых друзей революционной России. Первых соратников Ленина...

Н. ЗЫБИНА

3

АЙ ДА СВЕТА!

Вы только посмотрите на эту девчушку! Ее зовут Света Коростелина. В картине «Анютина дорога», поставленной на студии «Беларусьфильм» режиссером Л. Голубом по сценарию К. Губаревича, она играет заглавную роль.

Я думаю, вы удивитесь еще больше, когда узнаете, что полнометражный фильм об Анютиных приключениях в годы гражданской войны рассчитан не только на детей. Его с удовольствием посмотрят и взрослые.

Все те невероятные вещи, которые одна за другой происходят на экране: погони, поджоги, встречи и расставания, потери и находки, жестокие схватки,— шестилетняя Света Коростелина, оказавшаяся великолепной «актрисой», делает истинно правдивыми, трогательными.

Благодаря чудесной игре девочки, которая во всех сложных ситуациях ведет себя на редкость искренне, фильм, я уверена, получит признание самого широкого зрителя.

Н. ТОЛЧЕНОВА

4

ДЕДУШКА, ЙОЖАНЕК И КИЛИАН

Родители пятилетнего Йожанека уезжали в Лондон, а мальчика оставили в Праге у соседки. Против этой женщины и особенно ее дочки мальчик ничего не имел, но согласитесь, что для мужчины такое общество, да еще надолго...

А в деревне — дедушка, бывалый моряк. Правда, теперь он уж старый и не плавает больше по морям, а живет в маленьком домике на берегу реки. Когда приходит сезон, они ходят ловить угрей, потом ездят с Килианом на рынок. Килиан — это дедушкин осел.

План побега созрел мгновенно! Дедушка, притворно ворча, сочинил телеграмму в Прагу соседке, и жизнь в маленьком домике забила ключом: одинокий старик будто сбросил с плеч десяток лет!..

Неторопливо, в удивительно мягкой и лиричной манере, с большим юмором и теплым вниманием к каждой житейской мелочи, характеризующей героев, ведут свой кинорассказ чешские кинематографисты Иржи Ганибал и Ян Риска; по стройной литературной канве четко ложится режиссерский и актерский рисунок. В уголках предместья Праги, по живописным берегам речки и лесным тропинкам притаилась та сказочная романтика, с которой начинаются все настоящие — и детские и взрослые — мечты.

Пусть не думают родители, посмотрев фильм «Дедушка, Килиан и Йожанек», что все мальчишки убегут из дома! Но мечтать он заставит и взрослых...

Н. СВОБОДИНА

5

«ТАТЬЯНИН ДЕНЬ»

Какой была Лиза Пылаева — одна из тех, кто создавал Социалистический союз рабочей молодежи?

Если бы не новый фильм «Татьянин день», поставленный на студии имени Горького режиссером И. Анненским по сценарию Н. Оттена, трудно было бы ответить на такой вопрос. А сейчас видишь Лизу ожившей в образе Тани Огневой. Это убежденный революционер, великолепный организатор и конспиратор, человек настойчивый и предприимчивый. Она находит выход из любых ситуаций. И всегда личный пример помогает ей увлекать за собой молодежь.

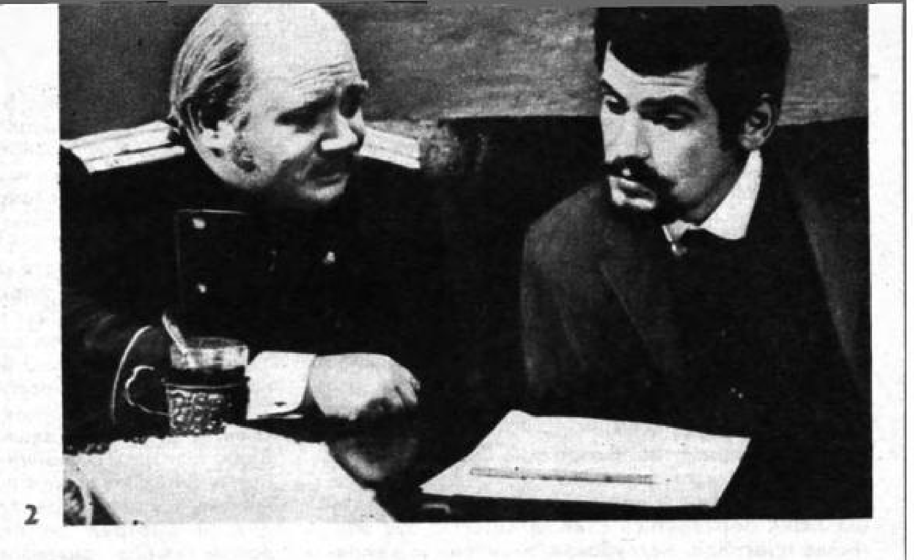
Пестрой была по составу петроградская ячейка революционно настроенной молодежи. Тут и рабочие парни с фабрик и заводов, и подростки-подмастерья, рано приобщившиеся к труду, кухарки и «кухаркины дети», гимназисты и гимназистки и даже анархисты... Первые организационные собрания происходят где-то в парках и скверах, во время прогулок, безобидных с виду. А потом бои...

Много событий происходит в фильме. И все время в центре остается Людмила Максакова, актриса Театра имени Вахтангова, исполняющая роль Татьяны Огневой. Вы видите ее в кадре из кинофильма «Татьянин день».

Г. КОВАЛЕНКО

1

2

3

4

5

В ущелье тишина и первозданный покой. Ни птичьих голосов, ни говора речного переката. Все вокруг погрузилось в дремоту. Такое устоявшееся безмолвие бывает только в горах и только в августе, когда печет полуденное солнце и когда над лесом, над согретыми зноем травами нет ни тучки, ни ветерка.

И вдруг неведомо откуда в ущелье ворвались дробный, частый стук копыт и оглушительно-резкий треск мотора. По ущелью скакал всадник. Конь вытягивал шею, напрягал последние силы. Всадник направо и налево взмахивал плеткой, припадал к гриве, так что бурка черным крылом поднималась над его согнутой спиной.

За всадником на мотоцикле мчался милиционер. Мотор уже настигал коня, колеса, подминая траву и подпрыгивая, вот-вот должны были поравняться с копытами. Но тут возникла преграда: неглубокая, заваленная камнями речка. Приученный ко всякого рода неожиданностям, конь, не замедляя бега, казалось, не перешел, а перелетел речку. Мотоцикл же так резко затормозил, что колеса поползли по траве. Мотор, задыхаясь от усталости, тяжело зачмокал и умолк. Милиционер положил горячую машину на траву, снял фуражку, вытер лившийся по лицу ручьями пот и крикнул:

шеуказанного Кузьму Крючкова на мясокомбинат и сдать там такового под расписку...» Но Кузьма Холмов воспротивился и решение правления не выполнил.

Тогда дело о непокорном табунщике было передано сперва райпрокурору, а затем и в райотдел милиции. Видя, что тучи над ним сгущаются, Кузьма подседлал своего Кузьму Крючкова и ускакал в горы. Неделю скрывался в лесистом ущелье, не показывался в станице. Но и через неделю в райотделе милиции не забыли о преступном беглеце. Укрывшегося в горах табунщика поручили изловить Ивану Холмову — участковому станицы Весленеевской. Иван горячо взялся за дело. Но поймать дядю в горах было не таким простым делом. Вот и стоял Иван на берегу и раздумывал, как же ему изловить преступника. А на него с укоризной смотрел до седла забрызганный водой и тяжело гонявший боками Кузьма Крючков.

Был Кузьма Холмов немолод, но еще крепок. В узком, затянутом в талии бешмете, в просторных в шагу шароварах на очкуре, в надвинутой на лоб кубанке, он выглядел еще молодцевато. Лицо сухое, как у горца, заросло седой, давно не бритой щетиной, усы белесые и пучкастые, как у старого кота.

— Иди ты, Иван, к черту! Вот с ним, с рогатым, и потолкуй!

И Кузьма умело, как это делают горцы, накинул на плечи бурку, носком стоптанных чевик прикоснулся к стремени, и сухое, еще гибкое тело его уже было в седле. Не спеша поправил бурку, так что она до хвоста укрыла спину коня, на затылок сдвинул кубанку и, не оглядываясь, важно, шагом, чуть набок сидя в седле, на манер горцев, поехал по ущелью. Какое-то время в зелени веток покачивалась кубанка и темнели острые плечи бурки. Потом и они исчезли.

* * *

Полночь. Спала Весленеевская, раскинув хаты по берегам Кубани и речки Весленеевки. Ни в одном окне не было огонька. Редкие фонари на столбах, что стояли на площади, светили тускло.

Как вор, ехал Кузьма не по улице, а огородами. Спешился и в поводу, осторожно подвел коня к дому брата Игната. Постоял возле сенец, постучал в дверь рукоятью плети, сказал:

— Братуха! Выдь на минутку!

Табунщик

Семен БАБАЕВСКИЙ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

— Дядь Кузьма! Не убегай! Все одно изловлю!

Держал картуз в руках и с тоской смотрел на стоявшего на том берегу всадника. Всадник убегать и не думал. Он спешился, снял бурку, сбил на жесткие седые брови старенькую с распоротым малиновым верхом кубанку и, помахивая ею, рассмеялся.

«Что за смех? Странный и непонятный старик,— подумал милиционер.— Ему в пору бы плакать, а он смеется. Может, рассмеялся потому, что мотоцикл не смог пройти там, где прошел его конь? А может, развеселило конника то, что гнался за ним не какой-то неизвестный ему милиционер, а родной племянник? Так что же тут смешного?»

Да, точно, они были родственники. Оба Холмовы. Всадник, Кузьма Фомич Холмов, доводился милиционеру, Ивану Холмову, дядей. Вся вина немолодого дяди перед молодым и грозным племянником состояла в том, что Кузьма не вернул колхозу коня по кличке «Кузьма Крючков».

И в районе и в станице знали, что на этом постаревшем, но еще резвом для своих лет коньке Кузьма Холмов прослужил табунщиком пятнадцать лет. Всего же на колхозной коневодческой ферме он проработал более тридцати лет. И вот совсем недавно ферму, как нерентабельную, ликвидировали. Тех коней, какие похуже, отправили на мясокомбинат, а тех, какие получше, маток и двух жеребцов, продали соседнему конезаводу.

На заседании правления колхоза было решено отобрать коня у оказавшегося без дела табунщика. В протоколе были такие слова: «...и предложить табунщику Холмову К. Ф. в трехдневный срок своим ходом отправить вы-

«И зачем ему нужен конь, зачем?» — думал Иван.

— Брось дурака валять, дядя Кузьма! — крикнул он охрипшим голосом.

— На, племянничек! Выкуси! — Кузьма показал племяннику дулю.— Споймал, а? — Он кричал, точно желая заглушить шумливую речку.— Куда там твоим паршивым колесикам до моего тезки!

И весело смеялся.

— Не зубоскальничай, дядя Кузьма! — осипло крикнул Иван.— А то плакать придется! Все одно изловлю! Не таких ловили!

— Руки коротки, племяш!

— Прошу тебя, дядя Кузьма, сдавайся добровольно!

— А черта лысого не хотел?! — И смеялся.— Все одно на своем паршивом моторчике за моим Кузьмой Крючковым тебе не угнаться!

— Не шути! Не радуйся! Живьем возьму и доставлю куда следует! Не я буду Иван Холмов! Прошу тебя, дядя, пойми! Положение твое безвыходное!

— А ты можешь войти в мое положение?

— Верни лошадь колхозу! Вот и все твое положение!

— А как жить без коня?

— Поживешь! Все люди живут без лошадей, и ничего!

Речка текла, торопилась. Шумела тягуче, монотонно, и не было ей никакого дела до того, о чем на ее берегах вели речь дядя и племянник.

— То люди! А то я! — кричал Кузьма.— Эх, ты! А еще называешься племянничком! Зверюга, а не племянник! И в кого такой бессердечный уродился? Все в роду Холмовых люди как люди, один ты бессердечный выродок!

— Прекрати болтовню! Говори: сдаешься?

Игнат услышал стук и знакомый голос. Нехотя поднялся с постели. Загремел засов. Игнат в одних подштанниках показался на пороге.

— Полуночничаешь, Кузьма?

— Прибыл до тебя за советом.

— Один тебе совет был и есть: поезжай к Ивану и сдай ему коня.

— Не могу. Хоть ты, братуха, пойми мое положение. Не могу!

— Не ты не можешь, а гордость твоя супротивляется,— сказал Игнат.— Пожалел бы, Кузьма, моего сына. Ить тебе что? В седло — и айда в горы. А Ивану за твое непокорство перед начальством отвечать.

— Посоветуй, Игнат.

— Совет у меня один: иди к Ивану и сдайся.— И уже с усмешкой: — Выброси белый флаг и подними руки.

— Никогда этому не бывать! — зло ответил Кузьма.— Пусть Иван и не ждет! Не сдамся!

Братья молчали, не зная, о чем же еще им говорить.

— Может, мне к брату Алексею податься? А? — тихо и грустно спросил Кузьма.

— Да ты что? Сдурел, что ли? — удивился Игнат.— И чего ради к нему попрешься?

— Ить у Алексея власть.

— Была власть, да вся уже вышла. Читал его письмо? Живет на берегу моря, как все, пенсионером. И пусть себе живет. Не лезь к Алексею со своим конем, не позорь брата.

— А куда же мне? Может, в район пожаловаться? Есть же в районе начальники и повыше твоего Ивана? Они-то поймут мою беду.

— Какая еще беда? — Игнат усмехнулся.— Глупость засела в твою голову, а не беда!

— Привык же я к седлу. Как жить буду?

— Пришла пора прощаться с привычкой, и надо с этим смириться,— советовал Игнат.— Когда до горя приходится, то и не с таким

Из второй книги романа «Белый свет».

добром расстаются. А ты не можешь разлучиться с этим никудышным конячкой? Кто поверит?

Кузьма Крючков, будто понимая, какое обидное слово сказал о нем Игнат, глубоко и шумно вздохнул и тоскливо посмотрел на Кузьму своими большими, блестевшими в темноте глазами.

— Помру без коня.

— Не дури, Кузьма! Привыкнешь. Да и хватит тебе в седле красоваться, уже немолодой. Наджигитовался за свою жизнь. Погуляй теперь по земле пеша. Как все люди.

— Хорошо тебе, Игнат, ты всю жизнь плотничал, а я на коне табуны стерег,— сказал Кузьма.— Не умею гулять по земле пеша, ноги мои ходить разучились.

— Беда невелика, научишься ходить.— Инат похлопал брата по плечу.— Ну, абрек, заходи в хату. Переночуешь. Завсегда утро вечера мудренее.

— Поеду ночевать до своей Аннушки.

— Ну, как знаешь.

Кузьма легко сел в седло и снова поехал не по улице, а огородами. Свернул к речке Весленеевке, проехал по берегу и только потом уже выехал за станицу. Подбадривал коня каблуками и говорил:

— Чего плетешься, как сонный? Ну-ка дай рысь!

Переходить на рысь Кузьме Крючкову не хотелось. И темно, дороги не видно, и ноги болели в коленях. Но шаг он все-таки ускорил.

— Лодырь, вот кто ты! — бурчал Кузьма.— А то, гляди, отдам тебя на колбасу, будешь знать, как лентяйничать!

Всадник свернул с дороги на жнивье. Надо было как-то в степи устроиться с ночлегом. И у брата Игната и в своем доме ночевать побоялся. Мог Иван неожиданно нагрянуть и арестовать сонного. Лучше всего провести остаток ночи в степи. И привольно и безопасно. Ехал шагом, ехал долго, пока не набрел на высокую скирду соломы. Тут и решил заночевать.

Неподалеку от скирды лежали валки давно уже сваленного и неубранного овса. Кузьма принес оберемок овса и сказал:

— А-ну, тезка, попробуй, хорош ли на вкус овесец!

Тезка охотно попробовал и нашел, что овес свеж и зерно у него налитое. Кузьма Крючков подкрепился, шумно жуя длинные, как метелки, колосья. Кузьма тем временем сделал в скирде дыру и влез в нее. Одну полу бурки подстелил, а другой укрылся. Лежал и смотрел на усеянный звездами горизонт. Смотрел на самую большую звезду и думал о том, что жизнь на земле устроена несправедливо. Почему, к примеру, ему, Кузьме Холмову, человеку немолодому, приходится скрываться и корчиться в этом кубле? «Могут не только коня отобрать, но и самого меня в тюрьму посадить,— думал Кузьма.— А зачем им я и мой старый мерин? Устроили погоню. Ловят, будто какого жулика. И кто ловит? Родной племянник! Вот что обидно».

Никогда еще у Кузьмы не было так тревожно на сердце, как в эту ночь. И все оттого, что много было в жизни несправедливости. Он слышал, с каким старанием у его ног Кузьма Крючков ел овес, как на еще крепких конских зубах похрустывало зерно. Иногда конь переставал жевать, наверно, тоже задумывался. Тяжело вздыхал и снова ел и ел. «Вздыхает, бедолага, ему тоже тяжко, как и мне,— думал Кузьма.— Животина, а все смыслит, все соображает. Знать, есть у него разум. Это еще хорошо, что он ничего не знает о мясокомбинате. Знал бы, то и совсем бы затосковал. Ест себе овесец и, небось, в уме проклинает милицию. И, небось, тоже думает: и зачем нас разлучают? Оба мы, сказать, бездомные. Есть у меня пристанище, но оно не мое, Аннушкино. Мы оба бездетные. Кузьму Крючкова рано выхолостили, а у меня как-то так сложилась жизнь, что своими детьми не обзавелся. Живем оба, как те олухи царя небесного. И, окромя фермы и табуна, у нас ничего не было. Так зачем же нас разлучать? И кому нужен и я и этот старый конек? Да он и на колбасу уже не годится. Одни жилы да мослаки...»

Кузьма прикрыл лицо буркой и захрапел. Тем временем Кузьма Крючков успел подкрепиться овсом и стоял, думая о чем-то своем. Ему тоже захотелось полежать, отдохнуть. Ноги ныли, приморились — сколько ими за день исхожено! Но лечь не мог. Мешало седло. Подпруги Кузьма ослабил, дышать было свободно, а вот ложиться не то что нельзя, а как-то совестно. Разве уважающий себя кавалерийский конь может лечь в седле? Обычно ночью, охраняя табун, Кузьма редко освобождал своего тезку от седла, и тезка к этому привык и не обижался. Понимал, что служба есть служба. Но теперь же табуна рядом не было, можно было бы и освободиться от седла. И Кузьма Крючков не на шутку обиделся. Ведь ему так хотелось, чтобы и спина отдохнула и чтобы можно было полежать на мягкой соломе. И опять, не зная, как высказать обиду, он только тяжело вздохнул и с шумом, как из мехов, выдохнул воздух. Большая его голова опустилась чуть ли не до земли, и он задремал так сладко, что с отвисшей нижней губы потянулась слюна. Ему снилось детство. Он резвился, скакал по поляне, а Кузьма бегал за ним, ловил его и смеялся... Так и проспал до утра стоя, и виделись ему удивительные сны.

Только начинало светать, когда заспанный, зевая и потягиваясь, из своей берлоги вылез Кузьма. Кузьма Крючков все еще дремал. Осовелые после приятных сновидений глаза были чуть прикрыты черными, как замша, веками. Пупырчатая нижняя губа так отвисла, что оголила длинные, некрасивые зубы. Ноги стояли криво. Подагрические колени утолщены, спина провисла, хвост куцый, вылезший на репице. Кузьма посмотрел на своего друга, покачал головой и сказал:

— Стареем, тезка, стареем. Я-то еще ничего, бодрюсь, а ты совсем сдаешь. Когда ты под седлом и когда тебя трогаешь плеткой, то еще ничего, терпимо. Иногда смахиваешь и на строевика, честное слово! А вот поглядишь на тебя со стороны, когда ты стоя спишь,— истинная развалина. И ноги у тебя изогнуты рогачем, и губа так отвисла, что смотреть противно, и весь ты стал какой-то замухрышеский.— Тронул коня плеткой; у Кузьмы Крючкова дрогнули замшевые веки, мелкая дрожь зарябила по коже.— Проснись, бродяга! Эх, ты, старость... И опять не могу понять, кому, окроме меня, нужна такая уродина? Ну и оставили бы нас в покое. Потрудились мы столько годов вместе, а теперь жить бы нам спокойно. Так нет, гоняется Иван на мотоцикле, кричит, дескать, лови вора. А кто вор? Какой же я вор или преступник? — Ласково погладил худые бока коня, из гривы вынул репей, похлопал по холке.— Ну, ничего, не журись, тезка Крючков. Мы сперва побываем с тобой у районного начальства. Не помогут нам в районе, доберемся и до моего братеня. Хороший он человек, Алеша. И начальник большой. Он обязательно нас выручит. Ну, пора в дорогу. Давай, подтяну подпруги. Голову, голову!

По пути в Рощенскую лежало озерцо. Всходило солнце, и озерцо блестело, искрилось, будто его кто подпалил. Горбатая плотина лежала поперек речки, и от нее, по балке, поднялась вода. Берега уже успели зарасти камышом. Люди набросали в озерцо мальков серебряного карпа и голавлей. Пескари и караси расплодились сами по себе. Устоявшаяся вода кишмя кишела рыбой.

* * *

Синее-синее небо. На нем, как на тончайшей бумаге, рисовались зубцы Кавказского хребта. Были они не белые, а изумрудные, точно высеченные из малахита. Эльбрус в своей нарядной папахе был озарен лучами и сиял, искрился так, что смотреть на него было больно.

На этом величественном фоне каким-то печально-одиноким анахронизмом казался всадник в степи. Кузьма торопил коня, показывал ему плетку, поругивал, и Кузьма Крючков, желая угодить другу, старательно топтал копытами жнивье, часто сбиваясь на тряскую иноходь.

В высоком казачьем седле Кузьма сидел несколько боком, как обычно сидят опытнейшие табунщики, когда им надо поглядывать и вперед и назад. Помахивая плеткой, он смотрел на горы, и были они ему родными и дорогими. Ближние были укрыты лесом, будто зеленой буркой, и сверху подернуты слабым туманцем. Мысленно старый табунщик находился там, в ущелье, где прошла его жизнь, жизнь, как он полагал, нелегкая, но и не безрадостная. Было всего понемногу — и горестей и радостей. Состарившись и оказавшись в таком трудном положении, Кузьма и теперь не роптал и не жаловался на свою жизнь. Он был доволен тем, что многие годы растил коней и что видел только горы и ферму, только ущелья, пастбища и табуны.

Думая о пережитом, Кузьма начал в уме подсчитывать, сколько же у него побывало верховых лошадей. Всех припомнить, оказывается, было трудно. Помнит, что первого коня вороной масти подседлал в ту ночь, когда с братьями и отцом уехал в отряд Кочубея. В отряде пришлось сменить раненого коня на резвую кобылицу-трехлетку. Помнит, когда организовали коневодческую ферму, ему дали буланого иноходца по кличке «Оракул». В Отечественную войну под ним в боях погибли три коня: Орлик — в феврале 1943 года при взятии Ростова, Карагач — когда гуляли по тылам врага и Гончий — в боях близ Белой Церкви. А сколько же им было взято из табуна и обучено уже после войны? Поездит, бывало, год, приучит к седлу и передает то в бригаду, то в правление колхоза. Кузьма Крючков был не то пятнадцатым, не то семнадцатым и теперь уже, кажется, последним.

Попустив поводья, Кузьма задумался и от коней перешел к седлам. Сколько их было у него? Разные были: и самодельные и фабричные. Хорошо помнит, как досталось ему вот это, в котором сидел он сейчас. Какое седло! Настоящее казачье, теперь такое редко встретишь. Передняя лука выше задней. Обе они обтянуты красной медью, блестят, как золотые. Подушка кожаная, набита лебяжьим пухом и прошита строчками. Подарил Кузьме это седло командир Первого Кубанского полка полковник Кучмий. Случилось это в феврале 1942 года во время рейда по немецким тылам. Командир взвода разведки Кузьма Холмов разгромил штаб карательного батальона войск СС, а немецкого командира взял живьем. Спеленал веревкой и, перепуганного, чуть живого, привез на коне в штаб своего полка.

Представляя к награде смелых разведчиков, Кучмий на виду у всего полка снял со своего коня седло и передал его Кузьме. Тогда оно было совсем еще новенькое. Стремена поблескивали никелем, позвякивали. Попона была из тончайшего, с вышитыми рисунками зеленого сукна. Подушка вздулась от пуха, как кузнечный мех, готовая принять седока... «Это тебе, Холмов, в награду за храбрость...» Теперь же постарели и седло и разведчик. Потускнел, пообтерся никель на стременах, износилась, пришла в негодность попона. И подушка так потерлась, что пришлось положить на нее латки. Но и таким, поношенным, седло было дорого Кузьме как память.

От седла снова мысли перешли к коню. Собственно, и не к коню, а к его кличке. Знакомые коневоды встречали Кузьму и, услышав, что коня зовут Кузьма Крючков, смеялись и говорили:

— Это еще что за новость, Холмов? Выходит, у Кузьмы и конь Кузьма, да еще и Крючков!

— И чего ради дал ему такую прозвищу?

— Не я давал.

— А кто?

— Так сложилась сама жизненная ситуация этого конька.

Тем коневодам, кто желал слушать, Кузьма рассказывал «жизненную ситуацию». Еще в тот год летом, когда Кузьма вернулся с войны и заступил на свое прежнее место, на ферме ожеребилась кобыла-первестка. Ожереб был трудный. Послали в станицу за опытным ветеринаром. Не подоспел ветеринар, не спасли кобылу — погибла. Куда девать жеребенка? Рыженький, еще мокрый, он лежал на сене и дрожал. Мелко-мелко. Или озяб, или понимал, что остался сиротой. Сжалился Кузьма над жеребенком, взял и выходил. У кобылиц-маток сдаивал молоко и из рожка поил сиротку. Табунщики, мастера на шутки, дали жеребенку имя Кузьмы. Не обиделся, не рассердился табунщик. «Ничего, пусть будет мой тезка, но зато какой славный растет конек!» — думал он.

Позже, когда жеребенок подрос, когда между чуткими ушами у него распушился, закурчавился огоньком парубоцкий чубчик, Кузьма так, ради потехи, пристроил ему на голову свою военную кубанку, а шею повязал синим башлыком. Табунщики, хохоча, в один голос сказали:

— Это же Кузьма Крючков! Вылитый Кузьма Крючков!

— Кузьма Крючков носил картуз!

— Так это наш, кубанский Кузьма Крючков!

— Ему и кубанка и башлык к лицу! Ей-богу!

В книгу записали кличку обычную, без выдумки — «Рыжий», потому что был он огненно-красной масти. Но эта кличка так и осталась только в книге. Ее никто не помнил. Пристала же, приросла к невысокому и статному коньку кличка Кузьма Крючков.

Когда пришла пора отлучить рыжего красавца от привольного житья, Кузьма сам, без помощи табунщиков, приучил к седлу своего резвого и пугливого воспитанника. И приучил сравнительно быстро и без особого труда. Кузьма Крючков, казалось, тогда уже понимал, что без седла и без седока ему не прожить, что седло все же лучше хомута, и смирился. Через месяц он стал отличным, смирным и послушным верховым конем. Через год сделался мерином, разумеется, не по своему желанию. После такого горя у Кузьмы Крючкова появилась в глазах задумчивость, но зато он стал намного сообразительнее, даже научился без Кузьмы охранять лошадей. Увидит отбившегося жеребенка и, не дожидаясь повеления, трусцой бежит к нему, заворачивает в табун, при этом норовит укусить нарушителя. И Кузьма одобрительно относился к инициативе Кузьмы Крючкова, поощрял ее. Хлопал, бывало, по спине, давал, как награду, кусочек хлеба и говорил:

— Молодчина, тезка! Умный, стервец. Все понимаешь, только говорить не умеешь. С такой сообразительностью, как у тебя, смело можно в цирк поступать.

Кузьма Крючков кланялся, позвякивал уздечкой и бил молодым копытом — или благодарил, или соглашался.

Предаваясь воспоминаниям, Кузьма подъехал к районному центру — большой станице Рощинской. Теперь он уже думал о том неизвестном начальнике, к которому ехал с жалобой на племянника Ивана. Ему-то Кузьма и поведает о своем горе, он-то, выслушав жалобу табунщика, скажет:

«Какая еще погоня? Кто дал такое дурацкое указание?»

«Точно не скажу вам, кто дал такой приказ, но Иван служит в милиции, и нет от него мне житья».

«Просто удивительно, как у нас умеют обижать людей. Погоня? И за кем погоня? Вот что, Кузьма Фомич, бери-ка коня, чего там, бери и живи себе свободно...»

Не знал Кузьма, как отыскать этого начальника и как к нему пробраться. Могут не пустить. Тогда что?..

Кузьма потянул повод и повел коня к домику с крылечком. Привязал поводья к перилам и, не снимая бурку, направился в дом.

* * *

В сенцах — трое дверей. Куда идти? Кузьма наугад открыл среднюю дверь, и получилось, что именно ту, какую нужно. Переступил порог, снял кубанку, поклонился красивому молодому человеку, сидевшему за столом. Сбиваясь, говоря нескладно, Кузьма рассказал и кто он, и откуда прибыл, и какая у него жалоба. Поведал и о ферме и о том, как ее ликвидировали и куда отправили лошадей.

— Об одном прошу: не отбирайте у меня Кузьму Крючкова. Извиняюсь, так кличут моего коня. Вот он стоит, виновник моей беды.— Плетью в окно показал.— Поглядите.

Красивый мужчина не стал смотреть в окно. Поднялся и сказал:

— Впервые слышу такую необычную кличку. Кузьма Крючков! Оригинально!

Только после этих слов красивый мужчина вышел из-за стола и обеими руками схватил руку Кузьмы. Сжимал ее, тряс. Можно было подумать, что после длительной разлуки встретил — нет, не друга, а родного и любимого брата! Такое начало Кузьму обнадежило и обрадовало. «А что, хорошо в нашем районе принимают жалобщиков, можно сказать, уважительно принимают,— невольно подумал он.— И начальник с виду хоть и моложавый, но, видать, в житейских делах большой знаток».

Наконец-то красивый мужчина выпустил руку Кузьмы. Усадил в мягкое кресло, сам сел напротив, угостил дорогой папиросой. Но сидеть спокойно не мог. Волновался и ходил по кабинету. «Знать, близко к сердцу принял мои слова, коли так сильно расстроился»,— думал Кузьма.

Красивый же мужчина все ходил и ходил по кабинету. То останавливался у стола, курил и думал, то долго и как-то уж очень внимательно смотрел на Кузьму. Нагулявшись вволю, он повернулся спиной к окну и, все так же пристально глядя на табунщика, повел длинную и умную речь о том, что жизнь на земле устроена удивительно и даже странно; что она быстро и решительно изменяется; что раньше, как рассказывают старики, без коня, бывало, казак и дня прожить не может: родился малец — и уже ему коня определяют, и седло к коню, и шашку, и полное казачье обмундирование. И все знали, что казак без коня не казак, а так, одна насмешка над казаком.

— Верховая езда с детских лет, седло, джигитовка, бурка и башлык за плечами,— говорил красивый мужчина,— вот то, что отличало истинного кубанца от некубанца.

А теперь что? — спросил красивый мужчина, не сводя строгого взгляда с Кузьмы.— Что теперь? Бурка, башлык, кубанка стали музейными экспонатами. А конь под седлом? Кому ныне нужно это копытное животное? Никому! Казаки отвернулись от коней и повернулись к легковым машинам! Не конюшни, а гаражи! Вот где суть вопроса! — Опять решительно зашагал по кабинету.— Коневодческая ферма ликвидирована! И где это происходит? На Кубани! И ничего, живут себе казаки и не тужат. Да и зачем им коневодческая ферма? Только вот один ты, старик, и пожалел о случившемся. И я гляжу на тебя, как на живое чудо, и не могу уразуметь. Ты что? Из тех, из ненормальных? А?

— Да что вы! Я при полном здравии,— сказал Кузьма.

— Хорошо, допустим,— продолжал красивый мужчина.— Допустим, что так. А куда отправили лошадей? Неужели на мясокомбинат? Подумать только! Лошадей отправили на мясокомбинат.

— Так точно! Сам отгонял.

— И такое случилось где? Опять же на Кубани! В старинной линейной станице Весленеевской! Нет, такого Кубань-матушка еще не знала. Конь — и колбаса? Смешно и грустно. И кубанцам, прославленным мастерам верховой езды, видите ли, кажется, что так оно и должно быть. И только один, повторяю, один казак еще привязан к коню. Приехал в район с жалобой. И что он просит? Сущий пустяк! Отдать ему коня! Как это? Не знала баба хлопот, да купила порося... Нашелся же чудак! Как же ты, казак в бурке, не похож на всех прочих людей! Как же отстал, старче, от бурного течения времени! Живешь, как крот, и не видишь, что машины, техника давно обогнали, оставили далеко позади самых резвых скакунов. Честное слово, похоже на то, как восклицал поэт: «Милый, милый, смешной дуралей, ну куда он, куда он гонится? Неужель он не знает, что живых коней победила стальная конница?» Так, а?

— Подсобите, прошу.

— Значит, стоишь на своем и просишь отдать тебе коня?

— Как родного сына, прошу.— Кузьма встал.— Сжалься!

— А зачем тебе конь, дедусь? — Красивый мужчина прошелся от стола к окну и обратно.— Нормально мыслящему человеку понять сие просто невозможно! Ну зачем тебе конь?

— Чтоб ездить. Без коня как же?

— Ездить, дедусь, надобно на машине. Прогресс! Цивилизация!

— Так ведь привычка. Сколько годов при коне и в седле.

— Несовременно, и очень. Подумай сам. Что нужно коню? Во-первых, сено ему нужно? Нужно. Во-вторых, зерно нужно? Нужно.

— Это само собой. И сено и зерно. Как полагается.

— А где взять? Ни сена, ни зерна колхоз не даст. На рынке, как сам знаешь, фураж не продается. А конь не машина, он просит есть и пить даже тогда, когда стоит без дела, и просит каждый день, и утром, и вечером. Подумал об этом?

— Корма добуду. Был бы конь.

— Странный ты человек, дедусь. Самый типичный осколок старого казачества.— Красивый мужчина еще внимательнее посмотрел на Кузьму.— Это же ты не коня просишь, а сам себе хомут на шею натягиваешь. Допустим, станешь частным коневладельцем. Зачем же на старости лет отравлять себе жизнь? Этот твой Кузьма Крючков может заболеть. Где возьмешь ветврача? И конюшня ему нужна. А налоги на тягловую единицу? Эх, дедусь, дедусь...— Красивый мужчина подошел к окну, посмотрел на стоявшего у крыльца коня под седлом.— Это и есть Кузьма Крючков?

— Он самый.

— И хоть бы лошадь-то была видная, а то какая-то замученная кляча.

— Староват, верно, а так в ходу ничего, идет исправно.

— Просто никудышный конек! — Красивый мужчина отвернулся и даже сплюнул.— Не будем, дедусь, романтиками, а будем реалистами. Согласен ли ты, что кубанское казачество, как таковое, свое отжило? В наши дни никаких сословных различий между советскими людьми нету. И они не нужны. Согласись также и с тем, что того, былого казачества тоже нету. Иногда, верно, проблески старого, всякие там кубанки, башлыки, бурки появляются в кино или на спектакле. И то редко. В реальной жизни тех, старинных казаков, какие без коня не могли жить, уже не встретишь. И никто об этом не жалеет. Всему свое время!

— Это-то так, только я насчет коня,— перебил Кузьма.— Оградите от Ивана...

— Так спрашивается: чего ради тебе, дедусь, рядиться в старинную одежонку и гарцевать на коне? — Красивый мужчина говорил и сам слушал свой голос.— Оригинальности ради? Так, а? Все, дескать, живут без коня, а у меня конь? Для чего тебе нужна эта кляча? Решительно не могу понять.

— Отдайте мне коня,— умолял Кузьма.— Вам конь в тягость, а мне в радость. Милостью прошу, сынок, пожалей старика.

— Ладно, пожалею, раз так сильно укоренилось в тебе это казачество.— Красивый мужчина взял телефонную трубку.— Дайте мне Казакова... Казаков? Ты, Иван Иванович? Вот что, Иван Иванович... Посылаю к тебе одного конника, заядлого казака. Нет, конечно, живой, настоящий. Но ежели говорить откровенно, немножко того, не все у него дома. Да, да, и с конем, и при полной казачьей амуниции. Именно, именно Кузьма Крючков! А ты-то откуда знаешь? Необыкновенная кличка! Да и сам конник потешный. Сидит в нем какой-то сильно застаревший казачий дух. И как этот дух мог в нем сохраниться, понять не могу... Ну, так ты слушай, Иван Иванович. Надо пожалеть старика. Видал ли ты этого Кузьму Крючкова? Кляча, а не конь... Надо отдать старику, надо... Ну, будь здоров! — Положил трубку и к Кузьме: — Все в порядке, дедусь! Считай, что ты уже на собственном коне! Иди к Ивану Ивановичу Казакову. Тут недалеко, через площадь. Дом под железной крышей. Широкие двери. Ну, жму руку, дедусь! «Милый, милый, смешной дуралей...» Эх ты, казачина! Жить без коня не можешь! Чудак!

И точно так же, как при встрече, горячо пожал и потрепал руку Кузьмы. Выйдя на крыльцо, наш табунщик облегченно вздохнул. «И этот сам не может решить,— думал он.— Говорил так сладко и так складно, а послал к какому-то Ивану Ивановичу Казакову».

Отвязал поводья и повел через площадь успевшего задремать Кузьму Крючкова. Шел и думал о рассуждениях красивого молодого мужчины. «Не могу понять, почему сам он не мог помочь, почему отправил к какому-то Ивану Ивановичу. И кто он, этот Казаков? Тоже, наверное, будет расспрашивать и рассказывать, а потом пошлет еще к кому-то...»

* * *

Так, задумавшись, Кузьма не спеша пересек площадь и вдруг остановился. На дверях того дома, куда ему надлежало войти, увидел вывеску. На светлом стекле темнели три буквы: РОМ. Вот и загадка! Что собой означало это РОМ? Сердце чуяло, что в этих трех буквах было для Кузьмы что-то неприятное. К тому же он увидел, как из дверей, на которых красовалась эта вывеска, строевым шагом вышли два милиционера. Кузьму они не заметили только потому, что куда-то спешили, и сразу же свернули в переулок. Затем к зданию с вы-

веской «РОМ» на мотоцикле подкатил милиционер, так похожий на Ивана, что у Кузьмы от страха выступила испарина на лбу. Похожий на Ивана милиционер тоже торопился и потому только не увидел Кузьму. У дверей поставил мотоцикл и, придерживая ладонью планшетку, быстрыми шагами прошел в двери. «Не иначе, тут помещается милиция,— со страхом подумал Кузьма.— Вот я и влипну...»

Желая убедиться в достоверности своей догадки, Кузьма остановил прохожего и спросил:

— Добрый человек, а скажи, какая это будет учреждения?

— Не умеешь читать, папаша? Да?

— Умею, а не разберу, что оно такое РОМ.

— Районное отделение милиции! Соображать надо, папаша!

— А скажи, будь ласка, кто будет Казаков Иван Иванович?

— Не знаешь Казакова? Да? Ты что? Собрался побывать у Казакова? Не советую...

И прохожий, как-то странно улыбнувшись табунщику, ушел. Кузьма, недолго думая, в миг очутился в седле. Дернул поводья, ударил коня каблуками, стеганул плетью. С места хотел пуститься вскачь и не смог. Опозорился Кузьма Крючков. У крыльца он так застоялся, что Кузьма, сидя в седле, теперь никакими усилиями не мог придать резвость своему тезке. Оглядываясь по сторонам, Кузьма вынужден был ехать шагом, нарочито насвистывая и делая вид, что и спешить-то ему некуда. И только за станицей, усиленно работая плетью и ногами, все же сумел развеселить Кузьму Крючкова, и тот полетел таким стремительным наметом, что пыль из-под копыт закурчавилась на дороге.

* * *

В Весленеевскую Кузьма въехал под покровом темноты. Мог бы приехать и засветло, но боялся встречи с Иваном. Нарочно до ночи пробыл в лесу. Пас коня, сам полежал под деревом, поспал, отдохнул.

На краю Весленеевской стояла хатенка под сопревшим и почерневшим камышом. Жизнь Кузьма, почитай, прожил, а своей хаты так и не нажил. Это неказистое строение принадлежало Аннушке, его молодой жене. Прожили они вместе много лет. Жили мирно, хорошо жили. Кузьма помогал Аннушке, Аннушка — Кузьме. Вдвоем им жить было легче.

Как всегда, так и на этот раз, Аннушка встретила Кузьму приветливо. Взяла из его рук повод, отвела коня под навес. Сама расседлала — умела это делать не хуже Кузьмы. В ясли положила охапку сена. Вернулась в хату и спросила:

— Что так задержался, Кузя? Кажись, и табуна теперь у тебя нету, а все одно дома не живешь.

— Ездил в район. На племянника жаловался.

— А тебя Иван разыскивал,— сообщила Аннушка.— Три раза прилетал на своем бегунке. Спрашивал, где ты. Ночуешь ли дома.

— И что ответила?

— Говорю, что дома ты вовсе не бываешь.

— Молодец, Аннушка.

Не зажигая свет, Кузьма поведал Аннушке о своей неудачной поездке в район. Обнял жену и сказал:

— Готовь, Анька, сухарики.

— Аль в тюрьму пойдешь?

— До тюрьмы еще далеко,— ответил Кузьма.— Живьем в руки Ивану не дамся. Завтра, Аннушка, поеду к Алексею. Ежели и брат не подсобит, тогда махну в Москву. Попробую пробиться аж до Семена Михайловича Буденного. Тот и коней и конников обожает.

— Далеко-то до Буденного.

— Как-нибудь пробьюсь.

— К брату-то на чем поедешь?

— На коне. На чем же еще ехать?

— Дорога-то дальняя. Где оно, море-то?

— Отыщу. У меня имеется нюх на путя-дороги,— похвалился Кузьма.— Когда, бывало, в разведку ходил, то и не такие укромные места отыскивал. Мой глаз на любую местность сильно наметан.

— Долго-то придется ехать.

— А мне и не к спеху. Найдется что в дорогу, Аннушка?

— Сухари есть. А другого ничего нету. Одними сухарями не проживешь.

— Как-нибудь. Белый свет не без добрых людей.

— Возьми рубашку и шаровары, те, что поновее,— советовала Аннушка.— Бельишко тоже. Приедешь к брату, переоденешься в чистое.

— Ладно. А деньжата найдутся?

— Какие-то рублики есть. Возьми.

— А ты как же, Анюта?

— Перебьюсь. Только у брата, Кузя, не засиживайся.

— Чего мне там сидеть. Пожалуюсь и сразу возвернусь. Ежели станет приезжать Иван, начнет дознаваться, так ты скажи, что я в горах и до тебя ни разу не приезжал.

В хатенке Кузьма пробыл до рассвета. Из-за горы только-только начинали пробиваться всполохи зари, а наш всадник уже покидал станицу. Голова у него была повязана башлыком. Высокая остроплечая бурка укрывала конскую спину до самого хвоста. По улице ехал шагом, чтобы не будить станичных собак. Выехал в степь и зарысил по дороге на Майкоп и дальше к морю.

* * *

Кузьма побывал у брата Алексея и домой вернулся через две недели. Вскоре же в Весленеевскую приехал и Алексей, подкатив на «Волге» ко двору брата Игната.

Все были рады приезду Алексея. Ради такого случая был приготовлен обед и в дом Игната приглашены Кузьма и Иван.

— Посидим за столом по-семейному,— сказал Игнат.— Надо нам Кузьму и Ивана окончательно помирить.

Кузьма явился со своей Аннушкой.

— Алексей Фомич, мне даже не верится, что мой Кузьма на коне доехал аж до моря,— сказала Аннушка.— Он рассказывал, как гостил у вас, а я не верила. Далеко же! А его тут милиция разыскивала.

— Теперь уже не разыскивает,— гордо заявил Кузьма.— Позавчера меня вызвали в район и пожаловали мне коня на вечное использование. После этого и племяш Иван смягчился, стал таким вежливым.— И к Алексею: — Спасибо, братуха. Теперь мы с Кузьмой Крючковым заживем!

Обнаружены странные существа. Они живут в горячих гейзерах, но неплохо чувствуют себя и в ледниках. Их нашли в снегах Антарктиды и в песках пустынь. Врагов своих они убивают, стреляя ядовитой жидкостью, и затем съедают. Впрочем, в пищу им идут и... солнечные лучи. Ученые обескуражены: кто они — животные или растения?

Наш корреспондент Александр Харьковский встретился со старейшим советским ученым **В. Н. Шапошниковым**, исследующим в своей лаборатории эти загадочные существа, и попросил его рассказать о своих последних работах.

Академик В. Н. Шапошников — заведующий кафедрой МГУ, патриарх советской микробиологии. По образованию он ботаник, начинал свою деятельность под руководством К. А. Тимирязева. В двадцатые годы, увлекшись синтезом веществ, необходимых для лечения рахита, вступил в мир микробиологии.

Академик В. Н. ШАПОШНИКОВ

- **ДРАМА НА СТЕКЛЯННОЙ ПЛАНЕТЕ**
- **КЕНТАВРЫ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА**
- **ОНИ ВЫЖИЛИ ПОСЛЕ ВЗРЫВА ВОДОРОДНОЙ БОМБЫ**
- **РАСТЕНИЕ ИЛИ ЖИВОТНОЕ?**

СИНИЕ АТАКУЮТ ЗЕМЛЮ

Жаль, что с научного фронта не шлют военных донесений.

Наша планета — большой космический корабль. Он мчится сквозь бездны вселенной, и на ее поверхности под материнским крылом атмосферы вершится жизнь. Мы живем, окруженные миром невидимок — микроорганизмов. Этот мир известен нам намного хуже, чем мир видимых растений и животных. Из каждых десяти видов живущих на планете микроорганизмов наукой определен и изучен только один. Это нетрудно объяснить: микробиология родилась из потребностей практики, поэтому, например, мы неплохо знаем болезнетворные бактерии. Ну, а если микроб никак не проявляет себя, то полагают, что заниматься им не стоит. Так ли это?

Я расскажу вам сейчас одну прелюбопытнейшую историю, которая, по существу, и будет ответом на вопрос о последних моих работах.

В прошлом веке произошло сильное извержение вулкана Кракатау — из грязи и пепла недалеко от Явы родился островок. Через три года ученые приблизились к нему и весьма удивились: он был не серо-черного, а какого-то сине-зеленого цвета. Жизнь на земле, где нет почвы, но это невозможно! И все-таки на острове поселились удивительные существа СЗВ — сине-зеленые водоросли. Однако они не стали предметом пристального исследования. Ведь эти водоросли еще никак себя не проявляли: «экзотика», «слишком далеко от практики», решили некоторые.

Вскоре СЗВ были обнаружены в раскаленных, безводных пустынях. Значит, они любят тепло и могут жить без воды. «Любят» — не то слово, водоросли были найдены в горячих ручьях вблизи гейзеров. Но как понять, что они поселились в расселинах льдин, захватили огромные площади в Антарктиде? Тогда вопрос поставили иначе: а в каких условиях эти существа жить не могут?

Их обнаружили на дне самого соленого в мире Мертвого моря. СЗВ заселили океан вблизи острова, воды которого американцы отравили при испытании атомного оружия. И, наконец, эти водоросли попали в такие условия, в сравнении с которыми библейский ад — дом отдыха: они оказались на тихоокеанском острове во время взрыва американской водородной бомбы. И, единственные из всех его обитателей, эти удивительные существа продолжали жить!

К середине 50-х годов СЗВ уже не были жителями только далеких, экзотических мест. Их находили в слоях древней нефти, на дне Каспия, просто в водоемах, загрязненных промышленными стоками. Наконец, лет десять назад они появились в реках и прудах под Москвой. Стала погибать осетровая молодь, засорялись фильтры, были отмечены случаи падежа скота и болезней среди людей: вода, где цвела эта водоросль, оказалась вредной.

Теперь микробиологам пришлось срочно изучать СЗВ. Это не было экзотикой, стало «близко к практике». И здесь сказалась условность тех границ, которыми мы поделили природу. Ученые никак не могли решить, куда отнести эти существа — к растениям или животным.

— Разумеется, это—животное,— говорили одни.— Где вы видели растение, которое передвигается, стреляет ядовитой жидкостью и затем переваривает свою добычу?

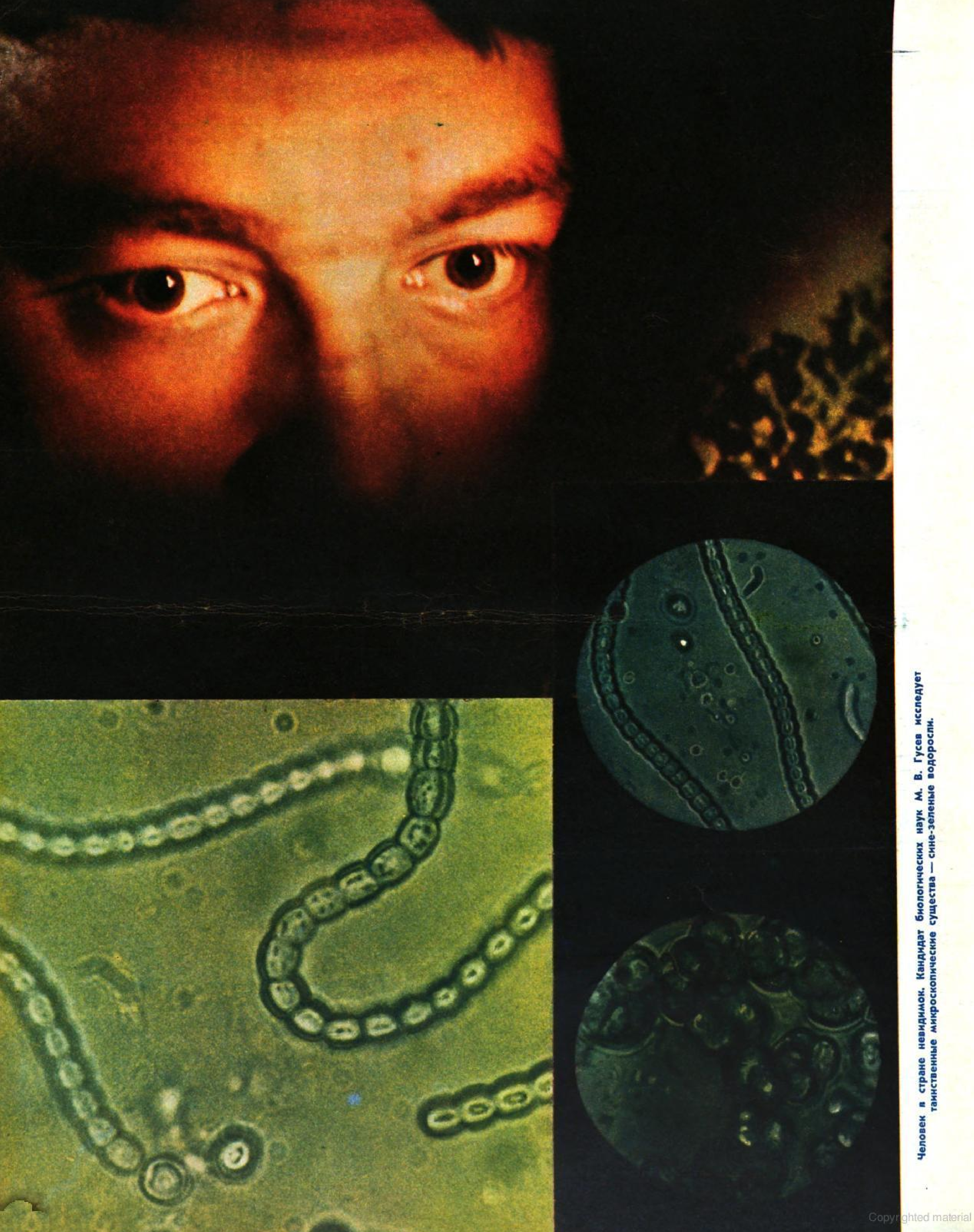
— Зеленое животное, усваивающее энергию солнечных лучей? Нет, нет, СЗВ, безусловно, растения. К тому же они могут связывать атмосферный азот, а на это способны только некоторые растения, например, азотобактер.

Становилось ясно: перед нами новое явление, к которому не подходят привычные понятия. Появилось сомнение, состоят ли СЗВ, как большинство живых существ, из клеток. Известный английский биолог высказал мнение, что их протопласт находится в доклеточном состоянии, среднем между вирусами и обычными клетками.

Одни СЗВ любили кислоту, другие предпочитали щелочь, третьи — и то и другое. Нашлись сине-зеленые водоросли, которые

Здесь, на стеклянной планете, созданной в лаборатории, начинается великая цепь жизни.

Фото Г. Копосова.

Человек в стране невидимок. Кандидат биологических наук М. В. Гусев исследует таинственные микроскопические существа — сине-зеленые водоросли.

приспособились к жизни в темноте (правда, там они стали бесцветными). К тому же СЗВ как-то странно передвигались: то ли цепь клеток извивалась наподобие червя, то ли они отбрасывали слизь, как медузы воду. Но самое удивительное — это их способность к фотосинтезу и одновременно к связыванию атмосферного азота. Этим они отличались и от животных и от растений.

Каждый живой представитель Земли занимает определенное место на «биохимической лестнице». Как ни печально, но все животные, а значит, и человек находятся на самой низшей ее ступени: чтобы существовать, они питаются растениями (даже хищники делают это, поедая травоядных). Зеленые растения более независимы: осуществляя фотосинтез, они получают энергию прямо от солнца. Но даже они не в состоянии черпать нужный им азот прямо из воздуха. Только клубеньковые бактерии и азотобактер переводят его в питательное вещество для растений, но они сами, в свою очередь, используют энергию, которую скопили зеленые листья. А СЗВ ни от кого не зависят — ни от растений, ни от животных. Эти водоросли — последняя, самая высшая ступень биохимической лестницы.

В древнегреческих мифах есть сказочное существо кентавр — полуконь-получеловек. Здесь перед учеными оказался тоже своеобразный кентавр. Но было неясно, для каких целей понадобился он природе.

Определить, какую роль играет тот или иной микроорганизм в сложившемся биоценозе,— чрезвычайно трудная задача. И не только потому, что невидимок много и их сложно опознать: жизнь в разных районах так взаимосвязана, что, взявшись за одно звено, ученый вынужден распутывать бесконечную цепь. Но, словно облегчая задачу микробиологов, природа создала заповедники — места, почти наглухо отделенные от остального мира. Например, Восточный Памир, где сплошные преграды из гор достигают 5½ километров; даже ветру туда проникнуть непросто. Туда и отправились биологи.

Экспедиция новосибирского ученого профессора В. О. Таусона взбиралась по узким тропам Памира. Не сходя с низкорослой лошади, ученый рассматривал в лупу растения на утесах. Но мысли его были далеко, там, где на границе тающих снегов находились самые высокогорные организмы — авангард жизни. Как они могут там существовать? «Получается,— записывает Таусон,— как бы заколдованный круг. Для образования органического вещества нужен уже связанный азот, а связывание атмосферного азота требует наличия готового органического вещества. Органического вещества зеленые растения могли бы построить сколько угодно, но у них нет необходимого для этого связанного азота. Связать же атмосферный азот легко мог бы азотобактер, но для этого ему нужно готовое органическое вещество».

Но, может быть, в авангарде находится содружество, симбиоз водоросли с азотобактером? Однако и эту догадку пришлось отбросить: эти два существа не приспособлены к совместной жизни, даже вместе они могут умереть с голоду.

Исследования показали, что первопроходцами безжизненных скал являются наши «кентавры»— сине-зеленые водоросли. «На высоте примерно 2 800 метров над уровнем моря,— записывает Таусон,— я обратил внимание на то, что на некоторых серых гранитных скалах находятся какие-то черные пятна, подтеки... Как будто скалы сверху были облиты черной краской... На Восточном Памире на высоте 5 500 метров, у самой линии снегов на дне ледникового ручья почти все камни... были покрыты этими черными пятнами».

И ученый делает вывод: «Сине-зеленые водоросли...— пионеры органической жизни на бесплодных скалах. Это они подготовляют почву для микробов — разрушителей горных пород... Пройдут века, и мрачные безжизненные некогда утесы превратятся в горы, покрытые пышной и цветущей растительностью. Все течет, все изменяется!»

Однако, как видно, роль СЗВ не всегда столь благородна, как при освоении скал. Естественно возник вопрос: а как сосуществуют эти водоросли с другими представителями животного и растительного мира, но в масштабе всего земного шара? Ведь все растения и животные в биохимическом отношении узкие специалисты, СЗВ же чуть ли не единственные на Земле универсалы. Вопрос мы сформулировали так: а вечен ли кругооборот жизни на нашей планете? И чтобы ответить на него, в нашей лаборатории в МГУ поставили такой красивый опыт: создали модель нашей планеты. На испытательном стенде стеклянные модели Земли: двенадцать герметичных колб, освещенных искусственным солнцем. Внутри — ил, вода, воздух. Обитатели прозрачных планет стоят на разных ступенях биохимической лестницы: животные — микробы, дафнии, черви и водяной жук, личинки и яйца водных организмов; растения — зеленые водоросли и бактерии и наши «кентавры»—СЗВ. В каждой колбе своя комбинация питательных веществ. Опыт этот был рассчитан на много лет.

Казалось бы, такие системы должны функционировать почти вечно. Но вот первым умирает организм, дышащий воздухом,— жук, потом погибли подводные хищники. СЗВ закрыли поверхность ила, придушив данные организмы, затем расселись по стеклянным «небесам», лишив остальных обитателей света. И вот через шесть лет СЗВ полностью воцарились на стеклянных «планетах», сохранив жизнь лишь некоторым микроорганизмам.

Эксперимент наводил на грустные мысли: СЗВ становились реальной опасностью. Разумеется, любая модель беднее оригинала, и мы не опасались, что СЗВ когда-то в будущем остановят кругооборот жизни на всей планете. Они могли бы представлять опасность где-нибудь на долговременном обитаемом спутнике, но на Земле человек всемогущ... Однако эти оптимистические прогнозы омрачались реальностью: СЗВ были в прудах под Москвой, а мы не знали, как с ними бороться. Стоит ли говорить, что никакой химией вывести их не удавалось. Оставался единственный эффективный путь — найти биологические средства.

У каждого вида растений или животных есть как друзья, так и враги. Чтобы найти их, обращаются к родословной вида, то есть к предшествовавшему ему процессу эволюции. СЗВ были обнаружены в самых древних, докембрийских отложениях — глубже следов жизни найти не удалось,— однако за все минувшие эпохи сине-зеленые водоросли совершенно не изменились. Но такие сложные организмы не могли родиться совершенными, как Афина из головы Зевса! Им должна была предшествовать длительная эволюция.

Когда в науке возникают очень трудные задачи, появляются охотники перенести их решение в «мир иной». Так возникло предположение, что СЗВ родились где-то на другой планете. А споры их — не случайно же они не боятся самых жестких условий — были както занесены на Землю.

— Посмотрите,— говорили сторонники этой гипотезы,— на нашей планете существует единое древо жизни: биохимическая эволюция живого шла так, что ветви жизни как бы расходятся от одного, общего ствола. Если же признать, что СЗВ имеют земное происхождение, то будет нарушено биохимическое единство — слишком непохожи эти водоросли на остальных землян. Значит, у древа жизни окажется два ствола.

В этой драматической ситуации важно было не потерять верный курс исследований. Большинство ученых продолжали упорно искать родственников СЗВ не в космосе, а на нашей планете. И поиски увенчались успехом: нашлись и их прародители — азотофиксирующие зеленые растения и даже братья — серные бактерии. А раз так, удалось отыскать и врагов — одноклеточные организмы нодулярии; стало возможным приступать к очистке водоемов. Но это дело не простое — нодулярии чувствительны к ядовитым веществам, чего нельзя сказать о СЗВ.

Изучение сине-зеленых водорослей позволило по-новому взглянуть на происхождение жизни.

Вы не задумывались, почему из миллионов видов растений только несколько связывают атмосферный азот? И откуда на Земле анаэробы — растения, которые могут существовать без кислорода? Опять предположение: быть может, они попали к нам с другой планеты? Нет, у них много общего с обычными, земными растениями. Но тогда, быть может, атмосфера Земли изменилась и странные существа — последние из могикан далекой бескислородной эпохи? Да, науки о Земле подтверждают: когда-то, много миллионов лет назад, кислорода в атмосфере еще не было, а примитивные живые существа уже на ней копошились. И вот из их среды в результате эволюции появились «кентавры», которые питались азотом, но не боялись кислорода. Это были сине-зеленые водоросли. Они стали как бы мостом между кислородной и бескислородной эпохами.

В этих шариках и жгутиках жила первобытная жажда жизни. Выделяя кислород, они убивали древних анаэробов и по их трупам распространялись, занимая огромные территории. Перед всем живым на Земле встала проблема: уступить место синим завоевателям или найти средство против их оружия — кислорода. В результате естественного отбора выделились живые существа, способные нейтрализовать этот газ, получая за счет окисления энергию. Жизнь поднялась на новую ступень: появились дышащие животные, из их среды вышел человек. Его уже окружала атмосфера, обильная кислородом: его выделили из воды синие волшебники. Преобразовав мир, сами они отступили в «экологические ниши» — самые суровые места планеты, где другим жить не под силу.

Там бы и жить им, оставаясь известными лишь ученым. Но как только последние десятилетия химия и радиация ослабили жизнь в некоторых водоемах, по следам смерти двинулись синие завоеватели.

Но не будем спешить объявлять их врагами, ведь люди сами виноваты, что эти существа вышли из укрытий. Изучая СЗВ, мы убеждаемся, что они могут стать добрыми друзьями и нужно только научиться с ними правильно обращаться.

Своим плодородием поля во многом обязаны маленькому азотобактеру, вносящему в почву атмосферный азот. Но под водой он жить не может. А рис не может расти без слоя воды. Где же выход? И здесь на помощь пришли сине-зеленые «кентавры»: они связывают азот даже на затопленных полях. Урожай повышается на 25 процентов. Недавно появился даже новый термин — «алгализация почвы», то есть внесение в нее азотных водорослей. Доказано, что бактериологическое удобрение, составленное из азотобактерина и сине-зеленых, очень эффективно.

Однако синие водоросли позволяют получать пищевые вещества не только на полях, но и прямо на стендах. За 20 часов удается получить почти килограмм белковой массы с квадратного метра ванны, а это значит — десять тонн с гектара. Вот почему в Японии приступили к массовому культивированию СЗВ.

Недавно советские ученые получили пластичный и урожайный штамм сине-зеленой водоросли. Что значит пластичный? Обычное растение отвечает на недостаток тепла и света понижением урожая. СЗВ сами приспосабливаются к окружающей среде. Как только освещенность уменьшается, в клетках водоросли увеличивается содержание пигмента, так что световой энергии они усваивают столько же. Освещали их лучами различного цвета, но и здесь они приспособились — ответили «хроматической адаптацией». Обычные растения усваивают около процента солнечной энергии. Тимирязев говорил, что человеку предстоит либо усовершенствовать в этом отношении растение, либо изобрести взамен искусственный прибор. Однако сине-зеленые водоросли утилизируют при фотосинтезе энергии вдвое больше.

Многое, очень многое умеют эти удивительные существа, которые мы чуть не объявили безнадежными врагами человечества. Они регенерируют углекислоту, окисляют сероводород, разлагают органические кислоты. К тому же они не боятся радиации. Не правда ли, великолепные кандидаты для космических полетов?

Вот какие удивительные открытия можно сделать в невидимом мире микроорганизмов.

К XIV СЪЕЗДУ ПРОФСОЮЗОВ СССР

ОБЩЕЕ МНЕНИЕ

З. ХИРЕН

Фото М. САВИНА.

Так складывается общее мнение — идет обсуждение колдоговора.

Профгрупорг А. П. Яковлева среди ткачих.

Шелк для бальных платьев рождается в гуле, чем-то напоминающем грохот транссибирского экспресса. Впрочем, тут же на ткацком производстве Московского шелкового комбината имени Я. М. Свердлова нас предупредили, что шум этот — явление ненормальное и принимаются меры к тому, чтоб в дальнейшем работа протекала в тишине. Шумно пусть будет на школьных балах, на свадьбах, на вечеринках, куда девушки придут в платьях, сшитых из материй, изготовляемых здесь, на Юго-Западе столицы.

Шелк... Одни названия его говорят нашим модницам о многом: «Космос», «Кружевница», «Звучная», «Невеста» и, наконец, «Черемушки» — в честь Черемушек, где раскинулось ультрасовременное здание ткацкого производства — стекло, бетон, алюминий, цветы, кондиционированный воздух, поточные линии, автоматика.

Меня привела сюда книга американского писателя Чарльза Аллена «Путешествие в советские профсоюзы». Да, именно профсоюзы были главной темой Чарльза Аллена во время его одиссеи, продолжавшейся более семи недель. Он вел строгий счет тем, с кем встречался. Их оказалось 860. И среди них эти вот работницы, которых сейчас, в февральское завьюженное утро, слушаем мы в Черемушках.

Тут хорошо запомнили плотного мужчину, который то и дело подносил к лицу своих собеседников и собеседниц крошечный микрофон. Многое было тогда непонятно ткачихам. Гость задавал вопросы, вызывавшие порой не только улыбки, но и громкий смех. Так, например, он долго добивался ответа на вопрос: «Вызывают ли при поступлении на работу в партийную организацию, чтобы проверить благонадежность будущей работницы?» Когда ему ответили, что большинство работниц пришли на комбинат по объявлениям, прочитанным в газетах или на афишных досках с заголовком «Требуются...», американец любезно улыбнулся, но чувствовалось, что он не вполне убежден в точности ответов. Но еще больше, чем гость, недоумевали хозяева: какие смешные вопросы задает! Лишь только теперь, когда вышла книга «Путешествие в советские профсоюзы», работницы шелкового комбината поняли, откуда эта, мягко выражаясь, наивность вопросов американца. Они узнали, как там, за океаном, снаряжали в СССР Чарльза Аллена.

Корреспондент Ассошиэйтед Пресс убеждал автора будущей книги, что «они (советские рабочие.— З. Х.) лишены каких бы то ни было средств для решения вопросов, связанных с продолжительностью рабочего дня или с условиями труда». Известный политический обозреватель твердил ему: «Это скучная и хмурая страна, где люди влачат унылое, однообразное существование. Профсоюзы! Куда там! Русские не знают даже значения этого слова!» «У русских нет профсоюзов в нашем понимании... Да ты и сам знаешь, что таково общее мнение!..» — твердили другие. Эти строки взяты нами из книги Чарльза Аллена.

...Общее мнение... Обеденный перерыв подходил к концу. Мы успели переговорить о многом с ткачихами. Говорили о детях, о заселении только что выстроенного фабричного жилого дома, о путевках в зимние дома отдыха. Перед нами возникла довольно отчетливая картина того, куда идут профсоюзные взносы, как расходуются они. За год они составляют здесь около 32 тысяч рублей. К ним следует добавить 15 431 рубль — директорского фонда. И вот, сложив все эти деньги, узнаешь, на какие средства строятся и содержатся детские сады, пионерские лагеря, ясли, каким путем обеспечиваются люди комбината путевками в дома отдыха, санатории, туристические базы.

— Но запросы растут и растут. С этим нельзя не считаться, и мы вот, цеховые профсоюзные активисты, заняты тем, чтоб не оставить человека необласканным, чтобы не упустить чьей-то беды. Да, всего этого в уставах профсоюзных не прочитаешь, но в этом, если хотите, суть нашей профсоюзной жизни...

Это все сообщает нам смуглая молодая женщина — Антонина Петровна Яковлева. Она ткачиха, профгрупорг. Нет, ошибаются те, кто думает, что все ее обязанности кончаются сбором членских взносов. К Антонине Петровне приходят советоваться по всем, абсолютно по всем, иногда и самым интимнейшим вопросам. Да и она советуется со своими избирательницами. Живут дружно, одной семьей. Вместе ходят в театр, вместе проводят выходные дни, летом идут по грибы...

Бывает и так: попадется молодая работница, которой не все сразу дается на этом сложном производстве. Антонина Петровна без помощи не оставит.

Глядя на Яковлеву, на ее подруг, слушая их веселые, задорные голоса, мы не могли не вспомнить еще раз «советы» известного американского политического обозревателя, который напутствовал Аллена: «Это скучная и хмурая страна, где люди влачат унылое, однообразное существование».

В разговор вступила Таня Демченко, председатель цехового комитета ткацкого производства.

— Я так думаю,— начала она,— что американец этот устроил хорошую головомойку некоторым своим землякам, когда вернулся к себе в Америку. Ведь он не просто старался вникнуть во все детали нашей профсоюзной жизни, а пристально ко многому пригляделся. «Детали» же эти таковы, что нет у нас на шелковом комбинате ни одной области производства и быта, на которые бы не распространялось влияние профсоюза. Идет ли речь о производительности труда, качестве продукции или об образовании молодых людей, о воспитании их ребятишек,— всюду вы столкнетесь с нашими людьми, с людьми из нашего цехового профсоюзного комитета, фабричного комитета. Предприятие у нас женское, и потому профсоюз у нас особенно много печется о детях, матерях...

Знакомясь с жизнью ткачих, мы попали в мир их детей. Детский сад фабрики! Не будет никакого преувеличения, если мы скажем, что это большой дворец. Мы пришли не вовремя: дети вернулись с прогулки и, развесив свои одежонки, крепко спали. Заведующая детским садом Ирина Александровна Эрденель с большой охотой показала нам просторные владения детей шелкового комбината. Длинные коридоры, громадные, светлые залы, и всюду все приспособлено для малышей: мебель, картины, игрушки.

— К слову сказать,— усмехнулась Ирина Александровна,— вы находитесь в учреждении, которое содержится в какой-то степени за счет профсоюзных взносов.

Так-то оно так, но на следующий день довелось нам присутствовать на одном большом фабричном профсоюзном собрании. И там предцехкома красильного цеха Лидия Семеновна Чилеева, воздав должное этому детскому дворцу, довольно решительно говорила, что не все еще там ладно:

— Мы ведь народ требовательный. Хочется, чтобы лучше было...

О собрании следует сказать подробнее. Оно было посвящено обсуждению коллективного договора. Здесь-то мы и увидели, какая это сила — профсоюзные активисты!

Обсуждался коллективный договор. Следовательно, речь шла о всем многообразии жизни комбината. Многого достигли тут в улучшении быта, условий труда. С гордостью говорили о новых жилых домах, отремонтированном клубе, успешной учебе людей комбината в институтах и техникумах без отрыва от производства. Сразу же после доклада директора фабрики Х. Х. Дзуцева начались прения. Говорили о хорошем, но не обходили и острых углов. Выступления на редкость деловые.

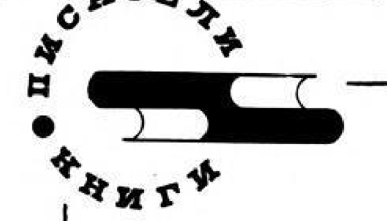
Говорили о тесноте в раздевалке, о недостатке запасных частей для некоторых механизмов, об отсутствии мужского душа.

Главный инженер комбината Л. Н. Степанова и ее заместитель Э. А. Войтехова с печалью выслушивали справедливые нарекания профсоюзных активистов касательно оборудования. Собрание проходило бурно, то и дело можно было видеть, как соседи о чем-то перешептываются, потом один из них поднимает руку, просит слова.

Ни один пункт коллективного договора не был обойден ораторами. Дельные поправки тут же принимались, а в заключение было внесено предложение отпечатать колдоговор отдельной книжечкой и выдать каждому рабочему на руки.

Да, собрание оказалось не из простых и не из легких, но какой же это был великолепный ответ тем заморским нашим недоброжелателям, которые все еще лезут из кожи вон, навязывая своим же землякам предвзятое мнение. Мы воочию убедились на этом собрании, какое огромное влияние профсоюз оказывает на жизнь предприятия, на жизнь рабочих, инженеров, служащих.

Директор едва успевал отвечать на вопросы. Вопросы самого разнообразного свойства. И касались они не только производства. Скажем, летом администрация снаряжала специальные машины в лес с грибниками. А сейчас, особенно в связи с двумя выходными днями, ощущается острая необходимость в лыжных вылазках, в туристических походах, в туристической базе. Всего этого нет. Требуются срочные меры. Люди говорили без предвзятости, говорили о том, что их волнует, беспокоит. Ведь комбинат — это и дом, и семья, и друзья, и товарищи, и дети. Здесь рождается общее мнение. Да, общее мнение, но не то, о котором твердили Аллену в США, а истинное общее мнение, родившееся в результате раздумий, деловых споров в трудовом коллективе.

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

...Дни, вы бег свой умерьте!
Воин, бодрствуй — не спи!
Прячет сердце от смерти,
Бернотенас в степи...

Этот эпиграф из стихотворения Межелайтиса предпослан очерку Й. Довидайтиса, который опубликован в книге «Во имя Родины».

Литовец Вацловас Бернотенас — один из многих, которые в Великую Отечественную войну самоотверженно, не жалея жизни своей, бились с врагами-фашистами.

...Солдаты Бернотенаса ведут бой за «высоту смерти», неравный, жестокий бой. Раненный в ноги и голову, разведчик Вацловас не покинул поля боя. Когда гитлеровцы ворвались в окопы, он отослал единственного оставшегося в живых солдата с докладом командованию. А сам остался один на один с врагами... Весной 1944 года Вацловасу Бернотенасу в Кремле вручили «Золотую Звезду» и орден Ленина. Он вернулся в свой полк.

В годы войны в одном строю бились с врагами русский Александр Покрышкин и украинец Иван Кожедуб, азербайджанец Ахмедия Джебраилов и литовец Вацловас Бернотенас, белорус Минай Шмырев и эвенк Семен Номоконов. Вот об этих верных сынах и дочерях Страны Советов идет рассказ в новом сборнике «Во имя Родины».

Предисловие к нему написал Маршал Советского Союза А. Гречко. Книга открывается очерком Ю. Жукова «Летчик номер один». Взволнованно рассказал очеркист о трижды Герое Советского Союза А. Покрышкине. О другом замечательном летчике, тоже трижды Герое Советского Союза, об Иване Кожедубе, пишет Н. Денисов.

...Триста шестьдесят фашистов сразил за годы войны снайпер Семен Номоконов, бывший эвенкийский охотник. Война бросала Номоконова на разные фронты. О подвигах снайпера Лебедев-Кумач сложил стихи, которые знали на всех фронтах.

В День Победы Семен Данилович Номоконов впервые позволил себе истребить боевой патрон не по прямому назначению. Он обратил дуло своей снайперской винтовки № 2753 к небу и выстрелил — это был его салют в честь Победы.

Очерк о Семене Даниловиче Номоконове — «Трубка снайпера» — написал Е. Воробьев.

«Идут годы,— пишет в предисловии Маршал Советского Союза А. Гречко.— Но герои не умирают в памяти народной... Пусть же славится в веках бессмертный подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, пусть вдохновляет он нынешнее и будущие поколения на самоотверженное служение делу коммунизма».

Т. НИКОЛАЕВА

«Во имя Родины». Издательство политической литературы, 1968.

КНИГА О ПОПУЛЯРНОМ ПИСАТЕЛЕ

В трудное время обороны Москвы попала мне в руки зачитанная, потрепанная книга, изданная в Иркутске. Это был роман Георгия Маркова «Строговы». Стал листать я ее и сразу понял: это интересно! Спрятал книгу за пазуху и при первой возможности «проглотил» ее залпом.

Имя автора ничего мне не говорило. Явно это был новый писатель. А изображал он жизнь далекую, давнюю, дореволюционную. Но действующие лица — сильные, смелые люди, сибиряки — просились в нашу тревожную современность. Книга запомнилась.

И когда в сорок шестом появилась вторая ее часть, роман сразу же был поддержан литературной критикой и вскоре после того удостоен Государственной премии.

Лет через восемь или девять в Иркутске вышел второй роман Георгия Маркова — «Соль земли» (первая книга). В 1960 году он вышел полностью в издательстве «Молодая гвардия». Спустя еще три года появился роман «Отец и сын», а еще раньше мне довелось прочесть небольшую повесть «Солдат пехоты» и сборник рассказов. Я интересовался в библиотеках, как читаются книги этого автора. И получал ответ: они всегда «на руках».

Даровитый, популярный писатель.

И вот появилась первая книга о нем — совсем небольшая, около ста страничек малого формата. Автор — литературный критик Николай Еселев — поставил перед собой скромную задачу: рассказать читателю о писателе и его основных произведениях.

Скажу сразу: эту задачу он выполнил.

Книжка дает читателю представление и о среде, в которой рос и мужал будущий писатель,— об отважных, предприимчивых охотниках-сибиряках, и о первых селькоровских заметках Г. Маркова в местной газете, и о том, как постепенно накапливались у охотника и журналиста живые впечатления, наблюдения, факты для будущих романов, как складывались и исподволь оформлялись их замыслы.

А для тех читателей, которые пока незнакомы с творчеством Георгия Маркова, критик в общих чертах анализирует его романы, обращает внимание на наиболее яркие, самобытные образы, на суровую красоту многоцветных пейзажей Сибири, на дух революционной романтики, которым пронизаны все романы Маркова.

Михаил ШКЕРИН

Н. Еселев. Георгий Марков. Издательство «Советская Россия», 1967.

АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ

Основная тема новой книги А. Коваленкова начинает развиваться с первого же рассказа, причем автор приступает к ней нарочито демонстративно, заявляя следующее: «Есть кое-что пострашней, чем смерть, а объяснить это можно, начиная игру в прятки с детской радостью, доверчивостью, с тем, что должно быть не в темноте, а на солнце. Сказать проще? А вы заинтересуйтесь, о чем идет речь».

Речь идет, если сказать проще, о людях добрых и злых, и нечасто, пожалуй, встретишь такую последовательную и страстную ожесточенность, с какой писатель срывает «ненахмуренные и даже, можно сказать, благообразные» маски с людей душевно черствых, эгоистичных, завистливых и жестоких.

Авторская позиция в рассказах выражена весьма активно и притом двояко: отчасти впрямую, а в большей мере — через характеры и поступки тех героев, на чьей стороне сам автор и на чью сторону, безусловно, станет и читатель. Остаться равнодушным читатель вряд ли сможет,— слишком остры конфликты, положенные в основу большинства сюжетов.

Наиболее резкую форму принимает протест героини рассказа «У подножия памятника», что вполне естественно, ибо протест этот против тех, кто готов чернить всех и вся вокруг, прикрываясь заботой о нравственности, кто хочет «знать о других больше, чем о себе», кому чужды даже самые священные человеческие чувства. Последнее особенно страшно. «Бездельничаете,— произнес Семен Борисович.— Исповедальное времяпровождение, так сказать...» Эти циничные слова обращены к людям, стоящим у памятника погибшим морякам.

А. Коваленков немногословен, подчас попросту лаконичен в описании характеров своих героев. Но, несмотря на лаконичность изображения, герои его сложны. Чистота души, доброта и благородство этих людей могут быть скрыты под повадкой озорной и мальчишеской, под внешней грубоватостью, доводящей порой чуть ли не до скандальных ситуаций; они могут быть свойственны человеку, на редкость беспокойному и даже утомительному в общении. Таков, например, Евгений Володичев по прозвищу «Сенсатор», рассказ о котором дал название всему сборнику.

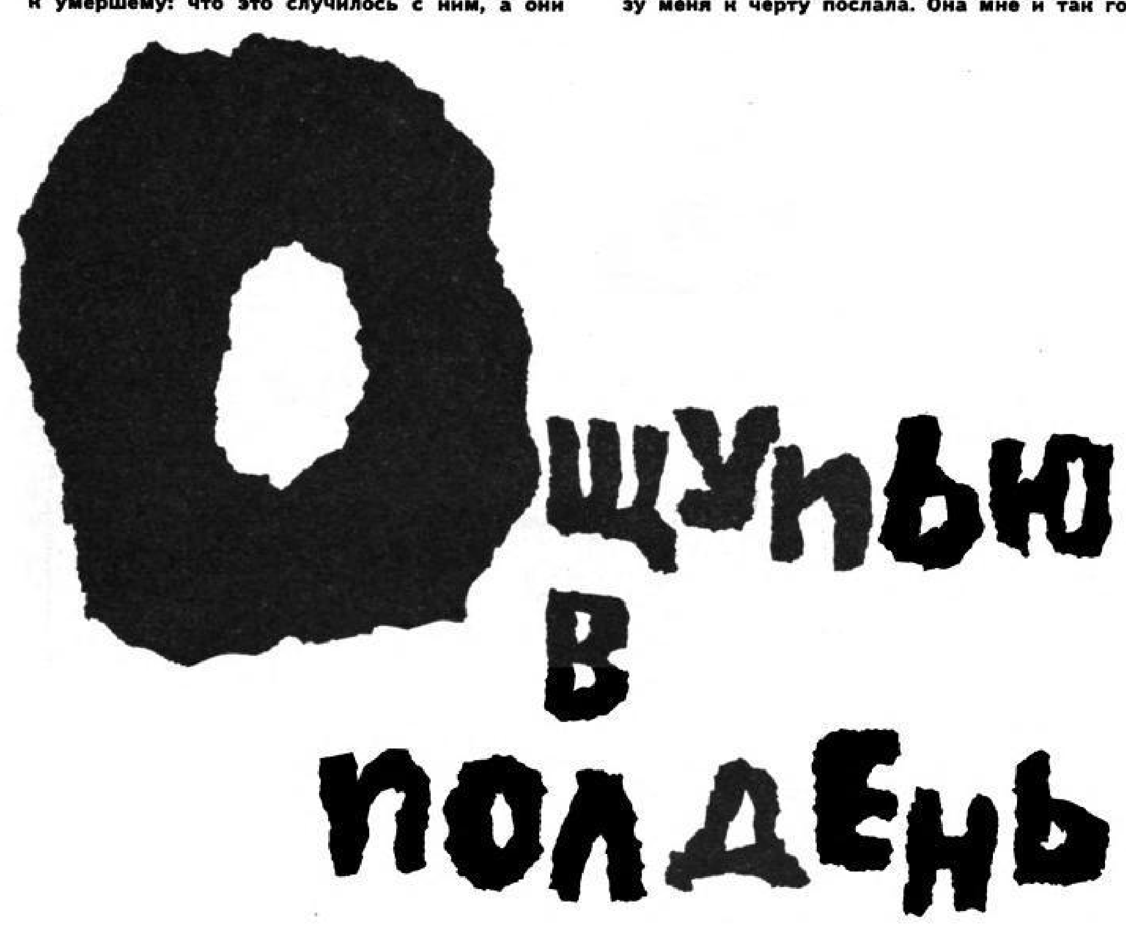
Лучшие герои рассказов Коваленкова отзывчивы к чужой беде и всегда готовы помочь, прямодушны и бескорыстны, чутки и тонки душевно, романтичны в самом высоком смысле этого слова. И они очень разные: сборник «заселен» густо, хотя и невелик по объему, однако же каждое лицо обладает своими чертами, каждый голос обладает своей окраской.

Стройна и соразмерна композиция сборника, отчего весь он при большом разнообразии сюжетов и характеров воспринимается как единое целое.

Н. ЦВЕТКОВА

А. Коваленков. Сенсатор. Издательство «Советская Россия», 1967.

Аркадий ВАЙНЕР,
Георгий ВАЙНЕР

Ставицкий налил немного коньяку в высокий фужер, выпил разом, долго морщился, нюхал кусочек мармелада. Тихонов встал, подошел к окну. На улице шел снег, все было серо и тоскливо. Стас почему-то вспомнил, как школьный учитель Коростылев говорил: «Окно — две системы измерения, дающие нам возможность познать третью».

Ставицкий сказал мятым голосом:

— А Тани уже нет...

Тихонов обернулся. Ставицкий, понурившись, сидел в кресле. Потом взял сигарету и стал чиркать спичкой. Но руки у него дрожали и спички ломались. Наконец затянулся, и кадык на худой шее дернулся вверх-вниз. И весь он был уже не красивый и спокойный, а нервный, угрюмый и напуганный. Ставицкий несколько раз затянулся и сломал сигарету в пепельнице:

— Про нее, про мертвую, трудно говорить. О мертвых, о всех, стараются говорить хорошо и забывают мелочность, жадность, всякую человеческую труху. Потому что, когда кто-то неожиданно умирает, люди вокруг пугаются: ведь и с ними могло такое приключиться! И они невольно проникаются признательностью к умершему: что это случилось с ним, а они вот живы. Оттого и говорят хорошо обо всех скопом — о хороших и плохих.

— Мрачноватая у вас философия,— буркнул Стас.

— Да бросьте, не философия это никакая. Просто меня злит, что о Тане будут говорить, как обо всех. А она совсем другая!

Ставицкий помолчал, закурил новую сигарету.

— Можете смеяться, если хотите, мне это безразлично. Но Таня была святая. Очень ироничная, очень веселая святая. А на ее работе это особенно трудно — быть святой.

— Быть святым вообще трудно,— пожал плечами Стас.— А почему ей особенно?

— Она слишком много видела разного. А большое видение иногда порождает цинизм. Особенно у молодых, которым вообще свойствен максимализм. Таня шутя называла себя «прорабом человеческих душ»...

«Большое видение», «максимализм». Красиво... Стас наклонился и сказал тихо:

— Простите, вы Таню Аксенову любили?

— Во-первых, сейчас это уже не имеет значения, а во-вторых, это — мое личное, и лучше этого не касаться.

— Несомненно. Но Таня убита при очень непонятных обстоятельствах, и я бы хотел знать о ней как можно больше. Ведь Танина смерть — это не только ваше личное дело.

— Понятно. Ну, условимся, что любил.

— Любили? Или условимся, что любили?

— Любил.

— Вы из-за Тани разошлись со своей женой?

— И это знаете?

— Я это знать обязан. Так как же?

— Нет, не из-за Тани. Просто тот брак был уже бессмыслен. Совершенно чужие люди. Елена не хочет этого понять до сих пор.

— Елена Букова, ваша бывшая жена, знала о ваших отношениях с Аксеновой?

— Да. На этой почве у нас были острые конфликты. Она требовала, чтобы я прекратил встречи с Таней и вернулся.

— Аксеновой это было известно?

— Нет. То есть в конце концов она узнала. Ей кто-то стал присылать анонимные письма. Думаю, что это работа Елены.

«Так. Это уже теплей»,— мелькнуло в голове у Стаса.

— А почему вы сразу не рассказали обо всем Аксеновой?

— Ха! Надо было знать Таню.— Ставицкий налил себе еще коньяку, выпил.— Она бы сразу меня к черту послала. Она мне и так говорила: «Очень ты всегда красиво беседуешь...» А я уж так заигрался, что вел себя, как школьник, прогулявший уроки,— все равно накажут, поэтому прогуливал все дальше и дальше, надеясь на какое-то чудо. Думал, что со временем это потеряет свою остроту и всякое значение. Это была, как говорится, ситуационно обусловленная ложь.

— А потом?

— Потом Таня получила какое-то письмо. Ну, а врать я больше не мог. И тогда пришел конец всему.

— Вы письмо это видели?

— Нет. Таня даже разговаривать со мной не захотела.

— Вы почерк своей жены хорошо помните?

— Да. А что?

— В сумке Тани я нашел письмо с угрозами. Она получила его за два дня до смерти.

— Но это не то письмо! То она получила месяц назад. Если можно, покажите мне его.

— Пожалуйста.

Дрожащими пальцами Ставицкий достал из конверта письмо. Взглянул мельком:

— Нет, это не Елены рука.

— Вы посмотрите внимательней.

— Да что смотреть! Что я, почерка ее не знаю! Слава богу...

— Если предположить, что Букова имела отношение к этому письму, напрашивается вывод: такое щепетильное дело она могла доверить только очень близкому человеку. Кто может быть ей настолько близок?

Ставицкий задумался:

— Вероятнее всего, это Зинка Панкова, ее подруга.

— А кто она, эта Панкова?

— Актриса, вместе с Еленой работает в Театре музыкальной комедии.

Ставицкий налил себе еще коньяку. Глаза у него блестели.

— Как все это ужасно! Какой-то бессвязный нервный бред, как в пьесах Ионеско... И вообще во всей этой истории есть что-то катаклитическое. С одной стороны, это — ужасное горе, а с другой, признаюсь честно,— разговоры с вами, которые душевному спокойствию отнюдь не содействуют. Ерунда, конечно. Главное, что в этой драме все так непоправимо...

Стас по-прежнему стоял у окна, смотрел на падающий непрерывно снег и думал: «Небольшой ты человечек-то оказался».

2

Вернувшись к себе, Стас включил плитку, достал из сейфа несколько папок с уголовными делами, присланными ему для ознакомления из разных районов. Позвонил оперативник из 78-го отделения милиции Саша Савельев, которого подключили в помощь Стасу. Но у Савельева тоже ничего интересного не было.

Тихонов подумал, что надо бы еще раз внимательно осмотреть одежду Тани.

— Вот что, Савельев,— сказал Стас.— Ты мне завези, пожалуйста, вещи Аксеновой. А от меня поедешь в домостроительный комбинат, точно разузнаешь, как Якимов провел понедельник.

— Насчет Якимова я уже интересовался,— сказал Савельев.— Он с пяти до одиннадцати вечера вместе с другими рабочими был в Свиблове: они там временный водопровод чинили...

В управленческой столовой было, как всегда, полно народу. Тихонов злился, но есть все-таки хотелось, и пришлось выстоять длинную очередь. Щи были холодные, шницель назывался «по-африкански». Шарапов уныло шутил, что его делают из львов пополам с хлебом.

После щей есть расхотелось. Тихонов лениво жевал невкусный шницель и думал, что надо было спросить Ставицкого о том, чем кормили в понедельник в ресторане. «Не верю, не верю я ему. Это не отчаяние, это душевная расхристанность»,— пробормотал Стас и пошел наверх.

Савельев уже ждал его. Передав Стасу большую картонную коробку, он умчался по своим многочисленным делам. Стас включил свет, открыл коробку.

Черное мохнатое пальто с седым норковым воротничком. Крохотное отверстие в черной ткани, его только на свет и разглядишь. Серая шерстяная кофта. Крупные толстые петли, они образуют строгий, красивый узор.

Крупные красивые петли. А где же все-таки отверстие? Сразу и не найдешь. Впрочем, его может и вовсе не быть. Ведь если это шило, то острие могло пройти между петлями, раздвинуть их, не задеть ткань. Так оно, наверное, и было. Нет, вот отверстие. Маленькая круглая дырочка. Пятнышко крови. Красивая пушистая вещь, связанная крупными петлями...

Стас достал из стола сильное увеличительное стекло. Повертел в руках. Может быть, отверстия в одежде подскажут форму оружия? Нет, линза бессильна. Надо бы позвонить экспертам-криминалистам. Но уже поздно. Завтра.

3

В половине восьмого Тихонов вышел на улицу. Синеватые пятна фонарей вырывали из промозглой снежной куролеси ссутулившиеся фигуры прохожих, размытые очертания неуверенно ползущих автомобилей, мохнатые купы деревьев над оградой «Эрмитажа». Тихонов поднял воротник. Ох, злится зима, прямо до костей пробирает сырая стужа! А Вася-шофер, как всегда, не торопится.

— Сто лет тебя дожидаться,— ворчит Стас, усаживаясь в машину.— Небось, мозоли на руках от домино набил...

— Что-то вы не в духе сегодня, Станислав Палыч,— улыбается Вася.— Разве вы со мной опаздывали когда?

На автобусной остановке у «Байкала» Стас наметил себе дистанцию: от фонаря до фонаря — шестьдесят шесть шагов. Он ходит по тротуару, постукивая время от времени ботинком о ботинок, смотрит, прикидывает. Все-таки интересно — за три дня парень побывал здесь дважды. Вряд ли это случайность. Значит, реальные шансы его здесь встретить сохраняются. Это было бы ловко! Сразу же многое стало бы на свои места. Конечно, взять его — еще не все. Пойди докажи, что именно он убил Таню...

У остановки автобуса уже собралась небольшая очередь: немолодая женщина с ребенком, две девочки-школьницы, два солдата. 20.26. Подтормаживая и скользя по накатанному асфальту, к тротуару прижимается автобус.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 7, 8.

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

машина Гавриленко. Со скрипом раскрываются створки задней двери, пассажиры торопливо поднимаются в машину, уехали. Опять один в этой проклятой ледяной крупе. Не встретил. Но парень поедет следующей машиной. С Демидовым. Должен поехать. Иначе какого черта здесь мерзнуть? Какая крохотная дырочка в пальто Аксеновой, в платье, в кофте! Всего несколько пятен крови. И нет человека. Глупо, нелепо.

Из-за угла дома показывается длинная мужская фигура, приближается к остановке. Следующий автобус демидовский. Тихонову уже не холодно. Человек приближается, подходит к столбу остановки. Высокая цигейковая шапка-«москвичка», темное, заснеженное на плечах пальто. Он? Какого черта, в нем же роста — метр с кепкой. Просто издали показался длинным и одет совсем по-другому. Нервишки проклятые играют. Хорошо было классику говорить: «Учитесь властвовать собою». А где, интересно, учиться? На юрфаке эту дисциплину не преподают.

Тихонов зябко поводит плечами: спина, ноги замерзли. Очень холодно все-таки. Подходят, взявшись за руки, маленький крепыш-лейтенант и девушка в полосатой меховой шубке. Девушка ест мороженое и с увлечением объясняет лейтенанту, что «...Надька такая врушка, всем говорит, будто она на втором курсе, а сама на первом, и в театр она ходила вовсе не с парнем, а со своей теткой. Надо же!..» В очередь встало еще несколько человек. Они к тихоновским делам явно никакого отношения не имеют. Стас чувствует, что сейчас подъедет Демидов, а парня все нет. Вот бежит к остановке мужчина в сапогах и кожаной шубе, и тут же из-за угла показывается автобус. Это демидовский. Тихонов видит, как Демидов озабоченно вертит головой, встречается с ним глазами. Парня нет. Автобус стоит минуту. Наконец дверцы захлопываются. Тихонов бормочет чуть слышно: «Постой, постой еще минуту! Сейчас он подойдет». Демидов, умница, понимает. Автобус мелко дрожит, ждет. С неба просеивается белесая сырость, садится на лицо, на плечи, на окна автобуса. Вдруг щетка снегоочистителя делает широкий взмах, оставляя под собой влажный стеклянный полукруг. В нем озабоченное лицо Демидова. Тихонов пожимает плечами, и автобус трогается: у него расписание. Форсаж, голубоватая струя выхлопа у поворота. Уехал.

Надо ждать. В конце концов «Длинный» — так Тихонов окрестил парня — с ним не договаривался ездить только на демидовском автобусе. Тихонов ходит по заснеженному тротуару, пальцы совсем окоченели, нос, щеки отваливаются. Форс держим, шелковую маечку носим. Кисло бы нам сейчас в теплом бельишке было... Какая крохотная дырочка в кофте, даже петля не спустилась. Как ей, наверное, больно было! А может, сразу сознание потеряла? Нет, вряд ли. Ведь еще шагов двадцать прошла. Может, бежала? Нет, Евстигнеева и Лапина говорят — шла. Небыстро шла. Упала молча, руками даже не взмахнула.

Прошел автобус, еще один. Подвыпившая компания выбралась из гостиничного ресторана. Прошли мимо. Тихонов узнал, что в Красноярске шашлык куда лучше, чем здесь, а Нефедова все равно порежут. Если не в главке, то в министерстве уж обязательно...

ПЯТНИЦА

1

Тяжелая, обитая сияющей бронзой дверь неохотно приоткрылась, и табличка «Служебный вход» сразу потеряла свою магическую неприступность.

— Вам кого? — спросил швейцар, величественный, с седыми бакенбардами и в пижамной полосатой куртке.

— Либердей Гордеича,— буркнул Тихонов. Швейцар не понял, но переспрашивать не стал и указал рукой на лестницу. Тихонов поднялся на второй этаж и среди длинного ряда безымянных дверей быстро отыскал ту, на которой было написано: «Инспектор по кадрам». Заперто. Тихонов еще раз дернул ручку. По коридору шла женщина с ведром и щеткой.

— Чего дергать-то? Ведь заперто! Марианна Ивановна пошла за пирожками. Будет скоро. Ты сядь, подожди.

— Слушаюсь. Сяду подожду.

Тихонов уселся на красный бархатный диванчик и стал рассматривать развешанные на стене фотографии актеров в разных ролях. Прямо напротив висел хорошо сделанный портрет — «Заслуженный артист Кабардино-Балкарской АССР К. М. Ставицкий в роли графа Люксембурга».

«Да, ведь раньше он тоже в этом театре работал»,— вспомнил Тихонов. Ставицкий был в блестящем цилиндре, смокинге, с тростью, в плаще, накинутом на одно плечо. Красивый парень, ничего не скажешь. Потом подумал: «А все-таки алиби у вас нет, гражданин Люксембург». Тихонов встал и пошел вдоль стены, читая надписи к фотографиям. Большинство актеров на них имело вид лирико-драматический, а актрис — томно-демонический. Ага, вот

Букова — «...в роли Пепиты в оперетте Дунаевского «Вольный ветер». Букова была похожа на этикетку одеколона «Кармен» — с веером и завитой прядью на щеке. «Такие нам страсти бог послал»,— покачал головой Стас. Почти в самом конце коридора он нашел портрет Панковой — «Элизы Дулитл в оперетте «Май фер леди». Здесь Элиза уже не оборванка — она леди, элегантная, строгая, с очень умным лицом. Ну-ну!

Дверь в конце коридора вела на крутую железную лестницу. Стас спустился по ней и неожиданно оказался за кулисами. Здесь было полутемно. Мезозойскими волнами застыли складки занавесов и кулис, чернел провал оркестровой ямы, зыбь партера уходила в глубину зала, где очень далеко ночными баненами краснели буквы «Выход». Рабочий, возившийся где-то наверху, над сценой, кричал: «Электрики! Электрики, сволочи, луну снимайте!» — и голос его булыжником катался в пустой бочке зрительного зала.

«Смешно, что мы часто не только не задумываемся над сущностью явлений вокруг нас, но даже не подозреваем о наличии у них какой-то оборотной стороны,— подумал Стас.— Нас четко держит в русле привычных представлений изначальная заданность событий и людей. В театре всегда должен быть праздник, на космодроме бывают только запуски, актер обязан всегда быть благородным, и прекрасным, а милиционер — хитрым и грубым! Причем заложено это так глубоко, что обычно и в голову не приходит спросить: «Почему?» Это аксиома, как точка — обязательно пересечение двух прямых. Хорошо бы запретить аксиомы. Их придумали наверняка о-очень умные люди. Аксиомы мешают менее умным заглядывать за установленный раз и навсегда предел...»

Стас тряхнул головой и поднялся обратно по лестнице. Дверь — «Инспектор по кадрам» — была приоткрыта.

Стас представился пожилой женщине, сидевшей за старинным письменным столом.

— Мне нужно посмотреть несколько личных дел...

— Творческих? — деловито спросила инспектор.

— Как? — не понял Тихонов.

— Ну, служащих или артистов?

— Артистов.

— А в чем дело? Кто-нибудь проштрафился?

— Да нет, что вы! — засмеялся Стас.— Просто в силу профессиональной любознательности.

— А чье именно дело вам требуется?

— Видите ли, я бы хотел посмотреть несколько...

— Ясно, ясно,— догадалась Марианна Ивановна.— Вот шкаф с личными делами, кто вам нужен — ищите сами. Секретничаете все!

Тихонов сказал:

— Вы не обижайтесь, пожалуйста. Ведь у нас специфика: спросим иногда про Петрова, и уже готова схема: то ли у Петрова что-то украли, то ли он у кого-то украл. В общем, в какой-то краже Петров замешан...

Кадровичка засмеялась:

— Да ладно, я эту шутку еще в двадцатом году от артиста Александра Вишневского слышала. Трудитесь...

Тихонов взял несколько личных дел.

Букова Елена Николаевна. Анкета: тридцать два года. Образование высшее. Копия диплома. Характеристика в девять строчек. Автобиография. Тоже несколько строчек: родилась, училась, поступила... Копии приказов: зачислить в театр, предоставить отпуск, объявить благодарность... Присвоить вторую категорию. Заявление об отпуске, еще одно. «Ей-богу,— подумал Тихонов,— у швейной машинки паспорт и то разговорчивей: что она умеет делать, чего нет; когда хорошо работает, когда плохо; кому на нее жаловаться...» Тихонов вздохнул и вернулся к автобиографии. Четкий, почти каллиграфический почерк. «Выработанный»,— вспомнил Тихонов термин экспертов-почерковедов. Не спеша, наверное, писала, выводила. А вот прошлогоднее заявление об отпуске. Здесь Букова явно спешила: зачеркивала, некоторые слова не дописывала. Все равно строчки круглые, гладкие, как на школьной доске. Да, не густо.

Тихонов открыл тоненькую папку с надписью «Панкова З. Ф.». Так, Зинаида Федоровна, тридцати одного года, автобиография: школа, театральная студия, эстрада, театр. Присвоена вторая категория. Вот и все. Взысканий нет. Благодарность «за творческие успехи» — ко дню Восьмого марта. Отпуск, еще отпуск, трудовая книжка. Все. Ближайшая подруга Буковой. Задушевная. Ставицкий говорил, что Панкова принимала очень близко к сердцу его разрыв с женой. В автобиографии, конечно, об этом ничего нет. И не может быть. Почерк какой корявый! Двоечницей, наверное, в школе была. Не то «К», не то «Н» — не разберешь, одинаково пишет. Постой, постой. Эти буквы кто-то еще пишет так же. «Н» похожее на «К», и «К» похожее на «Н».

Тихонов отложил папочку, полистал «для дела» еще несколько. Потом спросил:

— Скажите, пожалуйста, в какое время приходит в театр Панкова?

— Видите ли, Панковой сейчас нет в Москве. В Ленинграде у нее старушка мать. Недавно она серьезно заболела, и Панковой предоставили отпуск за свой счет. Завтра она должна выйти на работу.

— А когда она уехала?

— В понедельник вечером или во вторник утром. Я точно не знаю. Зине неожиданно сообщили о болезни матери, и она договорилась об отпуске с режиссером Колосковым по телефону.

— Ясно. Автобиографию Панковой и ее заявление я с вашего разрешения возьму...

...— Тут, видимо, какое-то недоразумение.— Колосков, коротко стриженный молодой человек, нервничал.— Зины с понедельника нет в Москве, она уехала к больной матери.

Стас быстро просчитал в обратном порядке: четверг — раз, среда — два, вторник — три. Аксенова погибла в понедельник. Спросил:

— А как это произошло?

— Часов в десять вечера она позвонила мне домой, была очень взволнована. Сказала, что с матерью плохо и немедленно выезжает в Ленинград. Зина просила оформить ей отпуск до пятницы.

— Значит...

—... завтра она обязательно должна быть к двенадцати часам, у нас крайне ответственная репетиция.

Прямо из театра Тихонов поехал к Панковой домой, в Кривоколенный переулок. Дверь открыл представительный мужчина в сапогах.

— Зинаида Федоровна? Она в отъезде,— сказал он задумчиво, застегивая свои роскошные бриджи.— Да вы заходите. Знакомый ей будете?

— В общем-то знакомый. А давно она уехала? — спросил Тихонов.

— Порядочно. Дня три-четыре, значит.

— Три-четыре?

— Да я вам точно скажу. В воскресенье я ей сказал, чтобы она жировку за свет и газ рассчитала — ее очередь. Она говорит: «Ладно, Павел Кузьмич, к вечеру сделаю». Смотрю, вечером ее нет. Известное дело — артисты! А в понедельник сидим, телевизор смотрим, слышу, дверь у нее хлопнула. Я сразу к ней в комнату, а она сидит на диване, чемодан пакует. Я, значит, ей: «Ты что, Зин, уезжаешь? А жировка?» Она говорит: закрутилась, мол, с делами, забыла, говорит, жировку вывесить. И дает ее мне. А сама уехала, на гастроли, что ли, в субботу обещала вернуться.

— Что же она, прямо так в полночь и укатила? — вежливо удивился Тихонов.

— Да нет, часов одиннадцать было, аккурат телевизор кончился, как я к себе зашел.

— Ну спасибо, папаша,— сказал Стас, глядя через его плечо на листок с расчетом за свет и газ, пришпиленный к кухонной двери. Теперь окончательно ясно, откуда эти корявые, совпадающие «Н» и «К».— Водички нельзя попить?

— Это пожалуйста, воды у нас вдоволь, вон из крана третий день течет, а слесарям плевать.— Сосед, бормоча, пошел на кухню. Стас протянул руку, отцепил с двери счет, опустил его в карман. «Состава преступления нет,— подумал он.— За малозначительностью кражи и отсутствием вредных последствий».

Пить совершенно не хотелось, но Тихонов цедил воду, невкусную, с запахом железа, леденящую зубы.

2

На сей раз замок открылся сразу, и это обрадовало Тихонова: замерзли руки, и проделывать фокусы с ключом ужасно не хотелось. «За это я сейчас вызову наконец слесаря»,— злорадно подумал Стас. Дуя на пальцы, он набрал номер комендантского отдела, но там никто не снимал трубку. Стас посмотрел на часы — обед. Замок в этот день починить было не суждено.

Тихонов уселся за стол, с удовольствием вытянул длинные ноги.

— Итак,— сказал он вслух,— как говорил наш университетский остряк Лева Плоткин:

Хождение по мукам

Рисунки
Ю. ЧЕРЕПАНОВА

«Что мы имеем с гусь?» А имеем мы, похоже, первую микроскопическую победу...

Стас набрал номер, подождал.

— Алло! Савельев? Ты чего не звонишь? Я давно пришел. Минут десять. Ну ладно, ладно. Ты Демидову фото Ставицкого показывал? Не опознает? Значит, правильно. А чего мне не радоваться? У меня, мой друг, свои тайные услады. Теперь, старик, вся надежда на пассажира. Значит, в шесть ты, как из пушки, готов и ждешь моего звонка. Арривидерчи!

Потом достал из сейфа расчерченный на квадраты лист и стал аккуратно, с явным удовольствием густо заштриховывать клетку, в которой было написано «К. М. Ставицкий». Закончив, долго рассматривал лист, любуясь своей работой. Сложил его, спрятал в сейф, щелкнул замком, надолго задумался...

3

«В ленинградский уголовный розыск
Телефонограмма.
18 февраля 1966 г. 14 час. 25 мин.
исх. № 171«ф»

...По указанному адресу прошу срочно проверить факт болезни гр-ки Панковой Екатерины Сергеевны и пребывания у нее дочери — Панковой Зинаиды Федоровны. О результатах сообщите немедленно по телефону 99-84.

ПОДПИСАЛ — начальник отдела Шарапов.
ПЕРЕДАЛ — Тихонов.
ПРИНЯЛ — Петровцев».

4

Перед вечером пришла Трифонова, эксперт-трассолог из НТО.

— Нечем мне вас порадовать, Станислав Павлович. Очень трудную задачу вы мне задали.

— Простые я сам решаю,— усмехнулся Стас.

— Видите ли, Станислав Павлович, в подобных случаях ткань — очень плохой следовоспринимающий объект. Лишь в самых редких случаях она фиксирует форму орудия, которое на него воздействовало. Поэтому уже сейчас ясно, что по поводу повреждений на пальто и платье потерпевшей мы вам никакого заключения не дадим.— Трифонова сняла очки и задумалась. Потом вздохнула и продолжала: — Что касается кофты, то тут особый разговор. Вы, конечно, знаете, что такое негативный след?

Тихонов хмыкнул что-то не очень определенное.

— Грубо говоря, это — появление следа, которого не должно быть. И вот мне кажется, что на кофте есть такой след...

— Не понял,— честно признался Тихонов.

— Объясню,— терпеливо сказала Трифонова.— Вы мне вчера изложили механизм нападения, как вы его себе представляете и каким он выглядит по материалам дела. Кофта, которую вы мне передали для исследования, сделана из синтетической широковолокнистой шерсти методом крупной вязки. В этой кофте есть отверстие от оружия нападающего. Я провела эксперимент: шилами круглой и трехгранной формы я во многих местах прокалывала кофту...

У Стаса захватило дыхание.

— ...и ни в едином случае отверстия в ткани кофты не оставалось. Это подтвердило мое предположение о том, что ткань подобного типа оказывает лишь косвенное сопротивление острию оружия. Она пропускает его между отдельными нитями, проскальзывающими вдоль иглы шила...

— Но этого не может быть,— растерянно сказал Стас.

— Давайте поднимемся к нам в лабораторию, и я вам все покажу,— тихо сказала Трифонова.

Стас взглянул на часы. Без пяти шесть. Он снял трубку телефона, набрал номер:

— Савельев! Я задерживаюсь. Бери когонибудь и поезжай на автобусную остановку к «Байкалу». Жди не меньше часа. Я буду все время на месте.

Они поднялись на шестой этаж, прошли длинным коридором, заставленным какими-то громоздкими станками, приспособлениями, ящиками. В одном из простенков стояли изрядно помятый капот «Волги» и переднее крыло с разбитой фарой. Трассологическая лаборатория помещалась в двух маленьких комнатах. Весь угол первой комнаты занимало огромное сложное сооружение. Оно было похоже одновременно на весы с товарной станции, токарный станок и телескоп. Тихонов кивнул на него:

— Изготовляем деньги, маленькие атомные бомбы и пишущие машинки?

На полу вдоль стен были расставлены смешные вещи, являющиеся для кого-то страшными вещественными доказательствами: гипсовые следы чьих-то ног, сапог с четким отпечатком автомобильного протектора по голенищу; выпиленный из двери замок с явными следами взлома и рядом с ним ржавый, изогнутый в конце ломик; жаровня с торчащими из нее шампурами.

«Чего только не стекается сюда со всего города,— подумал Стас.— Здорово похоже на лавку «Старье-берем!». Хотя, если вдуматься, понятие старья весьма относительно — сегодняшнее старье завтра неожиданно становится антикварной ценностью».

Стас улыбнулся и сказал:

— Вы знаете, Анна Сергеевна, я вот оглядел вашу контору и вспомнил, как давным-давно, когда я еще был мелким совсем, в нашем доме жил дворник — татарин Бабахан. И рассказывал он нам, пацанам, сказки, которые слушали мы, естественно, с восторгом. Несмотря на то, что мужчин он обязательно называл «она», а женщин — «он». Помню, была у него сказка о том, как обидел багдадский халиф своего судью за справедливость его решений. Закинул судья от досады их багдадский УПК в реку и открыл на базаре лавку старья, да не простую, а волшебную. Ходил он по богатым домам, и, если покупал вещь, добытую злом и насилием, превращалось все остальное в этом доме в хлам и рухлядь. А сама вещь стояла в лавке, пока не приходил настоящий хозяин, и, если он был добрый человек, волшебник превращал вещь в новую и возвращал ее. Вот вы, Анна Сергеевна, и есть тот самый багдадский волшебник.

— Да ну вас, Станислав Павлович. Вы всегда чего-нибудь придумаете.— Трифоновой было под пятьдесят, но смущалась и краснела она, как девочка.

— Ну хорошо,— засмеялся Стас.— Вернемся к нашим мутонам.

— Для начала давайте повторим эксперимент, Станислав Павлович,— сказала Трифонова.

Много раз во всех направлениях они прокалывали ткань кофты разными шилами и тут же внимательно рассматривали ее. Результат во всех случаях был один и тот же: от ударов не оставалось никаких следов, острие шила беспрепятственно проскальзывало сквозь пушистые волокна.

— Да-а, что-то тут не то,— растерянно пробормотал Тихонов.— Но как же с отверстием?..

— Вот сейчас мы его рассмотрим под микроскопом,— сказала Трифонова и положила кофту на предметный столик прибора.— Поглядите, нити петли в том месте, где находится отверстие, обрезаны ровно, как бритвой. А вот экспериментальный участок, смотрите внимательно, я ввожу шило...

Между рядами нитей, напоминавших под сильным увеличением ровные линии бревен в плотах, Тихонов увидел огромный металлический стержень с зазубренным концом. Конец стержня спокойно раздвинул два соседних «бревна», и они, изогнувшись, легко скользнули по нему.

— И вот петля, которую я для пробы разрезала ножом,— сказала Анна Сергеевна, и Тихонов увидел новый участок ткани, где несколько «бревен» были разрезаны пополам. В местах среза торчали лохматые, разной длины волокна, а некоторые из них, оставшиеся целыми, мягкими мостками соединяли разрезанные нити.

— Теперь вам понятно? — спросила Трифонова.

— Теперь мне понятно, что ничего не понятно,— сказал Стас.— А может быть, это не шило вовсе, а острая узкая отвертка?..

— Это ближе к тому, что мы видим,— задумалась Трифонова.— Но нам ведь нужен достоверный вывод, а не гипотеза. Так?

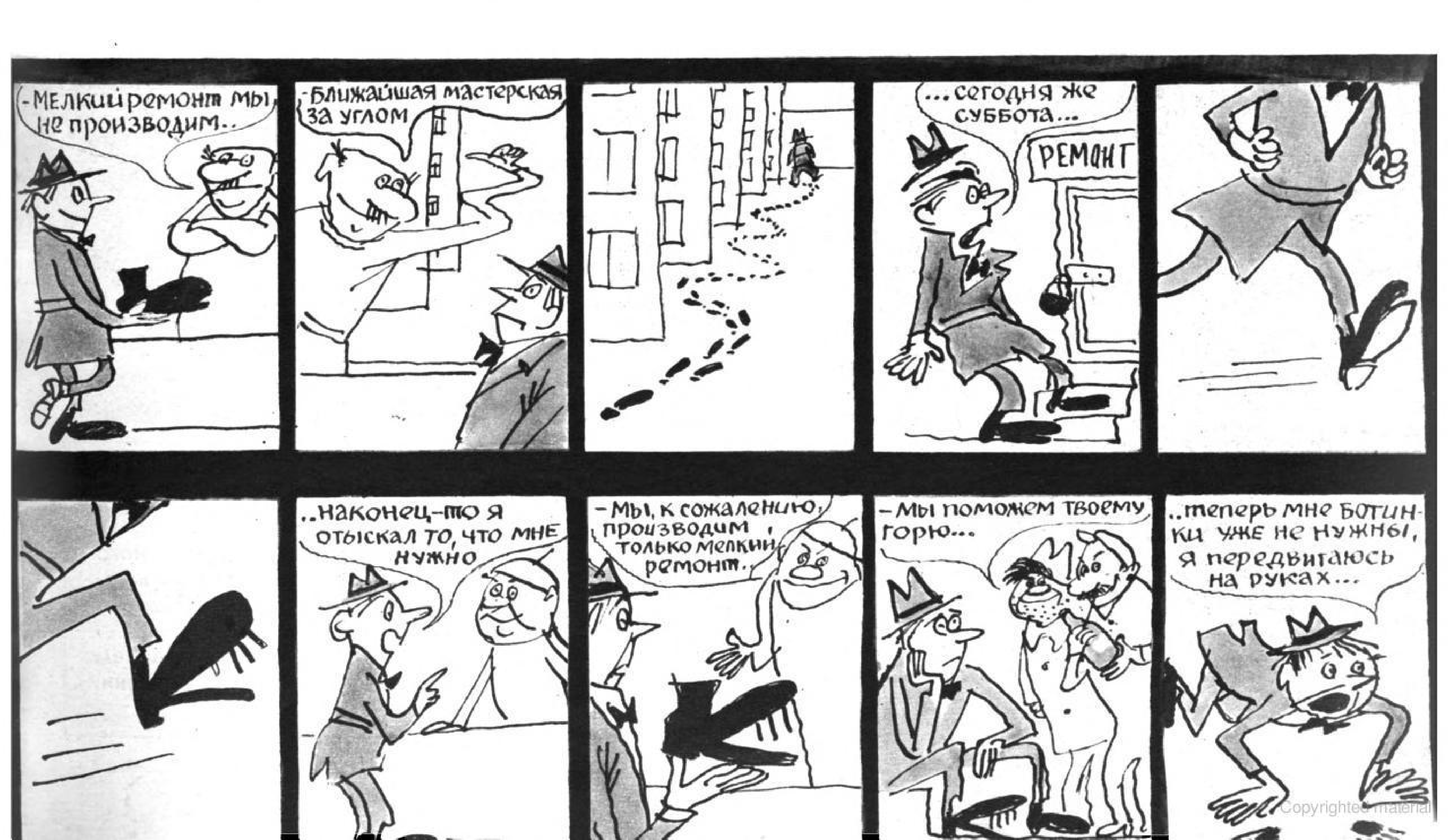
— Так,— отозвался Стас.

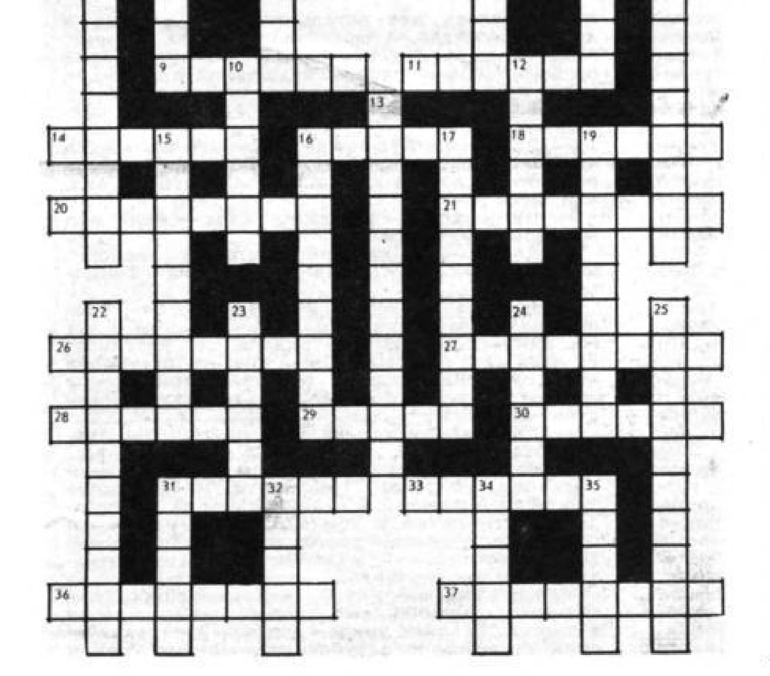
— Мы можем сделать вот что. Поскольку отгадка, возможно, таится в свойствах ткани, надо обратиться к специалистам. Давайте, пока не поздно, я съезжу в лабораторию профессора Роговина. Там большие знатоки искусственного волокна. Может быть, они нам все разъяснят.

— Не поздно?

— А я, как чувствовала, договорилась с научным сотрудником лаборатории Левиным. Он меня будет ждать.

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Персонаж романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» 8. Повесть А. И. Куприна. 9. Часть песни. 11. Искусственная приманка для рыбы. 14. Название советского космического корабля. 16. Цветок. 18. Документ об окончании высшего учебного заведения. 20. Неточная рифма. 21. Ископаемый уголь. 26. Основная деталь прядильной машины. 27. Инструмент живописца. 28. Угольные нашивки из галуна на рукавах форменной одежды. 29. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». 30. Один из Малых Зондских островов. 31. Красящее вещество. 33. Гребная шлюпка. 36. Река в Южной Америке. 37. Город в Московской области.

По вертикали:

1. Курорт в Ставропольском крае. 2. Начало ручья, реки. 3. Дипломатический ранг. 4. Ожерелье из драгоценных камней. 5. Хвойное дерево. 6. Раздел лингвистики. 10. Мужская одежда. 12. Горы в Европе. 13. Русский композитор, автор балета «Жар-птица». 15. Точные часы. 16. Кормовой злак. 17. Главный член предложения. 19. Вид воздушного спорта. 22. Срочное уведомление, депеша. 23. Огородное растение. 24. Точильный брусок. 25. Советский математик, академик. 31. Оптическое стекло. 32 Рассказ А. П. Чехова. 34. Кондитерское изделие. 35. Тригонометрическая функция.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

4. Поронай. 7. «Бирюк». 8. Кефир. 10. Опера. 12. Доцент. 13. Стайер. 16. Вальс. 18. Ольха. 19. Вираж. 20. Бетельгейзе. 21. Бирма. 23. Левко. 25. Радон. 27. Скутер. 28. Шпагин. 29. Труба. 31. Глава. 32. Репин. 33. Диалект.

По вертикали:

1. Мокко. 2. Монреаль. 3. «Чайка». 5. Китель. 6. Тинаки. 9. Ботанизирка. 11. Серафимович. 14. Новелла. 15. Важенов. 17. Стека. 19. Визир. 22. Метель. 24. Выхухоль. 26. Арахис. 29. Тацит. 30. Аракс.

На первой странице обложки: Солдат Советской Армии.

Фотоплакат Б. Иванова.

На последней странице обложки: Елка в зимнем уборе.

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей—Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00363. Подписано к печати 20/II 1968 г.
Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 355. Заказ № 409.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Не сезон.

...И гора пришла к Магомету.

Руслан и Людмила.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «ЗДОРОВЬЕ»

Редакция журнала «Здоровье» получает много писем, в которых читатели, подписавшиеся на журнал на три—шесть месяцев, жалуются на то, что им отказывают в продлении подписки.

Сообщаем читателям, что Главным управлением «Союзпечати» дано указание о продлении подписки.

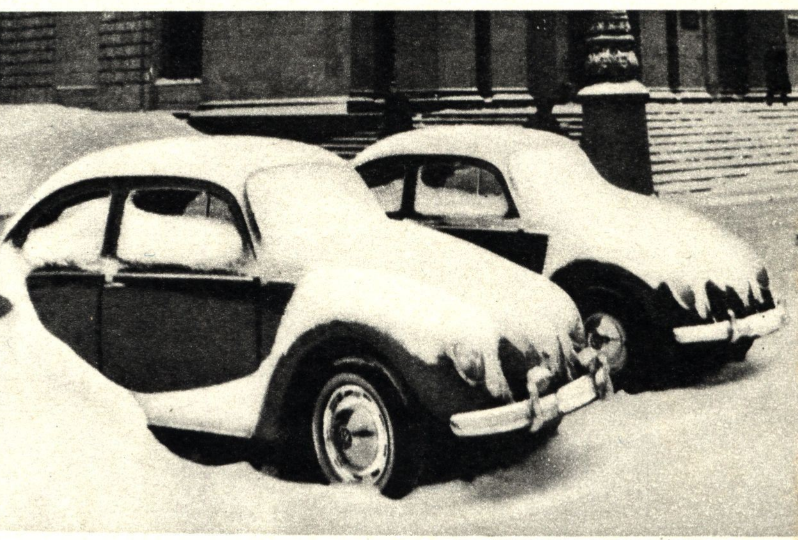
Пошли за горючим...

Улыбки зимы

Перестраховщик.

Заморские гости.

Живут же люди...

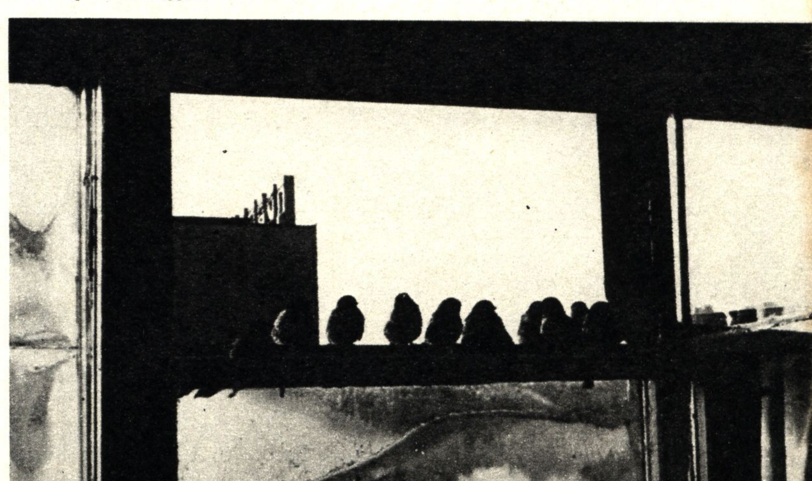
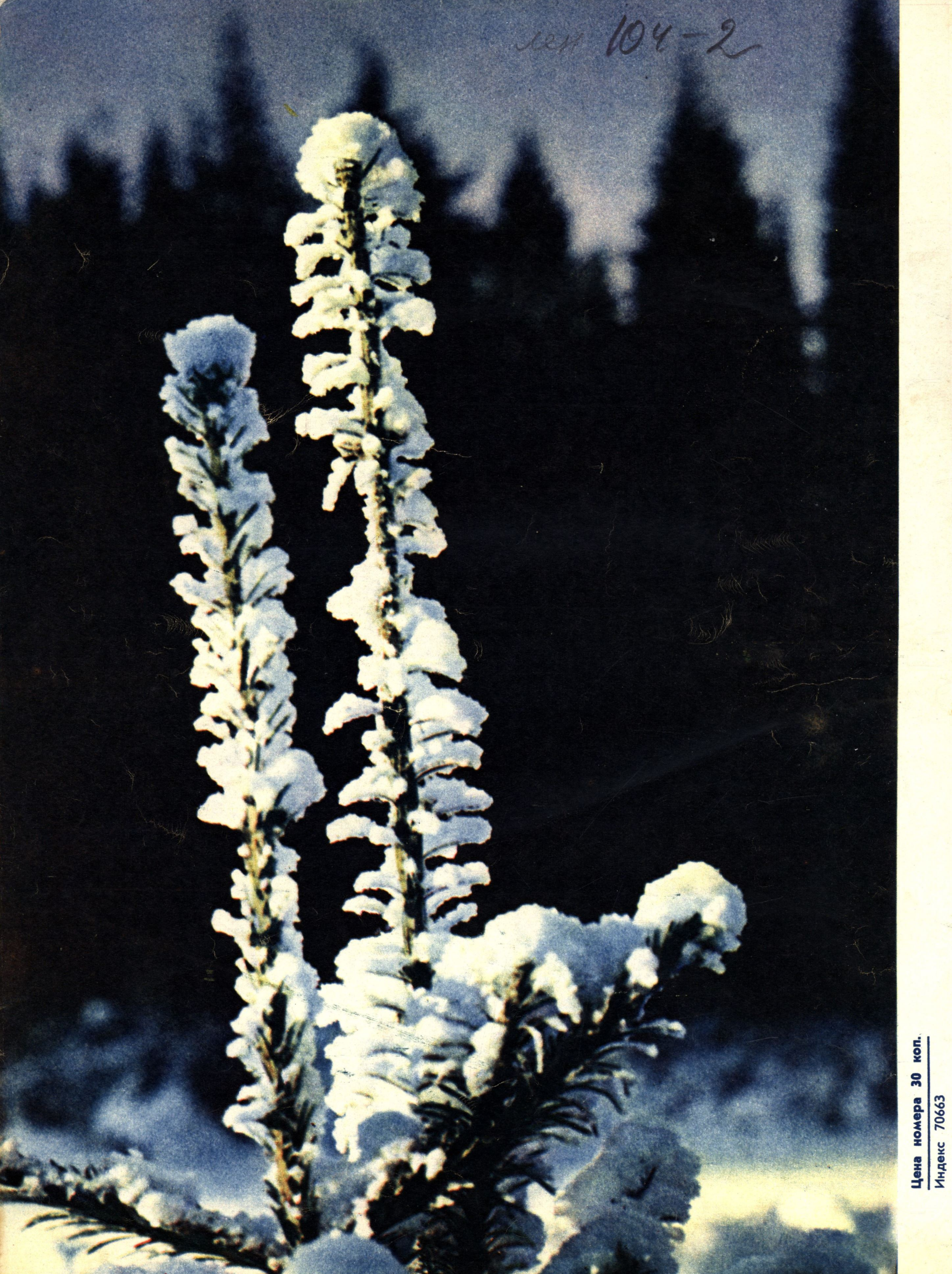

Фото Ю. КРИВОНОСОВА и Б. КАВАШКИНА.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663